

81.411.2
И 90
Кр 1354028

Кр

ИСТОРИЯ РУССКОГО СЛОВА

*ономастика
и специальная лексика
Северной Руси*

ВЫПУСК 2

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЯ РУССКОГО СЛОВА

ономастика и специальная лексика
Северной Руси

Выпуск 2

К₁ 1354028
ВОЛОГДА 2004

ББК 81.411.2-0
УДК 808.2 (09) (470)
И 90

Издание подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 02-04-00054а)

Редакционная коллегия:

к.фил. н., доцент *С.Н. Смольников* (отв. редактор)
д. фил. н., профессор *Ю.И. Чайкина*
к.фил. н., доцент *Е.П. Андреева*
к.фил. н., доцент *Л.А. Цыцылкина*

История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Межвузовский сборник научных работ. Выпуск 2. Отв. ред. С.Н. Смольников. – Вологда, 2004. – 228 с.

© Вологодский государственный
педагогический университет, 2004
© Авторы, 2004

ISBN 5-902610-07-9

СОДЕРЖАНИЕ

История специальной лексики

- Ю.И. Чайкина (Вологда). «Роспись трубного дела» как один из памятников промыслово-ремесленного стиля русского литературного языка XV–XVII вв. 5
- Е.П. Андреева (Вологда). Роль семантической деривации в развитии специальной лексики старорусского языка 14
- Л.А. Цыцылкина (Вологда). Существительные адъективного типа склонения в специальной лексике старорусского языка 28
- Т.В. Винниченко (Архангельск). Тематическая группа «Способы художественного шитья» в памятниках письменности XVII – середины XVIII вв. 41
- Е.Н. Варникова (Вологда). Мать и матица 58

История русской ономастики Антропонимика

- С.Н. Смольников (Вологда). Антропонимия памятников деловой письменности Северной Руси XVI–XVII вв.: субъективные точки зрения 65
- И.А. Куршунова (Петрозаводск). Антропонимия Кексгольмского лёна 92
- Н.В. Комлева (Вологда). Антропонимия города Вологды и Вологодского уезда XVI–XVII вв. как источник изучения локальной языковой картины мира 116
- Н.С. Лебедева (Вологда). Фамилии дворян Устюженского уезда в XVII веке (на материале писцовой книги станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 гг.) 132
- Л.П. Михайлова (Петрозаводск). Текст Новгородской летописи глазами историка и лингвиста (замечания А.И. Попова на полях памятника) 145

Топонимика

<i>И.И. Муллонен (Петрозаводск). Границы в топонимии Заонежья</i>	<i>164</i>
<i>А.В. Приображенный (Петрозаводск). Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья как система</i>	<i>179</i>
<i>Л.Н. Монзикова (Вологда). Гидронимия Вологодского уезда</i>	<i>204</i>
<i>Е.Н. Иванова (Вологда). Личные имена в названиях сельскохозяйственных угодий Белозерского края конца XIV – начала XV вв. ...</i>	<i>216</i>

ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Ю.И. Чайкина (Вологда)

«Роспись трубного дела» как один из памятников промыслово-ремесленного стиля русского литературного языка XV–XVII вв.

В 70-ых гг. XX в. Б.А. Ларин затронул вопрос о неизученности посадской письменности конца XVI–XVII вв., т. е. времени, в течение которого закладываются основы русского национального языка. Этот период знаменателен тем, что именно в это время разговорный язык получает доступ в письменность [1].

В XVI–XVII вв. все посады на Руси – центры городской жизни, в них живет основная масса ремесленников, которые сами производят и сбывают свою продукцию. Посадская письменность была представлена ремесленными книгами, росписями, мастерскими книгами. Эти пособия служили справочниками по тому или иному мастерству, они предназначались для специалистов своего дела. К сожалению, эти ценнейшие источники по истории русского языка до сих пор не собраны, язык почти всех этих книг не анализировался ни в каких исследованиях по истории русского языка [2].

Изучение данных ремесленных и промысловых книг имеет исключительную ценность, поскольку позволяет поставить вопрос о наличии в русском литературном языке XVI–XVII вв. особой функциональной разновидности – промыслово-ремесленного стиля. На основе материалов картотеки «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» [3] нами была сделана попытка показать особенности данной функциональной разновидности [4].

Благодаря стараниям отечественных историков, обнаружена и дважды опубликована промысловая книга «Роспись

как зачать делать новая труба на новом месте» (в обиходе «Роспись трубного дела») [5].

Настоящая статья посвящена исследованию лексического состава и синтаксиса данной промысловой книги. Объем Росписи – 12 страниц машинописного текста. По словам историков, это интересное исследование по глубинному бурению скважин. Составлена рукопись на соляных промыслах Тотьмы или Леденги, соляные шахты которых достигали значительной глубины – 200–500 м. Написание рукописи как раз и было вызвано сложностью бурения таких глубоких скважин.

Интересен вопрос об авторе Росписи. Свою причастность к рукописи автор обозначил такой фразой: «Таковая роспись писана Сенькиной рукой» [6]. Известный историк Русского Севера, П.А. Колесников, пересмотрев хранящиеся в местных архивах документы XV–XVII вв. (переписные книги XVII в., ревизские сказки XVIII в., приходо-расходные книги солеваренных промыслов и др.), нашел имена многих мастеров соляного дела, целые династии таких специалистов, передававших свой опыт из поколения в поколения. По мнению П.А. Колесникова, основателем династии солеваров в XV в. был Григорий Сабля, а его внук Семен Сабля и является автором Росписи. [7]

Обратимся к лексическому составу Росписи. Сразу сделаем оговорку: слова в источниках XVI–XVII вв., связанные с бурением соляных скважин, пока еще нельзя считать терминами в полном смысле этого слова, поскольку они не имеют основных признаков термина – однозначности, отсутствия коннотативных сем и др., мы знакомимся с лексикой, пока еще в слабой степени подвергшейся терминологизации. Правильнее ее называть специальной лексикой.

При создании ее рабочие люди прежде всего обращались к словам общего языка, значение которых в системе промысловой лексики почти не изменялось: *изба* (91), *анбарец* (191), *струб* (192), *бечева* (192), *доска* (192), *ящик* (192),

дверцы (194), рассол (196), лесница (194), ступени (194) и др. Ср.: «Поставить изба от сох полсажени..., а изба бы стояла против сохи половиною стеною. Против сохи прорубать окно...» (191); «нижний конец у воротов утвердить в доску, а доска к земле пришить двумя сваями...» (192); «да зделати к большому подъему матишному... два ящика длиною по полутора аршин, а толщина тем ящикам по пяти вершков» (192); «зделать лесница, почему на матицу ходить людям и снасти носить; а лесница зделать извертить две пожилины, промеж их наколотить ступеней, да прислонить спереди» (194) и др.

Являясь общеупотребительными словами, каждое из этих слов в то же время занимает важное место в системе промысловой лексики, связанной с бурением скважин.

Значительное количество общеупотребительных слов получает специальное значение: речь идет о процессе метафоризации, причем последняя осуществляется за счет реализации семантической модели: 'предмет (бытовой)' → 'предмет, связанный с промыслом'. К числу их относятся такие слова, как *лукошко* (192), *игла* (193), *матица* (192), *пасынок* (192), *оследь* (192), *гойтан* (193), *шелом* (194), *мост* (195), *стебель* (195), *труба* (196), *сковородник* (201), и мн. другие. Ср., например: *лукошко* в общем употреблении 'ручная корзинка', 'гнутый из луба корень' (Сл. РЯ XI–XVII, VIII, 305) в промысловой лексике 'железный обруч, надеваемый на рассолоподъемную трубу в месте соединения ставов': «а на том конце пробрести 3 дыры и заколотить железным гвоздем накрепко, чтобы лукошко с матицы не свалилось» (192); *игла* в общем употреблении 'тонкий металлический стержень с заостренным концом для вдевания нитки', в промысловой лексике 'брус, бревно, соединяющее брусья на верхнем конце матицы (рассолоподъемной трубы), на которые настилают пол сруба соляной шахты' (СПЛСР, I, 241): «да те же две иглы еловые ядерные, а игла тесати по дирам и заколо-

тить на крепко» (193); пасынок в общем употреблении 'неродной сын', в промысловой лексике 'деревянная деталь, откос столба' (Сл. РЯ XI–XVII, XIV, 169): «К тем же сохам приделать к нижнему концу по пасынку, а пасынки впустить глубиной в сохи вершка в полтора, а пасынкам длина полтора аршина» (192); «Да те же пасынки помадить на гвоздь на деревянное» (192); гойтан в общем употреблении 'шнурок', в промысловой лексике 'веревка' (СПЛСР, I, 125: «Да те два ящика повесить на крепкие гойтаны на перекилад.» (192)

Активна семантическая модель 'часть тела человека' → 'предмет', особенно 'часть головы человека' → 'предмет': уши (192), (193), череп (194), губа (197), щеки (200), зубы (200), голова (201). Ср. «Вверху у сох сделать уши и утвердить в ушах по колесу для взъему перекиладного» (192); «Да на то же брусье по концам вынеть уши по полуаршина, в чем сохам стоять» (193); «А у затеси губа толстинного край треть вершка..., да и на ту подвойную шить суконный чюлок..., а на губу того же чюлка загнуть и мелкими гвоздками приколоть частенко» (197); «А желонка длиною щеки девять вершков, а широты у щек, сколь толсты шесты» (200); «А голова у крюка гнуть столь велика, как бы прошла сквозь жерло» (201) и др.

Как видно, метафора имеет большое значение в пополнении состава промысловой лексики. Активизация семантической модели 'часть тела человека' → 'предмет' легко объяснить тем, что одним из способов познания объектов окружающего мира является их сопоставление с частями человеческого тела (антропоморфизм).

В исследуемой лексике метафоризация в ряде случаев осуществляется и за счет семантической модели 'животное/часть тела животного' → 'предмет': боран (193), рогъ (194), собака (194), хвост (194), коровка (194): «Да в те же два бруса утверждать два столпца, промежу их брусье, почему

борану ходить..., с бораном сплотить те стопцы на земли» (193); «А борань от мосту стоит аршин с вершком, толщины борану полтора аршина..., шея длиной пять вершков..., первой рог у борана от столпца аршин без двух вершков» (194); «Воротовой стяг длиною полторы сажени, собаки грузовые длиною по три четверти аршинные, а у тех собак хвосты по полусажени» (194); «Среде ладила коровка полсема вершка» (194).

Нами уже было отмечено наличие так называемых «сквозных» специальных слов, возникших в связи с общностью ряда трудовых процессов в разных промыслах и ремеслах [8]. В исследуемой Росписи чаще всего к «сквозным» относятся названия инструментов: ворот (192), напарья (194), бурав (194), трезуб (195), резец (195), лезье (195), долото (201), желонка (201). Ср. «Да назаде тех сох поставить два ворота долгие о четырех пожилинах» (192); «Два бруса провертя... напарьею» (194); «Буде не найдет шелом, розмина бурава, стал на песку – тем же шеломом; мелкое камень трезубы» (195) и др.

Заметное место в Росписи занимают составные наименования, состоящие из двух компонентов: зависимого (уточняющего) слова и лексемы, обозначающей родовое понятие (основной компонент). Составные наименования выражают единое целостное понятие и являются устойчивыми. Они выполняют три функции.

Первая состоит в том, что присоединение уточняющего слова к общеупотребительному приводит к формированию специальной лексики: опорное слово перестает обозначать бытовой предмет, оно становится названием предмета, связанного с промыслом: голень → буравная голень (200), дерево → матишное дерево (193), бечева → подъемная бечева (193), кольцо → деревянное кольцо (199), стяг → воротовой стяг (194), шест → воротовой шест (194), росол → копечный росол (198), веретено → железное веретено (195) и мн. др.

Вторая функция составного наименования связана с тем, что уточняющее слово указывает на отношение названия к предметам трудовой деятельности. Там, где уточняющее слово одно и то же, формируется системное объединение внутри промысловой лексики. Ср. *дерево матишное* (192), *напарья матишная* (200), *тюрик матишный* (200), *резцы матишные* (201), *гнетка матишная* (194), *снасть матишная*, *матишная поделка* (193); *воротовой стяг* (194), *шея воротовая* *воротовой шест* (194); *шелом железной* (195), *тюрики железные* (195), *трезуб железной* (195), *веретено железное* (195).

И наконец, третья (основная) функция состоит в том, что определяющий (зависимый) компонент составного наименования служит для различения (дифференциации) названий близких по назначению предметов труда. Ср.: *гвоздь железный* – *гвоздь деревянный* (192), *литейная трубка* – *подлитная трубка* – *подвойная трубка* (197), *оборотной крюк* – *веслой крюк* (201), *мост тесовый* – *бревнячатой* (199), *воротовой шест* – *тяглый шест* – *чищельный шест* – *затинный шест* (199, 199, 194, 198), *губной резец* – *подгубной резец* (195), *ворот стоячий* – *ворот земляной* (195), *взъем перекладной* – *взъем трубный* (192) и др.

Специфичны именно для специальной лексики глагольные составные именованья типа *снарвить нарвами* (193), *мосты наместить* (193), *струб срубить* (193), *став ставить* (198), *окружить кружалом* (193) и пр.

Как видно из сказанного, вся промысловая лексика, связанная с бурением соляных скважин, восходит по происхождению к общеупотребительной лексике русского языка XVI–XVII вв. Следует отметить почти полное отсутствие иноязычных слов (кроме слова *мастер* и еще нескольких). Богатые потенциальные возможности общерусского языка обеспечили формирование специальных промысловых слов, вступивших в системные отношения.

Синтаксический строй «Росписи» отражает особенности разговорной речи. Здесь отсутствуют построения текста, связанные с логическим развитием мысли, почти нет придаточных предложений, причастных и деепричастных оборотов. Как и в большинстве памятников делового языка Московской Руси XV–XVII вв. в Росписи отмечаем так называемое нанизывание предикативных конструкций, при нанизывании всякая следующая предикативная конструкция служит пояснением предыдущей, что и выстраивает их в цепочку. «Текст представляет собой как бы одно бесконечное предложение, в котором составляющие его части прилеплены друг к другу без видимой формальной связи между собой» [9]. Ср. *«Поставить изба от сох полсажени, супротив ея анбарец для трубных снастей; промеж ими две сажени, а изба бы стояла против сохи половиною стены. Против сохи прорубить окно близь потолку для сушения векошных бечев, или в морозы для таенья»*. (193)

Предикативные конструкции могут присоединяться друг к другу союзами *и, а, да*, не выражающими определенных логических отношений: *«На нижнем конце у болвана... продолжить наскрозь вверх по болвану 4 конца, да на тот же конец посадить кольцо о всем болване, толщина и ширина полвершка, а позади болвана засечь у пяти резцовой в треть болвана в глуботину, а верх шесть вершков»* (195); *«Добыть матишное дерево шести сажени или пяти с край на край аршин, а то дерево вытесать и выскоблить; на нижней конец насадить кольцо ширина кольцу два вершка, толщина верхнему краю кольца полвершка... и на том кольце пробрести 3 дыры и заколотить железным гвоздем накрепко»* (192).

Несмотря на кажущуюся неорганизованность текста, все понятно, поскольку текст связан. Связанность предложений в тексте обеспечивается не только наличием сочинительных союзов, но и лексическим повтором и эллипсисом.

Лексические повторы весьма важны, характерны для всего текста Росписи. Ср.: «Да к тем сохам приделать к нижнему концу по пасынку, а пасынки впустить глубиною в сохи вершка в полтора, а пасынкам длина полтора аршина, да на пасынке и на сохе вынести колесу гнездо» (192). «На конопати запустить в став кругом затески тряпочка тонких ветошей... да повести тож конопать, а конопать лыка мять вялые намелько» (197); «Малого трезуба шестерики зубье длиной три чети аршинных, трезуба другово с вершком..., а большой трезуб матишной длиной в полсажени» (201) и др.

Значительно реже средством связи является эллипсис: «Бы матицу потесать на низ после, и в те поры смотреть надобе бережно по отвесу прямо, чтоб в сторону [матица] не ушла» (195). «Малого трезуба шестерика зуба длиной три чети аршинных... да среднево [трезуба] в аршин, половина другая доле..., среднево [трезуба] две трети вершка» (201).

Жанр памятника (Роспись – руководство к действию) определил своеобразие синтаксической структуры предикативных единиц: основная масса предложений относится к односоставным (отсутствие подлежащего, т.к. составитель обращается к любому, каждому специалисту по бурению скважин), сказуемое выражено инфинитивом в функции повелительного наклонения: «Поставить сохи, по дереву смотря матишному» (192), «Добыть матишное дерево шести сажен или пяти» (192), «Да к тем сохам приделать к нижнему концу по пасынку, а пасынки впустить глуботиною в сохи вершка в полтора» (192). Значительно реже сказуемое выражается глаголом в повелительном наклонении: «И бы пособит... поди на низ, стал на щекоту, поди шеломом» (194) и др.

Хочется надеяться на то, что в ближайшем будущем исследованию подвергнутся ремесленные книги и других промыслов Северной Руси.

Литература

1. *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X–середина XVIII в.). М., 1975. С. 258.
2. Б. А. Ларину удалось обнаружить 10 ремесленных книг, где они находятся сейчас – неизвестно. Там же. С. 262.
3. Картотека «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» хранится на кафедре русского языка Вологодского педуниверситета.
4. *Чайкина Ю. И.* Об одной функциональной разновидности русского языка XVI–XVII вв. // ФН. 2000. № 2. С. 106–112.
5. *Прозоровский Д. М.* Старинное описание солеваренного снаряда // Известия Археологического общества. Т. VI, отд. 1, СПб, 1869. Вып. 3. *Колесников П. А.* Первое инженерное наставление по глубинному бурению скважин. // Проблемы историографии и источниковедческой истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 189–203.
6. *Прозоровский Д. М.* Старинное описание...
7. *Колесников П. А.* Первое инженерное наставление... С. 190.
8. *Чайкина Ю. И.* Промысловая (ремесленная) лексика в старорусском языке: ономаσιологический аспект (на материале деловой письменности Северо-Восточной Руси) // Русская региональная лексикология и лексикография. Вологда, 1999.
9. *Живов В. М.* Деловой язык средневековой Руси и синтаксис берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003.

Сокращения

СПЛСР – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 1 (А–И). СПб, 2003.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–26. М., 1975–2002.

Роль семантической деривации в развитии специальной лексики старорусского языка

История формирования функциональных стилей русского языка остается одной из важных проблем исторической лексикологии и стилистики. Предметом исследования в данной статье является изучение внутренних ресурсов языка при развитии старорусской промыслово-ремесленной лексики.

По мнению А.С. Герда, «отличительная особенность донаучного этапа в формировании специализированной лексики состоит в том, что основные наименования профессиональной деятельности в этот период, так же, как и сам предметно-номинативный фонд, складывались и определялись в устном речевом обиходе [1, 14]. Это замечание справедливо для начального этапа формирования лексики специального употребления. Позднее на этот процесс оказывали влияние складывающиеся нормы письменной речи, о чем позволяют судить материалы деловой письменности XVI–XVII вв. В памятниках с одной стороны, противопоставляются факты двух языковых систем: народной разговорной речи и делового языка (ср. *Ъзовникъ* – *Ъзовый мастеръ*, *сапожникъ* – *сапожный мастеръ*, *кереводъ* – *кереводные снасти*, *тагась* – *частый неводъ* и т.п.). Данные памятников в подобных случаях свидетельствуют, что речь идет о разных наименованиях одной и той же реалии. Так в речи белозерских ловцов рыбы употреблялся субстратный термин *тагась* в значении 'невод с частой ячеей для ловли снетка', в официальных документах это орудие лова могло в соответствии с традицией обозначаться при помощи составного наименования: *Ловятъ рыбу въ Бѣлѣозерѣ рыбные ловцы... на монастыри безоброчно: Кирилова монастыря шестью неводами да седьмымъ частымъ неводомъ*, что слово *тагась*. (Вып. из Белоз. писц. кн. 1674 – АЮ, № 231). С другой стороны, наблюдается такое широко распространенное явление, как специализация

общеупотребительных слов. Контекст, как правило, позволяет разграничить бытовое и специальное значения слова. Ср. употребление многозначного слова *дети*, мн. 1. 'сыновья и дочери, без отношения к возрасту и полу'; 2. 'дворовые работники в монастыре или в вотчине феодала': *Котовиковы Назар и Трофим Анисимовы дети*. (ВФ, 1711, № 1874); *Порядиль в дети Тимофея Прокофьева с нынѣшнаго году*. (Кн. порядн. К.-Новозер. м. 1631–1632 – АЛОИИ, ф. 271, оп. 2, № 129, л. 6).

В старорусском языке, как отмечает Ю.И. Чайкина, складывается особый производственно-технический стиль (иначе промыслово-ремесленный), который используется в различных ремесленных, мастеровых книгах [2]. Исследования, посвященные этому пласту лексики, показывают, что его развитие идет, благодаря внутренним возможностям языка, процент заимствованных слов здесь невелик [3].

Продуктивным способом номинации при этом оказывается семантический: уже готовой номинативной единице сообщается «новая семантическая функция» [4, 59]. Для специальной лексики старорусского языка характерно наличие достаточно большого количества многозначных слов. Это объясняется тем, что, с одной стороны, отсутствует четкая граница между употреблением слова в бытовом и специальном значении: ср. *Луговъ потолочено и покошено горбушами на сто копень*. АМГ I, 268. 1629 г.; *Три косы литовки, а четвертая изкована въ горбушу, по скаскѣ Екимка*. АХУ I, 1022. 1690 (Сл РЯ XI–XVII, IV, 81). С другой стороны, одна и та же лексема может быть использована в различных терминосистемах. Например, слова *голова* в кожевенном промысле имеет значение 'часть шкуры, снятая с головы животного' (*Августа в разных числах на коровей двор пастуху и коровницам и коровникам на конюшню погонцам и поваренным малъ/ком вышло дубленной кожи на заплаты две головы ис полами*. Арх. Мих.-Арх. м. Кн. пал., 16 об. 1696 г.), в кузнечном и мельничном деле 'округлое завершение на конце инструмента или детали' (*Платил казначѣи усолцу Сергию Чевыпалову... за наварку у четырех мелнишних валовых шипов голов*. Кн.

прих.-расх. Ник.-Коряж. м. XVII в. — АВОКМ, ф. 4, № 105, л. 1 об.), в солеварении 'кольцо, железная петля, за которую привязывается крюк' (*А голова у крючек гнуть столь велика как бы прошла скрозь жерло*. Росп. труб. д., 201), в рыбной ловле в сочетаниях с названием рыбы — 'крупная отборная рыба' (*На Белъозере Третьяк Губанин купил рыбы головы 835 судокон, да лещевон 5835 судокон, да 425 щук, да юранон 2500*. Кн. расх. К.-Бел. м. 1581–1585 — Ник., ОСХII), в метрологии 'штучная мера сахара, имеющего форму шара' (*Товару явил: 10 голов сахару*. Кн. там. УВ 1676 — ТКМГ III, 342. *Куплено для подносу 4 головы сахару вЪсомъ 12 фунтовъ дано сорокъ алтын*. Кн. прих.-расх. Солов. м. 1687 — РГАДА, ф.1201, оп.1, № 124, л. 4 об.) (СПЛСР I, 137). Наконец, обозначая понятия одной производственной сферы, слово в старорусском языке могло иметь целый ряд специальных значений, внутренне связанных. Например, в рыболовецком промысле слово *неводъ* имеет основное значение 'большая рыболовная сеть, состоящая из центральной мотни, куда собирается пойманная рыба, и двух боковых сетных полотнищ, крыльев' (*А ловити имъ двѣма неводы монастырьскими на Шокснѣ и на Волзѣ*. Гр. жал. Шексна 1432–1445 — АСВР I, № 102) и производные 'единица налогообложения рыбной ловли с использованием невода' (*Кто поидет на моем судне на Белоозеро, они бы с неводов с кириловских рыбы не имали, ни на ихъ хрестьянех, ни мои закасчики*. Гр. указ. К.-Бел. м. ранее 1459–1460 — АСВР II, № 171); 'рыболовецкая артель, ловящая неводом' (*И съ невода и съ тагаса, и съ товарищевъ, кто со стороны въ неводъ и въ тагасъ приняты будутъ, съ нихъ потомужъ не имать на великого государя рыбъ и оброчныхъ денегъ*. А. Белоз. 1673 — ДАИ VI, 277); 'рыболовный участок, пригодный для ловли рыбы неводом' (*Да в Тройникѣ Песку Михайлову участокъ въ неводъ шестая доля*. АХУ II, 34 — КДРС).

Однако, несмотря на развитую полисемию (а отчасти благодаря ей), можно утверждать, что лексика, связанная с древними промыслами и ремеслами, в среднерусский период представляла собой четко организованную систему. Возмож-

ность развития нового значения нередко зависела от принадлежности слова к той или иной лексико-семантической группе.

В связи со сказанным при описании специальной лексики старорусского языка важно выявить универсальные семантические переносы, общие закономерности, действующие при развитии новых значений, описать наиболее регулярные схемы переноса значений и национальные стереотипы. Отдельные семантические модели были рассмотрены Г.Н. Лукиной с привлечением фактов древнерусского языка [5], Ю.И. Чайкиной на материале старорусского языка [6]. Традиционно выделяется два основных типа переноса значения: метонимия, метафора. В данной работе будут описаны метонимические модели, регулярные в области полисемии специальных слов.

Метонимический перенос широко представлен в промысловой лексике. Во многом это объясняется тем, что «абстрагирующая способность человеческого мышления не только позволяет «отрывать» признак от его носителя, но и допускает представление этого признака в качестве «заместителя» самого реального предмета» [7, 131]. Предлагаемый обзор представляет собой ряд регулярных моделей, каждая из которых иллюстрируется соответствующими примерами.

В предметной лексике продуктивной является общая модель 1. 'емкость' → 'ее содержимое как мера'. Она находит реализацию в ряде частных моделей.

1.1. 'Посуда' → 'единица измерения' (*бадейка* – 'небольшая деревянная кадка' → 'мера меда'; *боченка, бочечка* – 'небольшая бочка' → 'мера чего-л., помещающегося в этом сосуде'; *бочка* – 'бочка' → 'единица измерения сыпучих тел', *блюдо* – 'столовая посуда, блюдо' → 'штучная мера металла, идущего на его изготовление'; *бутыль* – 'большая бутылка' → 'о количестве чего-л. жидкого, помещающегося в таком сосуде'; *кадка, кадца, кадочка* – 'небольшая кадь' → 'о количестве чего-л., помещающегося в таком сосуде'; *кадушка, кадулька* – 'небольшая кадка' → 'единица измерения сыпучих тел'; *кадь* –

1354028

‘деревянный сосуд из досок, скрепленных обручами’ → ‘о количестве чего-л., помещающегося в таком сосуде’; *котел* – ‘котел’ → ‘слиток меди в форме котла как единица измерения’; *котлик* – ‘небольшой котел’ → ‘слиток меди как штучная единица меры’; *кувшин* – ‘кувшин’ → ‘о количестве жидкости, помещающейся в таком сосуде’; *лагвица* – ‘посудина для хранения жидкости’ → ‘о количестве жидкости, помещающейся в таком сосуде’; *лагун* – ‘род бочонка объёмом от 1 до 7 ведер, лагунец’ → ‘о количестве жидкости, помещающейся в таком сосуде’; *лагушка* – ‘кадка’ → ‘о количестве жидкости, помещающейся в таком сосуде’). Ср. *Куплено на погреб про домовой расход двенадцать бочек небольших еловых*. Кн. прих.-расх. Вол. 1664 – САСК (С), 70. *Вологжанин Осип Он-типин явил в проезд 11 бочек с полубочкою рыбы сельдеш*. Кн. там. Вол. 1633–1634 – ТКМГ I, 89. *Даль ... 30 блюды калужских, 30 братин, 20 мись ... все суды деревянные простые*. Вкл. Ант. 17 – КДРС. *Пошло сухово блюдного олова семь блюды*. Кн. прих.-расх. Ант.-Сийск. м. 1659–1662 – РГАДА, ф. 1196, оп. 1, № 1, л. 77 об.

1.2. ‘Корзина’ → ‘единица измерения’ (*бурак* – ‘берестяной сосуд цилиндрической формы’ → ‘единица измерения меда’; *корзина* – ‘корзина’ → ‘о количестве чего-л., помещающегося в корзине’; *короб* – ‘большая корзина округлой формы с крышкой’ → ‘единица измерения угля, хмеля’; *коробка* – ‘небольшое плетеное вместилище с крышкой’ → ‘о количестве чего-л., помещающегося в коробке’; *коробья* – ‘плетеное вместилище типа сундука’ → ‘единица измерения сыпучих тел’; *крошня* – ‘плетеное вместилище для хранения чего-л.’ → ‘о количестве изюма, помещающегося в крошне’). Ср. *Купил бурак в Осередок мякины носити, дал на нем три денги*. Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, 42. 1557 г. – КДРС. *Товару явили ... 14 п. 20 гривенок масла коровья 13 бураков с полубураком меда*. Кн. там. УВ 1676–1677 – ТКМГ III, 27. *Четыре короба куплены дранишнихъ для малых ягненковъ*. Кн. прих.-расх. Сп.-Прил. м. 1702 – ГАВО, ф. 436, оп. 1, № 16, л. 3. Ку-

пил в кузницу угля тритцат семь коробов дал полтора рубли. Кн. расх. Сп.-Прил. м. 1604 – ДПРС, 27.

1.3. 'Мешок' → 'единица измерения' (*кила, килка* – 'большой куль' → 'штучная мера хмеля'; *куль* – 'большой рогожный мешок' → 'единица измерения сыпучих тел'; *кулек* – 'небольшой рогожный мешок' → 'о количестве чего-л. помещающегося в кульке'; *мех, мешок* – 'мешок' → 'единица измерения жидких и сыпучих тел'). Ср. *Куплено кулец рогозинных дано Е. рублев.* Кн. прих.-расх. К.-Бел. м. 1614–1615 – АЛОИИ, ф. 260, оп. 2, № 39, л. 53. *Принял... ржаной муки сорокъ шесть кулец с мЪроу.* Кн. прих.-расх. Ник.-Кор. м. 1687 – ГААО, ф. 191, оп. 1, № 668, л. 15 об.

1.4. 'Ящик' → 'единица измерения' (*клетка* – 'род ящика, вместимостью до 500 пудов, для перевозки на плоту зерна, льна, угля и т. п.' → 'о количестве угля, помещающегося в таком ящике'). Ср. *У Федки Стукалова куплен плотъ на немъ клетка дертяная с углемъ, длина той клетки двѣ сажени троюаршинных.* Кн. расх. Холмог. арх. д. №107, 144. 1695. *Да Иван Васильев сам-друг на 2-х плотех явили продать клетку угля да сена 15 копен.* Кн. там. УВ 1633–1634 – ТКМГ I, 15.

1.5. 'Повозка' → 'единица измерения' (*воз* – 'повозка, телега' → 'единица измерения дров, угля'). Ср. *А сынишко мое Тимошка тово Кирила у сѣна засталъ: кладеть на возъ, и сынишко мое почалъ говорить...* Явка Тарн. г. 1631 – АХУ II, 702. *А семги рыбы с нами пошло на наемных подводах сорокъ пять возовъ.* Кн. прих.-расх. Ант.-Сийск. м. 1656–1658 – АЛОИИ, ф. 5, оп. 2, № 12, л. 2.

1.6. 'Судно' → 'единица измерения' (*лодка* – 'лодка' → 'о количестве чего-л., помещающегося в лодке'; *лодья* – 'двухмачтовое судно с каютой в корме и печкой в носовой части' → 'о количестве чего-л., помещающегося в лодье'). Ср. *А велѣно ему давать водянымъ путемъ лодку съ кормщикомъ, да двухъ человекъ гребцовъ безъ прогоновъ вездѣ, не издержавъ ни часу.* Кн. ям. Пустозер. Холмогор. 1679 г. – АЮБ II,

331. *Продал... у города рыб селдѣи три лотки*. Кн. прих.-расх. Ник.-Кор. м. 1653 – ГААО, ф. 191, оп. 1, № 3, л. 18.

Метрологическая лексика развивалась и за счет реализации других метонимических моделей.

2. 'Штучный предмет' → 'единица измерения' (*батог* – 'палка, батог' → 'кусок металла в форме прута, являвшийся единицей измерения'; *брус* – 'бревно, опиленное или обтесанное на 4 грани' → 'продолговатый четырехгранный кусок чего-л. как штучная мера исчисления'; *доска* – 'доска' → 'мера железа, меди'; *коромысло* – 'коромысло' → 'единица для счета ведер – пара'; *лемех* – 'часть плуга, подрезающая пласт земли снизу; лемех' → 'пластина треугольной формы как мера исчисления металла'). При этом названия одного и того же предмета могло служить штучной мерой продуктов труда различных промыслов. *Купил райну новую лодейную да ковши долгостеблей, да тягу лодейную да брус, дано 4 алт.* Кн. прих.-расх. Унск. пр. 1597–1600– ВХК, 191. *Купил...черлены краски 10 брусов дано 2 гривны.* Кн. прих.-расх. К.-Бел. м. 1606 – Ник., ОССХIV. *Брус мыла немецкого.* Кн. монаст. казны Ник.-Кор. м. 1628 – ГААО, ф. 191, оп. 1, л. 17 об. *Белослудец Ташлык Ситников явил 20 сох сошников да 36 брусов железа кричного.* Кн. там. УВ 1636 – ТКМГ I, 221.

3. 'Укладка предметов' → 'единица измерения' (*вьюк* – 'вьюк, связка, тюк' → 'большой упакованный сверток, связка чего-л. как штучная мера'; *груда* 'груда, куча' → 'мера коноп-ли', 'укладка снопов как мера'). Ср. *Перепис<ь> Матвея Он-типина животу што осталос<ь> после ево... трои чюлки одни синие а другие черные а третие вязанные да в<ь>юк писем да нож... Явил товару...2 килы сукон да котлов 5 вьюков.* Кн. там. УВ 1633–1634 – ТКМГ I, 21.

4. 'Часть тела' → 'единица измерения' (*локоть* – 'покоть' → 'мера длины около 0,5 м'). Ср. *Куплено гребнины да рубаху холщовую новую да шеснатцеть локот толстово холста за все дано шесть алтнѣ.* Кн. прих. Тр.-Глед. м. 1684 – ДПВК, 85.

5. 'Материал' → 'изделие из материала' (железо – 'железо' → 'изделия из железа'; золото – 'золото' → 'краска из золотого порошка', 'золотая нить'; камень 'камень' → 'каменное грузило для рыболовной сети'; медь – 'медь' → 'украшение из меди'; дерево – 'дерево' → 'потолочная балка, матица', 'мачта'). Ср. *И тое медь всю продали на Устюге, цена 8 р.* Кн. там. УВ 1676–1677 – ТКМГ III, 16. *Сапоги красные новые съ мѣдью.* А. Уст. II, 634. 1668 г. – КДРС.

6. 'Животное' → 'его мех (кожа)' (барашек, барсук, белка, боран, векша, козел, кошка, куница, ласица, лисица, лиска, росомаха). Ср. *А с пути ускочивъ псѣ узгонитъ въкшу, а то Жаваранку с сябры бѣзъ тяже убити.* Гр. Новг. и Псков., 330. 1694 ∞ XVI в. (СлРЯ XI–XVII, 2, 55). *Генваря в 14 день ярославец Федор Туруносков явил товару 7200 векош белки и зелени, 26 горностаев, одно норченко.* Кн. там. Сольвыч. XVII в. – ТКМГ I, 343.

7. 'Часть тела животного' → 'мех (кожа) с этой части тела' (бок, ворот, голова, лапа, лоб). Ср. *И бѣ гладъ великъ: по полугривнѣ голова конячья.* Новг. I лет., 24. (СлРЯ XI–XVII, 4, 62). *Августа в разных числах на коровей двор пастуху и коровницам и коровникам на конюшню погонцам и повареным малъ/ком вышло дубленной кожи на заплаты две головы ис полами.* Арх. Мих.-Арх. м. Кн. пал., 16 об. 1696 г.

8. 'Продукт' → 'напиток (кушанье) из этого продукта' (мед, рыба). Ср. *Купил меду воскового 210 пуд по два пуда за рубль денег дано 105 рублей.* Кн. прих.-расх. К.-Бел. м. 1581 – Ник. ОСХІХ. *У кириловского старца у Данила куплено с лоди запасов 4 бади меду сытного а в них 18 пуд 2 четверти.* Кн. прих.-расх. Солов. м. 1589–1591 – РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 5, л. 68 об.

9. 'Строение (его часть)' → 'помещение (постройка) производственного назначения' (анбар – 'строение для хранения чего-л.' → 'помещение производственного назначения'; горница – 'жилое помещение в верхней части строения' → 'помещение производственного назначения'; двор – 'участок земли с комплексом жилых и хозяйственных построек' → 'комплекс промысловых строений'; изба – 'деревянная по-

стройка, изба' → 'постройка хозяйственного назначения, входящая в состав монастырских сооружений', 'постройка производственного назначения'). Ср. *А в тех анбарах умолотной хлеб*. Оп. м. им. Вол. 1703 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 23, л. 4 об. *На рѣчке мельничной анбар а в нем однѣ жернова со всяким мелничным заводом*. Оп. м. Вол. 1702 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 23, л. 4. Заметим, что для реализации специального значения обычно требовалось употребление слова с определителем: *анбар кирпичной, анбар мельничный, анбар молотовой, ср. изба варничная, изба дрововозная, изба кожевенная, изба кожевная, изба кузничная, изба меховая, изба сапожная, изба токаренная, изба формовая, изба чулочная, изба шваленная*.

неводом'). Ср. *А неводы ловят рыбу репуксу малую а сетми гарвами в осенинах ловят*

10. 'Орудие лова' → 'угодье, в котором используется данное орудие' или 'право ловить рыбу указанным орудием в угодье' (*верша* – 'конусообразный рыболовный снаряд, сплетенный из прутьев' → 'рыболовный участок'; *гарва* – 'ставная сеть с редкой ячейей для ловли крупной рыбы' → 'рыболовный участок, в котором устанавливаются сети гарвы'; *ез* – 'запорное сооружение на реке, вид плотины с промежутками, воротами, в которых устанавливались рыболовные орудия' → 'угодье с сооружением для ловли рыбы, езом'; *кереводъ* – 'невод особого устройства' → 'право ловить рыбу одним кереводом в указанном рыболовном угодье'; *невод* – 'невод' → 'рыболовный участок, пригодный для ловли рыбы *красную рыбу лососи и таймени и палыи*'. Кн. писц. Обон. пят. 1563, 75 – КДРС. *Есть на Выгу река гарвы сумьские: первая под Берозовцом у Премиколия, а другая гарва под Великими вороты, а третья под Леветом*. Пам. Солов. м. 1569 – АСМ, 217.

11. 'Орудие лова' → 'совокупность людей, использующих это орудие лова' (*неводъ* – 'невод' → 'рыболовецкая артель, ловящая неводом'; *тагас* – 'невод с мелкой ячейей для ловли снетка' → 'рыболовецкая артель, ловящая тагасом'). Ср. *Большой ловец старец Трифан наимовал Бородавского кре-*

стьянина невод вязати, дано от дѣла 2 гривны. Кн. расх. К.-Бел. м. 1605–1606 – Ник., OCLXXXIV, л. 79 об.– 80. И съ невода и съ тагаса, и съ товарищевъ, кто со стороны въ неводъ и въ тагасъ приняты будутъ, съ нихъ потомужъ не имать на великого государя рыбъ и оброчныхъ денегъ. А. Белоз. 1673 – ДАИ VI, 277.

12. 'Событие' → 'его изображение' (благовещение, воскресение, положение во гроб, распятие, успение). Отмеченная модель встречается при изображении библейских сюжетов в иконописи. Образъ воскресения Христова писанъ на краскахъ на немъ пять венцовъ серебрянныхъ золоченыхъ глаткихъ. Оп. Тр.-Глед. м. 1755 – ГАВО, ф. 693, оп. 1, № 153, л. 2 об.

Рассмотренные семантические переносы могли служить базой для образования сложных моделей, представляющих собой тройные комбинации значений. Например, 'посуда' → 'мерный сосуд' → 'единица измерения жидкости'; 'веревка' → 'мерный шнур определенной длины как эталон измерения' → 'мера земли'; 'животное' → 'его мех (кожа)' → 'штучная мера'; 'часть тела животного' → 'мех (кожа) с этой части тела' → 'штучная мера'. Ср. *Купили въ рознось под рыжики и подъ морошку десѣт вѣдерь и жбанцовъ*. Кн. расх. Тот. пр. 1695 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 14, л. 1 об. *Из-под той церкви целовальники вино продают в ведра и в полуведра, и в четверти, и в осмушки, и на кабаки, на стойки вино отмеривают*. Кн. город. Сольвыч. XVII – Введенский, 215. *Купили 'Р' ведрь смолы по алтну ведро*. Кн. прих.-расх. Солов. м. 1582–1585 – РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 2, л. 21 об.

Большой интерес представляют существительные, обозначающие отвлеченное действие, их анализ позволяет описать другие типы регулярной многозначности. В современном русском языке актантные значения существительных подробно описаны Ю.Д. Апресяном [8]. В специальной лексике старорусского языка также выделяется целый ряд регулярных моделей.

1. 'Действие' → 'результат действия' (*валеж* – 'валка, рубка деревьев' → 'срубленный лес'; *варя* – 'варка, действие по глаголу *варить*' → 'изготовленное за один прием определенное количество чего-л., мыла, пива, соли и т. п.', *выимка* 'извлечение' → 'выемка, паз'; *выпуск* – 'действие по глаголу *выпускати* – *выпустити*' → 'навес, выступ в строениях'; *вырез*, *вырезка* – 'действие по глаголу *вырезати*' → 'вырезанная из кожи заготовка изделия'; *дѣло* – 'род занятий, работа' → 'изготовление, производство' → 'изделие'; *конопаченье* – 'действие по глаголу *конопатити*' → 'законопаченный шов, паз'; *нашивка* – 'действие по глаголу *нашивати*' → 'украшение, нашиваемое у переднего разреза одежды, в виде ремешка, горизонтальной полосы, к которой крепились петли для пуговиц'; *низанье* – 'действие по глаголу *низати*' → 'жемчужная вышивка'; *оклад* – 'действие по глаголу *окладывати*' → 'фундамент, нижний венец'; *обкладка* – 'действие по глаголу *обкладывати*' → 'различная обкладка, обшивка'; *оков* – 'действие по глаголу *оковати*' → 'кованая металлическая обкладка для укрепления или украшения чего-л.'; *опушка* – 'действие по глаголу *опушити*' → 'обшивка по краям одежды'). Ср. *Дал от кѣльи от конопачен<ь>я три денги*. Кн. прих.-расх. Прил. м. № 30, 15. 160 г. – КДРС. *А человек за ним носит лыка а трое человек конопатить а как на конопаченье прокрадетца смола засыпать той же мукой*. Росп. труб. д., 198. *Да на опушку на пятнатцать даламатов куплено гарусных веревков на дватцать на пять алтынъ*. Гр. Вол. 1664 – САСК (С), 76. *Дал... оплечие на черчатой земли узорчатой, опушка камка чешуйчатая*. Кн. вкл. Ант.-Сийск. м. 1576 – Чт. ОИДР, 1917, кн. 2, 4.

2. 'Действие' → 'средство действия' (*вязка* – 'прикрепление подвешенного над печью црена к дугам' → 'то, чем связывают'; *крышка* – 'действие по глаголу *крыти*' → 'створка для прикрытия окна, ставень'; *мазь* – 'действие по глаголу *мазати*' → 'колесная или сапожная смазка'; *набои* – 'действие по глаголу *набивати*' → 'доска, набиваемая на борт мелких

судов для увеличения высоты борта'; *настилка* – 'покрывание, оклеивание иконной доски тканью для предохранения ее от растрескивания' → 'льняная или пеньковая ткань, которая наклеивалась на иконную доску, паволока'). Ср. *На настилку иконных дцковъ... куплено двѣ рубашки ветошных*. Кн. расх. Холмог. арх. д. № 107, 98. 1695 г. *Цки и настилки подъ левкасъ ихъ протопопа зѣ братьею, казенное, а левкасъ, и краски, и золото, и олифа – мое Васильево*. Порядн. УВ 1674 – АХУ II, 990.

3. 'Действие' → 'орудие действия' (*ловля* – 'действие по глаголу *ловити*' → 'орудие лова, сеть, ловушка'). Ср. *А хто приѣдетъ на тѣ острова на ловлю или на которыѣ на иныѣ добытки, или на сало, или на кожу, и тѣмъ людемъ всѣмъ давать в домъ Святого Спаса ... изо всего десятина*. Сев. гр. 1479, 154. *В Беле озере и в рекѣ Шексне на волнои воде а не в заповедных водах ловить рыбу к прежним ловлямъ к одному неводу да к двум лоткам в прибавку неводъ да четрмя лотки*. Гр. Белоз. 1686–1687 – РГАДА, ф. 1107, оп. 1, № 3270, л.16.

4. 'Действие' → 'объект действия' (*молотье* – 'действие по глаголу *молоти*' → 'то, что мелют'; *наварка* – 'действие по глаголу *наварити*' → 'изготавливаемая из стали режущая часть инструмента, которая присоединяется к нему ковкой'). Ср. *Молол мелец ржи и жита и солоду и крупу дѣлали тритцат шесть мѣрь давал с мѣры шѣт молотьѣ по Г. де*. Кн. Унск. ус. Ник.-Кор. м. 1609 – ГАО, ф. 191, оп. 1, т. 1, д. 39, л. 15 об. *Посылала она людишекъ своихъ на мельницу съ молотьемъ*. Гр. Леж. Вол. 1656 – ОСВ III, 6.

5. 'Действие' → 'место действия' (*варя* – 'варка, действие по глаголу *варити*' → 'хозяйственное строение, где варят что-л.'; *ловля* – 'действие по глаголу *ловити*' → 'охотничье или рыбное угодье'). Ср. *Да из Жуковы отвесили на зимовщине соли уны своя вари 76 рогож*. Кн. прих.-расх. Холмог. т. 1593–1594 – ВХК, 125. *И тѣ, гсдрь, квасные вари стоят и по ся мѣсть и твои гсдрѣъ квасной кабакъ стал впусе от тово головы Ждана Костоусова*. А. Белоз. съезж.

тово головы Ждана Костоусова. А. Белоз. съезж. избы 1628 – АЛОИИ, ф. 194, карт. 4.

6. 'Действие' → 'качество действия' (*мастерство* – 'ремесло, занятие, дело' → 'высокое качество исполнения'). *Пеньки вышло ·МЕ· пуд да пудъ в дѣле с пряжею стал с мастерством и с молою и с трепаньем по... алтынъ*. Кн. прих.-расх. Ник.-Кор. м. 1631 – ГААО, ф. 191, оп.1, № 151, л. 21. *Ризы... оплечье шито золотом и серебромъ высокимъ мастерствомъ по черному бархату*. Подр. Оп. Павл. Обнор. м. 1687 – ГАВО, ф. 521, оп. 1, д. 3, л. 53 об.

Представленные типы актантных значений менее разнообразны, чем описанные выше предметные значения. Но нельзя недооценивать роль этих моделей: анализ их показывает, что в терминологических системах важную роль играет характеристика производственных процессов, операций.

В целом можно отметить, что промыслово-ремесленная лексика старорусского языка отличается самобытностью, ее развитие шло, как правило, за счет внутренних ресурсов. При развитии специальной лексики важную роль играет переход обиходного слова из одной языковой системы в другую. При этом общеупотребительное слово приобретает новые свойства и становится знаком в метаязыке другого функционального стиля. Важно, что исходное значение задает мотивированный характер значения термина, формирует его внутреннюю форму.

В ходе развития специальной лексики использовались разнообразные модели метонимического переноса. Приведенный материал показывает, что регулярная многозначность отличает, прежде всего, метрологию, но достаточно часто встречается и при формировании других терминологических систем старорусского языка. Анализ продуктивных способов переноса значения позволяет выделить ЛСГ, члены которых активно участвуют в развитии специальной лексики.

Литература

1. Герд А.С. Язык науки и техники как объект лингвистического изучения. // ФН. 1986. № 2.
2. Чайкина Ю.И. Об одной функциональной разновидности русского языка XVI–XVII вв. // ФН. 2000. № 2. С. 106–112.
3. См., например, Андреева Е.П. Формирование промысловой терминологии в старорусском языке (рыболовецкая лексика Белозерья XV–XVII вв.). Дисс. канд. филол. наук. Вологда, 1985; Ставшина Н.А. Лексика соляного дела Русского Севера (на материале деловой письменности Спасо-Прилуцкого монастыря XVI–XVII вв.). Дисс. канд. филол. наук. Вологда, 1985; Цыцылкина Л.А. Лексика церковного деревянного зодчества Северной Руси XVI–XVII веков (К проблеме лексико-семантического поля). Дисс. канд. филол. наук. Вологда, 1998; Борисова О.В. Терминология судебного дела на Русском Севере (на материале деловой письменности XV–XVII вв.). Дисс. канд. филол. наук. Вологда, 2000.
4. Журавлев А.Ф. Технические возможности в области предметной номинации. // Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982.
5. Лукина Г.Н. О некоторых системных отношениях в древнерусской лексике. // Актуальные вопросы диалектологии и исторической лексикологии русского языка. – Вологда, 1983.
6. Чайкина Ю.И. Промысловая (ремесленная) лексика в старорусском языке: ономаσιологический аспект (на материале деловой письменности Северо-Восточной Руси). // Русская региональная лексикология и лексикография. – Вологда, 1999.
7. Гусев С.С. Упорядоченность научной теории и языковые метафоры. // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка), М., 1974.

Существительные адъективного типа склонения в специальной лексике старорусского языка

Формирование группы существительных адъективного типа склонения началось еще в дописьменную эпоху. Интенсивный рост данного лексико-грамматического множества происходит в старорусском языке. Этот процесс связывают, прежде всего, с развитием терминологических систем русского языка, нашедшим отражение в памятниках деловой письменности. Имя существительное – основной источник для выражения предметных специальных значений во всех терминологиях. Постоянная потребность в языковой номинации новых элементов выдвигает на первый план качественные признаки предметов. В связи с этим актуализируются такие способы номинации, как синтаксическая деривация и субстантивация. Субстантивированные прилагательные и причастия способствуют расширению и дополнению выразительных способностей семантической категории предметности. Как указывают исследователи, существительные адъективного склонения являются одним из основных средств номинации в терминологической сфере языка донационального периода [6; 91].

Происхождение данных существительных традиционно связывается с субстантивацией в силу существования омонимичных прилагательных [1; 91]. Однако словообразование шло разными путями.

Существительные адъективного склонения возникали в языке донационального периода либо в результате субстантивации, либо морфологическим способом по существующим деривационным моделям.

Большинство исследователей считает, что субстантивация зарождается в результате эллиптического пропуска имени существительного в словосочетании, что ведет за собой

затемнение внутренней формы, а затем и исчезновение родового существительного. Прилагательное в результате субстантивации осложняет свою семантическую структуру, включает в свой понятийный объем общеродовой признак имени существительного и видовой признак прилагательного. Происходит семантическое стяжение. Как отмечает Г.П. Снетова, процесс субстантивации происходит в три этапа: 1) постепенный отрыв видового постпозитивного компонента от определяемого существительного; 2) замена двух родовых наименований одним; 3) эллиптический пропуск родового существительного в тексте, где предварительно указан составной термин. Поскольку процесс субстантивации происходит постепенно, в языке сосуществуют вариантные наименования или синонимическое соотношение: *духовная* – *духовная грамота*, *портной* – *портной мастер*. В дальнейшем субстантивация прилагательных может происходить по аналогии и при отсутствии соответствующего атрибутивно-именного сочетания [6; 16].

В современном русском языке существительные адъективного типа склонения составляют особое множество, слова в котором распределяются по группам в соответствии с категорией рода. Существительные мужского рода называют лицо по характерному признаку (*больной, нищий*), предмету или действию, к которому данное лицо имеет отношение (*рулевой, коридорный, подсобный, ездовой*). Существительные женского рода чаще всего обозначают помещение по совершаемому в нем действию (*моечная, операционная*), по характерному предмету или признаку (*булочная, темная*). В качестве непродуктивного типа отмечена группа существительных женского рода, обозначающих официальную бумагу, документ (*закладная, купчая*). Существительные среднего рода отличаются разнообразием семантики. Наиболее обширную группу составляют слова, обозначающие обобщенную субстанцию, характеризующуюся определенным признаком (*прошлов, родное*). Отмечен также непродуктивный тип со

значением «названия пошлин и платежей» (*поземельное, мостовое*).

Рассмотрим основные группы существительных адъективного типа склонения в промыслово-ремесленной терминологии языка донационального периода.

В старорусском языке существительные определенных лексико-семантических разрядов группировались в пределах каждого из трех родов.

Существительные мужского рода, как правило, являлись наименованиями лиц по роду деятельности. Основным источником появления субстантивов была семантическая конденсация на базе атрибутивно-именных сочетаний. Так возник целый ряд названий профессий: *ларечный* (*ларечный целовальник* – ‘лицо, следившее за порядком торговли и правильной уплатой пошлин’; СлРЯ XI–XVII; 8,72); *объезжий*, *объездной* (*объездной голова* – ‘тот, кто объезжает что-либо с целью осмотра, контроля’; СлРЯ XI–XVII; 12, 200), *портной* (*портной мастер*, *портной швец*, *портной шваль* – ‘ремесленник, занимающийся шитьем одежды’; СлРЯ XI–XVII; 17, 132). Как свидетельствуют источники, субстантивированное прилагательное полностью заменяет эквивалентные составные наименования к концу XVII в.: *А на то послуши: Ермола Григориевъ сынъ Печеринъ да Семень Григорьевъ сынъ портной мастеръ*. Арх. Стр. 1, 174. 1524 г. *Дано портному шведу Ивану Трезвонову оброку рубль*. Кн. прих-расх. Волокол. м. № 1028, 140. 1576 г. *Портному швалю Федору Меркурьеву выдано годовое денежное жалование три рубли* (Кн. прих-расх. мон. казн.) Арх. Он. 1665 г. *Портным на поставецъ къ шитью государевы постели санной на нити и на шолки 5 алтынъ*. Арх. бум. Петра, I, 255. 1683 г.

Другая группа существительных мужского рода образовалась по аналогии вне эллипсиса конкретного сочетания: *поральский* (‘пошлинник, осуществляющий поральский сбор (подать с плуга)’; СлРЯ XI–XVII; 17, 111); *конюший*, *конюшей* (‘тот, кто ухаживает за лошадьми, служащий при конюшне’:

конюшей Никита купил на конюшню на а(р)каны спускъ бече(въ). Кн. расх. Вол. арх. д. 1702 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 19, л. 3 об.); рядовой ('поступивший на службу по договору', 'не связанный с ответственной работой, помощник': Мурманского промыслу кормщиком и рядовым Леонтью Никифорову с товарищы продано полчетверта фунта свѣщъ восковых. Кн. прих-расх. Он. Крест. м. – РГАДА, ф. 1195, оп. 1, № 306, л. 19 об.).

Продуктивным также был морфологический суффиксальный способ. Форманты – *ск(ий)*, – *ч(ий)*, – *нич(ий)* обозначали лицо по должности. В качестве производящей основы могло выступать имя существительное: *лес* → *лесничий* ('должностное лицо, ведающее охраной лесов': *А хто за тое за полюбовную межу полезет Робоземския волости крестьяня пахати или лисничий, на томъ взяти 20 рублевъ дениг.* А. гражд. распр. I, 243. 1586 г. – СлРЯ XI–XVII; 8, 211). Наиболее продуктивной являлась иная модель – действие (глагол) → лицо (существительное): *вѣсити* → *вѣсчий* ('служитель при весах'); *ловити* → *ловчий* ('охотник, рыболов": *На мою ловлю мои ловчие тѣхъ монастырскихъ рыболововъ...не зовуть.* ААЭ I, 33, 1448–1454 – СлРЯ XI–XVII; 8, 269).

В отличие от существительных мужского рода, где основным значением было значение лица, категория женского рода в существительных адъективного типа склонения связана с обозначением конкретных предметов: различных документов и помещений.

Большинство существительных женского рода, называющих деловые документы, образуется на базе словосочетаний: *закладная грамота* – *закладная*, *купчая грамота* – *купчая*, *докладная запись*, *докладная грамота* – *докладная*, *духовная грамота* – *духовная*, *порядная запись* – *порядная*, *рядная грамота*, *рядная запись* – *рядная*. Определяемое существительное в подобных сочетаниях варьировалось: *запись*, *грамота*, *отпись* и др. В результате эллипсиса образовалось

«синкретичное наименование, равное по форме определяющему прилагательному, которому присваивается родовая парадигма, соответствующая грамматическому роду эллиптируемого существительного» [5; 175]. Необходимо отметить, что субстантивированное прилагательное и соответствующее ему атрибутивно-именное сочетание сосуществуют в памятниках деловой письменности XVI–XVII вв.: *По купчеи грамоте по Кирилов(е): от Словѣньского озера по враг... по вразѣ вверху*. АСВР II, 180. 1485 г. *Продад онъ... по двумъ купчимъ, двѣ трети соляного промыслу со всякими соляными заводы и угоды*. ДАИ VIII, 208. 1680 г. (СлРЯ XI–XVII; 17, 147). *Тотъ Ивашко з братомъ ... по рядной записи хлѣбъ ... и дрова за пожилое для дворового береженья емлютъ*. Писц. д. I, 377. 1625 г. *И та вотчина ниши жеребьи и не проданы никому, не заложена ни у кого ни в кабаках, ни в записях... а у ково выляжет на ту вотчину ...купчая грамота, или рядная, или кабала или запись... и намъ та вотчина от тѣх крѣпостей очищать*. Пам. Ряз., 109. 1680–1556–1557 г. (СлРЯ XI–XVII; 22, 286, 288). Употребление той или иной разновидности именования было обусловлено, скорее всего, не временем создания памятника, а формуляром: субстантивированное прилагательное используется преимущественно в заключительной части документа. Ср.: *Доложа тиуна ... се яз ... купил есми ... пожню. А докладную писал чернецъ Иринарх*. АСВР II, 45. 1435–1447 г. (СлРЯ XI–XVII; 4, 291). *А писал сию закладную дьякъ Иванко Тимофѣевъ снѣ*. Гр. Дв. (доп.), 19. 1487. (СлРЯ XI–XVII; 5, 211). *А порядную писалъ монастырский диячекъ Тренка Андрѣевъ сынъ*. Арх. Стр. I, 623. 1585 г. (СлРЯ XI–XVII; 17, 147).

Интересно отметить, что не все прилагательные, входящие в составные наименования с опорными компонентами *грамота*, *запись* и т.п., подверглись субстантивации. Так, например, не отмечены в старорусском языке такие существительные, как *благословенная* (*благословенная грамота*,

запись), договорная (договорная запись), судная (судная грамота) и др.

В старорусский период зарождается словообразовательный тип, обозначающий помещения различного назначения. Первоначально образование субстантивов происходит за счет опущения определяемого компонента *изба, горница, келья*: *Во дворе келья братская ... да изба келарская с сенми и клетью, в братской келье стол переной, в келарской – стол простой*. Арх. Он. 1669 г. (СПЛ; 1, 242). *Да на мнтръ другая церковь деревяная вверх Пречистые Богородиц Успение с трапезою и с келарскою*. Кн. описн. Ник.-Кор. м. 1602 – ГААО, ф. 181, оп. 1, д. 6, л. 17. (келарская – ‘кладовая для хранения припасов в церкви’). *Сдѣлалъ чюланъ в мастерской горницѣ на воеводском дворѣ*. Кн. расх. Хлын. 1679, 55 – КДРС. *В тои мастерской кѣлье семь окончин полотняных с кругами слудными болшаго косяка*. Арх. Пертомин. м., № 48, 7. Оп. 1687 г. – КДРС. *Взять тотъ шолкъ въ верхъ в мастерскую*. Кн. прих.-расх. Каз. пр., 86. 1614 г. (СлРЯ XI–XVII; 9, 38)

В дальнейшем образование подобных слов шло по морфологической модели. В «Словаре промысловой лексики Северной Руси» зафиксированы лексемы *крылосная* (‘то же, что крылос’), *ложная* (‘мастерская, в которой изготавливаются ружейные жога’), образованные от существительных (*крылос, ложе*) по аналогии с субстантивами: *Взделать два крылоса окольные проходны не к стене; околь крылосной забирать в косяк з брусъем*. Порядн. Троицк. в. 1637 – САС III, 415. *Продано оружейным мастером и в ложную станочного дѣла учеником Петру Чернецову бѣлого желѣза сто листов*. Кн. прих. Петр. зав. 1708 – РГАДА, ф. 26, 1 ч. 2, 3269, л. 8.

Наличие целого ряда существительных, однотипных по структуре и значению, приводит к тому, что в специальной лексике начинают появляться субстантивы других словообразовательных типов, менее продуктивных, нередко представ-

ленных единичными лексемами. В результате семантической конденсации образуются существительные *летная* (*летная ловля* (ср. *осенняя ловля*, *зимняя ловля*) – ‘летний промысел на рыбу и морского зверя’: *Мурманской лодьи рядовым наемным людем... что они ходили на мурманской лодьи на Мурманское и лѣтнюю промышляли... дано найму 39 рублей.* (Кн. прих.-расх. мон. казн.) Арх. Он. 1665 г.); *подвойная* (*подвойная трубка* – ‘часть рассолоподъемной трубы, покрытая подвоем’: *А подвойная окружить... и на ту же подвойную шить суконной чюлок наметом край на край.* Росп. труб. д., 197.)

Спорным представляется прсисхождение существительного *сетная*: *Да и реку Сороку и со всеми ловли по старине, и сетная, как ловили нюхчане.* А. Солов. м., 106. 1551 г. – КДРС. Данный пример можно трактовать двояко: как эллипсис сочетания *сетная ловля*, либо как суффиксальное образование от существительного *сеть* по аналогии с другими субстантивами.

Приведенные примеры позволяют предположить наличие еще одной, нерегулярной модели образования существительных женского рода. При этом формант – *н* – в производных словах имеет значение ‘средство, материал, с помощью которого осуществляется действие’

Своеобразие существительных среднего рода объясняется их «безличностью, отвлеченностью, фиктивной предметностью» в системе грамматических категорий русского языка [3; 83]. Существительные адъективного типа склонения являлись предметом изучения языковедов XIX–XX вв. Все исследователи обращали внимание на особый статус данной группы, подчеркивали их специфический характер в системе всей категории субстантивированных прилагательных, их особое семантическое выражение и способ образования. Отсутствие структурных и семантических ограничений способствовало тому, что в данную группу постепенно вовлекалось неограниченное число слов.

Памятники деловой письменности донационального периода свидетельствуют о бурном росте конкретных предмет-

ных субстантивов среднего рода в XIV–XIV вв. Особенно активным этот процесс был в налогово-пошлинной терминологии, и субстантивация являлась самым характерным средством номинации именно в этой сфере [6, 14]. Сравнительный анализ лексем в специальном словаре Г.Е. Кочина показывает соотношение субстантивов в разных терминологиях: из 221 субстантива – 149 (75%) существительные среднего рода. Из них 125 относятся к группе «Повинности и пошлины».

Г.П. Снетова выделяет следующие лексико-семантические группы существительных среднего рода, существовавшие в старорусском языке: 1) с широким обобщенно-абстрактным значением, выражающие отвлеченные понятия (*доброе, болезненное*); 2) религиозно-церковные понятия (*бесплотное, благолепное*); 3) наименования имущественных отношений (*домовое, товарное*); 4) наименования должностного состояния (*становое, тысячское*); 5) наименования явлений и предметов быта, связанных с различными видами сельскохозяйственного и ремесленно-торгового хозяйства (*съестное, постное, солеварное, хмельное*); 6) наименования различных видов платы, побора, пошлин, налогов (*медовое, померное, железное, пожилое*), в том числе промыслово-ремесленные пошлины (*подлазное, рыбное, стожарное, косное, поватажное*) – всего около 200 лексем; 7) наименования юридических отношений и судопроизводства (*обидное, личное*) [6; 13].

Рассмотрим существительные среднего рода адъективно-го типа склонения в промыслово-ремесленной терминологии старорусского языка.

Происхождение существительных среднего, мужского и женского рода различно. Памятники письменности не дают подтверждения тому, что субстантивы среднего рода образовались в результате опущения существительного: при субстантивации меняется род прилагательного (*полавочное – полавочная пошлина, медовое – медовый оброк*; ср. названия документов: *духовная грамота – духовная*), причем родовое существительное в форме среднего рода встречается очень редко; разрыв компонентов не приводит к утрате родового

существительного. В лексико-семантической группе существительных «названия пошлин и платежей» в ряде случаев отмечена синонимическая соотносительность субстантива не только с составным термином, но и с однословным термином – существительным: *поплашное – поплашная пошлина* ('пошлина с дров и строевого леса, взимаемая плахами, половинками расколотого бревна': А *поплашное имати съ дровъ съ воза по плахъ, каковы дрова будутъ, не по болшой, а не по меншой*. ААЭ IV, 74. 1652 г. Да таможникомъ же брати... по берегу рѣки Волхова, съ судовъ, и съ плотозъ, съ плавного лѣсу *поплашную пошлину*. ААЭ I, 326. 1571 г. – СлРЯ XI–XVII; 17, 87); *контарное – контарные деньги* ('пошлина, взимаемая с контаря веса (2,5 или 3 пуда)': А *имати тамга церковная пошлина и вѣсь мытъ, и пятно, и померное, роговое и контарное с царевых и великого князя*. Арх. Стр. I, 696. 1592 г. – СлРЯ XI–XVII; 7, 282. Противъ выписей той увѣсной солина тѣхъ людѣхъ не спрашивать и имать пошлина съ того вѣсу сколько у нихъ въ продажѣ будетъ, по гривнѣ съ рубля за всякия мелкия статьи, а вѣсчихъ и *контарныхъ* никакихъ *денегъ* сверхъ гривны не имать. СГГД IV, 194. 1667 г. – СлРЯ XI–XVII; 7, 283); *рыбное – рыбный оброк* ('побор за право рыбной ловли': И моим рыбником не надобе *рыбное*, ни их пошлины. АСВР II, 30. XVI в. – СлРЯ XI–XVII; 22, 87). А денежный *оброкъ* и *рыбной* платятъ противу осеннего и вешнего промысловъ. Кн. писц. Белооз. 1674. – КСПЛ) Ср. также *вѣсчье – вѣс – вѣсчая пошлина*, *пятенное – пятно – пятенная пошлина*, *убрусное – убрус*, *явленное – явка – явчая пошлина* и др. При наличии такой взаимозаменяемости тем не менее в текстах преобладали субстантивы.

По аналогии образовались и другие существительные данной группы: *валовое* – 'оптовый доход, плата; плата за артельную работу': Откупил у соловаров *валового* за 20 за 6 сугребов дал за сугреб по шти алтын. Кн. расх. Ник.-Кор. м. 1587 – ГААО, ф. 191, оп. 1, т. 1, № 47, л. 1. (СПЛСР I, 65);

порядное – ‘пошлина при заключении торговой сделки’: *Которой белозерець гродцкой челоуѣкъ купитъ себѣ на лавку медь, или икру, или рыбу, и имѣ имати у нихъ съ рубля по полудензе порядного*. Арх. Стр. I, 94. 1497 г. (СлРЯ XI–XVII; 17, 147); *портное* – ‘повинность, состоящая в шитье одежды, а также заменяющая ее денежная пошлина’: *Ни волостелева двора не ставить, ни портного не дают, ни к сотцкому, ни к дворскому ...не тянут ни во что*. АСВР I, 174. 1453 г. (СлРЯ XI–XVII; 17, 131); *рядовое* – ‘оговоренная в договоре плата’: *Дано служеного старцу Галасию Борашку ... за 2 мсца да рядового за четьры мца...* Кн. прих.-расх. Тихв. м. № 1, 72 об. 1592 г. (СлРЯ XI–XVII; 22, 289).

Часть названий пошлин и повинностей образовалась морфологическим способом от основ, включающих общеславянские корни: *водолазное* (← водолаз) – ‘плата за работу водолаза’: *Дал старцу Якиму Лузорѣ на мережное прядено рубль денег. Да ему ж даль за водолазное десят алтынѣ*. Кн. пр.-расх. Сп.-Прил. м. 1604 – ДПРС I, 16. (СПЛСР I, 92); *езовое* (← ез) – ‘подать, налог за право рыбной ловли в езе’: *И вы мои мытники, и таможенники, и заказщики, и всѣ пошлинники, не имали бы есте с игуменова купчины и съ его людеи и с его наимитов ни мыта, ни тамги... ни ѣзового(о), ни иных никоторых пошлин*. Гр. жал. К-Бел. м. 1486 – АСВР II, № 271; *поватажное* (← ватага) – ‘сбор, налог с промысловых артелей, ватаг’: *Пошлинники мои и поватажники поватажного у нихъ не емлютъ*. ААЭ I, 30. 1446 г. (СлРЯ XI–XVII; 15, 140). Ср. также *шестовое* (← шест) – ‘пошлина, которая бралась с шестов, употреблявшихся на речных судах’, *побережное* (← берег) и др.

Исходной формой образования субстантивов среднего рода, входящих в лексико-семантическую группу «наименования явлений и предметов ремесленно-торгового хозяйства», по возникшей модели могло служить прилагательное в прямом первичном значении. При субстантивации одновременно происходит процесс семантической деривации с сужением, специализацией значения. Как правило, такие существ-

вательные имеют собирательное значение, называют совокупность предметов, изделий по такому мотивировочному признаку, как материал: железное – ‘изделия из железа, железная утварь’: *А досталь живота моего скоть и платье, и серебряное, и мѣдное, и желѣзное ... дѣтямъ моимъ.* АХУ II, 232. 1614 г. (СлРЯ XI–XVII; 5, 82); медное – ‘медные сосуды, изделия из меди’: *Розделилися есмя... и мелкий скоть, и серебряную кузнь, и мѣдное, и желѣзное, и деревянное и всякий житейский запасъ.* АХУ II, 241, 1615 г. – КДРС; *портное* – ‘одежда’: *Ни волостелева двора не ставить, ни портного не дают, ни к сотцкому, ни к дворскому... не тянут ни во што.* АСВР I, 174. 1453 г. (СлРЯ XI–XVII; 17, 131). Для приведенных субстантивов не отмечены в памятниках синонимичные составные термины.

Изолированное положение занимает лексема *векошное*: *Да шедъ и застегнуть надъ подвойной трубкой и захватить векошнымъ за середник и накинуть на баран потянуть людьми.* Росп. труб. д., 198. (СПЛСР I, 73). Можно предположить, что термин обозначает совокупность приспособлений для подъема грузов (ср. *векша* – ‘грузоподъемное устройство, блок’).

Также особняком в данной группе стоит лексема *лещевое* – ‘часть рыбы без головы и хвоста, тушка’: *На Белѣозере Третьяк Губанин купил рыбы головы 835 судоков, да лещевово 5835 судоков, да 425 щук, да юранов 2500.* Кн. расх. К.-Бел. м. 1581–1585 – Ник., ОСХII. В данном случае в семантике слова совмещается вещественное и метрологическое значение.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы. Памятники XIV–XVII вв. деловой письменности свидетельствуют о важной роли существительных адъективного типа склонения в развитии специальной лексики. Выделяются определенные семантические сферы, где такой способ номинации, как субстантивация, отличается высокой активностью. Особое место в производственно-ремесленной лексике зани-

мают субстантивированные прилагательные среднего рода, отличающиеся от прочих как в количественном, так и в семантическом отношении. Именно этот разряд характеризуется отсутствием структурных и семантических ограничений, что позволяет субстантивам среднего рода функционировать в различных сферах: торговой, юридической, ремесленной и др.

Следует отметить, что в старорусском языке формируется новая модель субстантивов, представленная формой множественного числа (*рядовые* – ‘относящийся к договору, полагающийся по договору (в знач. суц. о деньгах)’): дано кормициком сверх *рядовых* свершенки по 2 рубли. Арх. Он. № 228, 48. 1574 г.– СлРЯ XI–XVII; 22, 289), которая в дальнейшем активно развивается (ср. в современном русском языке – *суточные, командировочные*), тогда как традиционная модель (*вѣсчье, порядное, медовое* и др.) архайзируется.

О проявлении законов системы свидетельствует тот факт, что в указанный период складываются определенные семантические и словообразовательные модели, развиваются иерархические, парадигматические отношения. В частности, можно утверждать наличие связей между лексико-семантическими группами: название лица по роду деятельности → названия пошлин (*вѣсчий* – *вѣсчье*; *портной* – *портное*; *рядовой* – *рядовое*; *поральский* – *поральское*); названия документов → названия пошлин (*порядная* – *порядное*). В старорусском языке продолжается активное развитие специальной лексики, вследствие чего наблюдается использование в документах дублетов – существительных, составных наименований, субстантивированных прилагательных: *пятно* – *пятенное*, *ларечный* – *ларечный целовальник*, *докладная* – *докладная грамота*, *контарные деньги* – *контарное*, *вѣсчие деньги* – *ваганное* – *вѣсебное* – *вѣсчье* – *вѣсовое* (‘пошлина за взвешивание товара’); *поральское* – *поральное* (‘подать с плуга’).

Таким образом, можно утверждать, что существительные адъективного типа склонения в старорусском языке представляли собой особую систему, которая впоследствии претерпела существенные изменения, и являлись специфическим средством выражения терминологического значения.

Литература

1. *Азарх Ю.С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка.—М., 1984.
2. *Варбот Ж.Ж.* Древнерусское именное словообразование.— М., 1969.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове.—М., 1947.
4. *Лопатин В.В.* Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования.— М., 1967.— С. 205–233.
5. *Низинская В.А.* К вопросу о способах словообразования существительных адъективного типа склонения в старорусском языке // Исследования по историческому словообразованию.— М., 1994.— С. 169–180.
6. *Снетова Г.П.* Лексико-семантические особенности субстантивированных прилагательных среднего рода в старорусском языке // Проблемы исторической и диалектной лексикологии. Сборник научных трудов.—Калинин, 1984.— С. 10–26.

Тематическая группа «Способы художественного шитья» в памятниках письменности XVII – середины XVIII вв.

К XVI–XVII вв. искусство русского художественного шитья достигло расцвета, появились разнообразные способы вышивания. Вышивальщицы использовали в своей работе различные вспомогательные материалы: картон, хлопчатобумажные шнуры, пластинки сусального золота; варьировали способы шитья для имитации дорогостоящих восточных тканей; вышивали по разреженной основе ткани. Кроме того, в указанный период активно развивается техника шитья «в прикреп», при котором золотные нити накладываются на ткань и прикрепляются к ней шелковой нитью стежками, образовавшими мелкие орнаментальные мотивы, и сохраняется более ранняя техника шитья «напроём», при котором металлические нити продергиваются через ткань насквозь. Все разнообразие способов вышивания отражено в памятниках письменности XVII – середины XVIII вв.

В настоящей статье мы рассмотрим 5 лексико-семантических групп (ЛСГ):

- 1) наименования узорного шитья с использованием вспомогательных материалов (картона, сусального золота и др.);
- 2) наименования узорного шитья, имитирующего другие материалы (драгоценные ткани, чеканную металлическую поверхность и т.п.);
- 3) наименования узорного шитья по разреженной ткани;
- 4) наименования узорного шитья, при котором нить прикреплялась к ткани другой нитью;
- 5) наименования узорного шитья, при котором нить пропускалась через ткань.

** Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ, проект № 1073.2003.06.*

6) наименования способов шитья, обозначающих процесс вышивания по контуру узора в один, два и больше рядов.

1. *Наименования узорного шитья с использованием вспомогательных материалов.* Для достижения определенного объема или светотеневого эффекта в вышивке часто использовались картон или береста, из которых вырезались части желаемого орнамента и нашивались на фон вышиваемой поверхности, а затем по ним вышивали (Власова, 135; Шабельская, 120). Такой вид шитья в наших документах обозначался составным наименованием (СН) *низать по картѢ*: *Риза низана жемчюгомъ по картѢ*. Оп. им. Горно-Усп. м. 1775 – ГАВО, ф. 511, оп. 1, д. 7, л. 7 об. Данное СН встречается в документах и в эллиптической форме, когда опускается грамматически главный компонент *низать*: *Возглавие жемчужное с плашками по картѢ и по шумихе*. – Оп. им. Горно-Усп. м. 1775 – ГАВО, ф. 511, оп. 1, д. 7, л. 3 об. Существование таких переходных номинаций, как эллиптические формы, свидетельствует о том, что терминология находилась в этот период в стадии становления.

Лексема *карта* в старорусском языке известна с XVI в., заимствована через польский (*karta*) или немецкий (*Karte*) из итальянского *charta* – *бумага* (Фасмер, II, 203; Черных, I, 382; Преображенский, 1, 300). Заимствованное слово *карта* к началу XVIII в. имело ряд значений, в том числе ‘*вырезанный узором картон, ткань и т. п., подкладываемые при вышивании для получения выпуклого рисунка*’ (Сл. XVIII, IX, 262). Авторы словаря также отмечают устойчивые сочетания *шить по карте* и *шитье по карте*: Шитье возвышенное производится по картѢ, то есть подкладывают в узор вырезанные карты, или пергамент, сукно, бумагу хлопчатую и прочее. Сл. комм., 414 – Там же. В более ранний период значения, связанные с вышиванием, для лексемы *карта* не характерны.

При «сквозном» низанье и при прорезном шитье часто для достижения большого цветового эффекта под шитье жемчугом подкладывалась разноцветная фольга (Якунина, 49). Такой вид шитья назывался *низать по шумихѢ*: *Воз-*

главѣ и риза жемчужные нязано по картѣ и по шумихѣ. Оп. им. Горно-Усп. м. 1775 – ГАВО, ф. 511, оп. 1, д. 7, л. 4 об.

В лексикографической литературе слово *шумиха* определяется как 'сусальное золото' (Даль, IV, 648), 'мишура, разбитая в тонкие листочки' (Виноградов, 741). Лексема образована от глагола *шуметь* (тонкие листы металла издают особый металлический звук) суффиксальным способом.

2. *Наименования узорного шитья, имитирующего другие материалы*. Из-за высоких цен на привозные восточные ткани в русском художественном шитье появляются технические приемы, воспроизводящие фактуру драгоценных тканей (Свирин, 103). Опираясь на изученные документы и этнографическую литературу, мы выделили 6 имитационных способов шитья: имитация драгоценных тканей – аксамита, алтабаса, бархата, атласа; имитация орнамента металлических чеканных изделий; имитация тканого узора. Однословные и составные наименования, обозначающие данные способы шитья, рассмотрены нами специально (см. статью в сборнике «История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси» Вологда, 2002), поэтому мы ограничимся в рамках данной статьи констатацией значений ЛЕ.

Способы шитья, имитирующие аксамит – ткань с орнаментом, переданным вертикально поставленными петлями из золотых или серебряных нитей, в памятниках обозначались следующими ЛЕ: *аксамитить (оксамитить)*, *шить аксамитом*, *шить по-аксамитному*, *шить в аксамить*.

Впервые глагол *аксамитить (оксамитить)* появляется в конце XVI в.: *Ферези... обрасцы по желтому атласу аксамичены серебромъ*. Оп. им. Ив. Гр., 16. 1583 – СлРЯ XI–XVII, I, 26; *Ферези... образцы сдѣлати по червчатому отласу оксамитити съ золотомъ, бахрома шолкъ желтъ*. Оп. им. Ив. Гр., 16. 1583 – СлРЯ XI–XVII, I, 81; *Вершокъ шапошнои оксамичень золотомъ да серебромъ, по оксамиченью сажень жемчугомъ*. Плат. Бор. Фед. Год., 1589 – Срезн, II, 653.

Способ шитья, при котором воспроизводилась фактура бархата – ткани с густым ворсом на лицевой стороне (Черных, I, 75–76), – в памятниках письменности обозначался

глаголом *бархатить* (*бархотить*): *скроень государю на-латникъ тафта бѣла под шитье: земля зашивать серебромъ, а травы аксамитить и бархатить*. Забелин, Дом. быт рус. царей, 11, 834. Впервые отмечен в тексте 1503 г.: *Двѣ вошвы шиты золотомъ да серебромъ бархочены*. Дух. кн. Юл. Волоцк. – Срезн., I, 43.

Термин *заатлашивать* (*заотлашивать*) обозначал такой вид шитья, при котором вышивка воспроизводила фактуру атласа, гладкой шелковой ткани: *платаница... шито золотом и серебромъ заотлашивано шелкомъ лазоревым*. Оп. им. Ник. Озер. м. 1701 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 10, л. 58.

СН *шить по алтабасному* обозначало технический прием шитья, в результате которого вышивка имитировала фактуру алтабаса – персидской парчевой ткани (Фасмер, I, 72): *стихарь... оплечье бархат золотной шить по алтабасному и аксамитному*. Оп. Воскр. Ново-Иерусалимского м. 1685 в. – Шабельская, 121.

Способ шитья, с помощью которого воссоздавался орнамент металлических чеканных изделий (Маясова, 6) в исследованных документах обозначался следующими ЛЕ: *шить на чеканное дѣло, шить въ чеканъ, шить въ чеканъ, чеканить*.

СН *шить на чеканное дѣло, шить въ чеканъ, шить въ чеканъ* отмечены нами в памятниках XVII в.: *стихарь бархатъ разныхъ шелковъ, оплечье шито золотомъ и серебромъ на чеканное дело*. Оп. Свяж. Богород. м. 1614 – Шабельская, 120; *ризы... оплечье шито золотом и серебром по черному бархату в чекан*. Вкл. кн. Тр. Серг. м., с. 190. 1671; *два лоскута шиты по кожѣ золотомъ въ чеканъ*. Оп. Воскр. Ново-Иерусалим. м. 1685 – Шабельская, 120.

По мнению ученых-искусствоведов, один из древнейших способов шитья – имитация тканья, тканого узора, рисунка (Маслова, 30). Этот способ обозначался такими ЛЕ, как *шить наборомъ, шить набирью, набирати*: *Полотенцо бязинное шито по концомъ наборомъ шелки розными съ золотцемъ*. Оп. Свяж. м., с. 13. 1614; *3 сулки шиты шолки набирью, полотняны*. Кн. п. Моск. 1, 300. 1578 – СлРЯ XI–XVII, X, 19;

Плащи набираны на софьяне, на софьяне на червчатомъ. Росп. им. Н. Ром., 50. 1659 – Там же.

3. *Наименования узорного шитья по разреженной ткани.* До появления в XVI в. техники вышивания путем прикрепления нити к ткани, наложения нити на ткань, одним из самых распространенных приемов шитья была вышивка по выдерганной основе ткани, выполняемое таким образом, что все оставшиеся не выдерганными из холста нити перевиваются иглой с ниткой так, что образуется как бы толстая канва и по ней уже настилают узор (Стасов, 6). Как показывают изученные памятники, этот способ сохраняется и в конце XVII в. наряду с более распространяющимся шитьем в прикреп.

Такой способ вышивания в исследуемых документах обозначен СН *шить вязью, шить в вязь: двѣ ширинки... шиты вязью, ширинка шита вязью шелкы разные.* Оп. кн. Н.-Кор. м. 1602 – ГАВО, ф. 191, оп. 1, д. 6, л. 16 об; *полотенцо полотенное по концамъ шито бѣлью в вяз а около вязи шито чернымъ шелкомъ.* Оп. им. Павло-Обнор. м. 1687 – ГАВО, ф. 521, оп. 1, д. 3, л. 79.

Предыдущий пример показывает наличие в старорусском языке лексемы *вязь* – отглагольного субстантива от *вязати*, известного с XI в. Значение ‘узор из переплетающихся линий, вязь’, предложенное составителями СлРЯ XI–XVII, представляется нам несколько неточным, мы толкуем слово *вязь* как ‘вышивку по выдерганной ткани’: *Ширинка полотняная, узоръ шитъ вязью золотомъ съ шолки.* Кн. пер. Ипат. м., 30, 1595 – СлРЯ XI–XVII, III, 286–287. По мнению И.П. Работновой, термины *вязати*, *вязь* существовали у славян еще в дописьменную эпоху. Об этом свидетельствуют данные славянских языков: болг. *веза* ‘вышиваю’, *везба* ‘вышивание’; с.-хорв. *везиво* ‘вышивка’; словен. *vezenje* ‘вышивание’ (Работнова, 85). Кроме того, в северных говорах сохранилось древнее название описываемого способа шитья – *вязба* (*везьба*) (СРНГ, VI, 73; СРНГ, VI, 98). Глагол *вѣзти* в древнерусском языке имел достаточно широкое значение ‘вить’, отглагольный субстантив *вѣзаније* также отличался большим семантическим объемом: ‘вид ремесла, плетение, ткачество’ (СлДРЯ, II, 311–312).

Поэтому предполагается, что способ шитья по выдерганной основе, близкий к примитивным способам плетения, объединился с вышиванием уже в более позднюю пору, когда техника шитья значительно усовершенствовалась (Гринкова, 191). Соответственно, в тот же период происходит закрепление значения 'вышивка по прореженной ткани' за лексемой *вязь*, ее включение в лексику художественного шитья и образование на ее основе СН *шить вязью* и *шить в вязь* с помощью адвербиализации.

4. *Наименования узорного шитья, при котором нить пропускалась через ткань.* При шитье золотом металлические нити продергивались через ткань «на проем», образуя на лицевой стороне длинные стежки, а на изнанке – короткие. На лицевой стороне золотные нити плотно прилегали друг к другу, заполняя всю поверхность рисунка.

Несмотря на то, что данная техника вышивания в XVI–XVII вв. уступает место более удобным приемам, в документах этого периода нами отмечены СН *шить на проем*, *шить въ проем*, обозначающие указанный вид шитья: *хоруговь шитая золотомъ да серебромъ... вышито по камкъ по черчятой на проемъ Благовѣщеніе Богородицы.* Оп. Благов. с. 1579 – Савваитов, 1886, 37; *орарь шить по черечатому бархату въ проемъ серебромъ веревочками.* Оп. Моск. с. 1701 – РИБ, III, 806.

Наречие *на проемъ* имело значение 'со сквозным узором, сквозной резьбой' (СлРЯ XI–XVII, X, 198) и известно в ряде терминосистем, смежных с лексикой художественного шитья (резьба по металлу, золотое литье и др.): *плащъ золотъ четвероуголень продолговатъ на немъ рѣзаны звѣрки и птицы и травки на проемъ.* Оп. им. ц. Ив. Вас., 1582–1583 – Срезн., II, 958; *Да у колчана чепъ серебряна золочена... 11 звень литые напроемъ.* Оруж. Бор. Год., 21. 1588 – СлРЯ XI–XVII, X, 198.

Семантическое содержание 'вышивать, прокалывая ткань' у СН *шить на проемъ* свидетельствует об изменении семантики наречия *на проемъ* при его включении в состав СН, то есть происходит терминологизация СН: 'со сквозным узором,

сквозной резьбой' → 'прокалывая ткань'. СН *шить на проем* более частотно в текстах памятников, вариант *шить в проем* возникает, видимо, по аналогии с наименованиями *шить в пришивку*, *шить в чекань*, *шить в клопец* и др.

Значение 'способ вышивки, узор с петлеобразным элементом', приведенное в СлРЯ XI–XVII (XV, 29), у СН *шить въ петлю*, *шить въ малую петлю*, *шить в петли*, *шить въ петелки* не подтверждается работами ученых-искусствоведов (см. работы Г.С. Масловой, В.В. Стасова и др.). По их мнению, в старорусском языке данные ЛЕ обозначали 'вид шитья напроем, при котором мелкие петельки следовали друг за другом' (Маслова, 53): 4 *рубашки пошевные с тесмами, шиты золотомъ да серебромъ въ петлю*. Оп. им. Тат., 7. 1608 – СлРЯ XI–XVII, XVIII, 82; *Рубаха шита золотомъ въ петлю, цѣна рубль съ полтиною, рубаха шита золотомъ въ малую петлю*. Тов. цен. росп., 81 – СлРЯ XI–XVII, XV, 29; *рубашек мужских 3 – две шиты в петли, а третья – в пришивку*. Оп. д. Большес. избы, с. 76. 1638; *три рубашки золотомъ шиты в петелки*. Якут. а., карт. 4, номер 8, сст. 40. 1641 – СлРЯ XI–XVII, XV, 27.

Указанные СН имеют структуру «глагол *шить* (вышивать) + *въ* + сущ. в В.п.», за исключением СН *шить въ малую петлю*, где в структуру вводится компонент-конкретизатор, указывающий на величину стежка. О существовании в терминосистеме СН *шить в большую петлю*, противопоставленного данному, пишет И. Забелин (Забелин, 1869, с.656), но в памятниках письменности такое СН пока не обнаружено. В рассмотренных наименованиях варьируется грамматически зависимый компонент СН и отмечаются следующие варианты: *въ петлю*, *въ петли*, *въ петелки*.

Вид вышивки, при котором с обеих сторон вышиваемой поверхности появляется одинаковый узор, так называемое "двустороннее шитье" (Стасов, 6), в исследуемых источниках носил названия *шить на обѣ стороны*, *шить (низать) по обѣ стороны (страны)*, *шить на оба лица*: *Хоругвь большая... на обѣ стороны шита золотомъ и серебромъ пряденымъ по червчатымъ дорогам*. Оп. Моск. с., н. XVII – РИБ, III,

348; хоругвь... по ней шита лѣтопись золотом по обѣ страны, вѣнцы и ризы низаны жемчужом по обѣ страны. Кн. расхода тканей и драг. на ризы 1665 – РГАДА, ф. 1441, оп. 1, д. 490, л. 4–4 об.; полотенцо кисейное шито серебромъ волоченымъ на оба лица. Кн. кр. 1648 – Забелин, 103.

Данные СН образуют синонимический ряд, характеризующийся вариативностью семантически ослабленных компонентов: лексемы *лицо*, *сторона* в составе СН выступают как синонимы в значении 'одна, любая из сторон предмета'. Для слова *лицо* такое значение не отмечено в старорусском языке; одно из значений – 'лицевая, передняя, верхняя часть предмета; перед' (СлРЯ XI–XVII, VIII, 254). Таким образом, лексема *лицо* развивает значение 'одна, любая из сторон предмета' в составе СН *шить на оба лица* путем метонимического переноса наименования с одной части предмета на любую из частей.

Способ вышивания «напроем», при котором образуется выпуклый рисунок, в исследованных документах обозначался глаголом *строчить* (Гринкова, 177): *пояс замша, подложен ремнем, строчен золотом волоченым, окован серебром*. Росп. им. Строг. 1627 – Введенский, с.46; *2 рубашки: одна пошовная, а другая бѣлая строчена шолкомъ лазоревымъ*. Оп. им. Тат., 7. 1608 – Сл XI–XVII, XVIII, 82. И.И. Срезневский рассматривает слово *строчить* как 'вышивать строчкой, плотным швом, образующим ряды': *строчено въ двѣ строки золотомъ волоченымъ* (Срезн., III, 556).

Лексема *строчить* образована от слова *строка* с помощью суффикса *-и-*, этимологически связана чередованием гласных *о/е* со *стрекать* 'колоть' (Фасмер, III, 781; Черных, II, 212). Многозначное *строка* известно с XI в. как 'нарезка, знак; точка'; а позже (в XIV в.) – 'ряд, строченая, вышитая строчкой полоска': *Саадакъ нахтермянъ, строчень въ три строки серебромъ и золотомъ волоченымъ*. Ор. Бор. Фед. Год., 1589 – Срезн., III, 556. По мнению Н.П. Гринковой, основное значение интересующего нас слова связано с начертанием символических, магических знаков, «мы видим теснейшую связь

данного термина, относящегося к вышиванию, с письмом» (Гринкова, 177).

В дальнейшем лексема *строчить* расширяет свое семантическое содержание: 'шить сторокою, или в строчку, прошивая нитками, делать шов на поверхности чего-либо' (СлЦРЯ, IV, 238).

5. *Наименования узорного шитья, при котором нить прикреплялась к ткани другой нитью.* В конце XII – начале XIII вв. в художественном шитье наблюдается переход к новому, более удобному и простому приему вышивки – шитью в прикреп, при котором золотные нити накладывались на поверхность ткани и прикреплялись к ней шелковой нитью еле заметными стежками, образовывавшими мелкие орнаментальные мотивы, своего рода узоры в подражание привозным золотным тканям (Манушина, 7). Многочисленные вариации узоров прикрепы привели к возникновению разнообразных способов шитья в прикреп.

В памятниках письменности XVI – середины XVII вв. употребляются, как правило, точные названия вышивания в прикреп. Однако нами установлено СН *шить в пришивку*, которое обозначало шитье в прикреп как таковое, без указания на характер узора, создаваемого прикрепляющей нитью: *рубашек мужских три – две шиты в петли, а третья – в пришивку*. Оп. д. Большес. избы, с.76. 1638. По отношению к СН *шить на проемъ, шить въ проемъ* 'вышивать, прокалывая ткань' – *шить в пришивку* является антонимом.

Рассмотрим наименования видов шитья в прикреп.

Одной из основных разновидностей вышивания в прикреп было шитье, при котором сначала узор шился толстыми хлопчатобумажными нитями, а затем поверх них «ломали» золотом – покрывали золотой или серебряной нитью в прикреп. Специфика этого способа шитья заключалась в том, что достигался необходимый объем и, кроме того, за счет извивов ломаной нити появлялся определенный световой эффект (Маслова, 45). Такой способ шитья в исследованных документах XVII в. назывался *шить вломъ (шить вломъ): Поручи шиты вломъ золотомъ и серебромъ по зеленому отласу.*

Переп. кн. Сп.-Прил. м. 1684 – ВОКМ, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 112; *Ризы отлас бѣлоу... оплечье шито золотом вломь*. Кн. пер. Нил. Столб. 111, 31. 1663 – СлРЯ XI–XVII, 11, 229.

Авторы СлРЯ XI–XVII толкуют СН *шить* *вломь* как ‘особый вид глади (вышивки)’: *Межь птицъ травы шиты золотомъ въ ломь*. Заб. Дом. быт 11, 787 – СлРЯ XI–XVII, VIII, 278. С таким толкованием трудно согласиться, так как шов гладью выполнялся не в прикреп, а напроем. Наречие *вломь* (*вломь*) образовано от усеченной основы глагола *ломати* или *ломити*, имевших значение ‘ломать, нарушать целостность чего-либо’ (СлРЯ XI–XVII, VIII, 278–279).

Отдельную группу представляют собой способы шитья в прикреп, отличающиеся друг от друга узором прикрепляющей нити. В наших документах данные способы шитья обозначены следующими ЛЕ: *шахмотить*, *шить въ черенки*, *шить въ ряды*, *шить в клопецъ*, *вышить в клѣточки*.

Лексемой *шахмотить* обозначалась такая техника шитья в прикреп, когда шелковые нити прикрепляются мелкими стежками, расположенными в шахматном порядке (Шабельская, 117): *наволока постельная шахмочена*. Записки верховому взносу, 1611 – Забелин, 1869, с.50.

Глагол *шахмотить* образован от известного уже в XIII в. слова *шахматы* (заимствованного из нем. *schachmatten*) (Фасмер, IV, 415) суффиксальным способом по продуктивной модели основа существительного + *-и-*, имеющий значение ‘делать подобным чему-либо’ (ср. *аксамитить*, *бархатить* и др.). Нельзя исключить и возможность образования данного глагола путем универбации, так как существовал узор, похожий на шахматную доску, выполнение которого носило название *низать въ шахматы*: *ожерелье мужское пристежное низано в шахматы*. Вкл. кн. Тр-Серг. м., с. 224. 1627. То есть нельзя исключать наличие в терминосистеме художественного шитья того периода СН *шить в шахматы*, на базе которого мог возникнуть глагол *шахмотить*.

Уже в XIX в. глагол *шахмотить* не отмечается словарями; в языке сохраняется только однокоренное ему слово

шахматный 'выстеганный шахматами' (СлЦРЯ, IV, 450), 'весь в клетках, пестрый' (Даль, IV, 624).

СН *шить въ черенки* обозначало в документах такой способ шитья в прикреп, при котором стежки образуют узор редкой плетенки из прямых полос (Манушина, 278): *Рубаха муская, миткалинная, шита золотом в черенки*. Росп. им. Струг. 1627 – Введенский, 42.

Слово *черенокъ*, праславянское по происхождению, является деминутивом с суффиксом -ок от *черень* (Фасмер, IV, 340; КЭСлРЯ, 491), отмеченного в значении 'рукоять, черен' в памятниках XIV в. (Срезн., III, 1501). Лексема *черенокъ* развивает вторичное значение путем метафорического переноса, основанного на внешнем сходстве реального предмета (рукоять, черенок, некая вытянутая палочка) и узора, получаемого при вышивании особым способом. (Ср. у В.И. Даля *черенковая сѣра* – сера, отлитая палочками; Даль, IV, 592.) Данное значение в XVII–XVIII вв. представлено только в составе СН *шить въ черенки*: *вошвы отпась червчатъ по нимъ шиты птицы серебромъ въ черенки* (Забелин, 1869, с. 787).

Способ шитья в прикреп, при котором стежки образуют параллельные диагональные линии, в старорусском языке обозначался СН *шить въ ряды* (Манушина, 278): *вошвы шиты въ ряды серебромъ*. Оп. платья царей, 1611 – Забелин, 1869, с. 46. В терминологии ткачества отмечено СН *ткать въ ряды* (предположительно, 'в рубчик'): *Сукна чернаго добраго русскаго въ ряды тканого, которое потоне*. С. Медвед. Пис., 10. 1681 – СлРЯ XI–XVII, XXII, 284.

СН *шить въ ряды* мотивировано спецификой рисунка, образуемого при таком способе шитья параллельными диагональными рядами стежков.

СН *шить въ клопецъ* имело значение 'способ шитья в прикреп, при котором стежки образуют переплетение, напоминающее рогожу' (Манушина, 278): *Застѣнокъ... по краямъ шито золотомъ в клопецъ*. Забелин, 58.

Г. Дьяченко толкует слово *клопецъ* как 'узор при вышивании в один, два или три стежка, почему и назывался у золотошвеек одиноким, двойным или тройным' (Дьяченко, 253).

Такое же значение приводит СлРЯ XI–XVII: *У той же иконы пелена отпась червчать, на ней вышить крестъ серебромъ в клопецъ*. Вкл. Нижегород., 48 – СлРЯ XI–XVII, VII, 178.

Происхождение слова *клопецъ* неясно. Вероятно, это деминутив существительного *клопъ*, которое этимологически связано с *клепати* ‘бить, колоть’ (Фасмер, II, 254). По мнению А.Н. Свирина, в лексике художественного шитья старорусского языка существовало СН *колоть узоры* в значении ‘наносить иглой рисунок на ткань’: *Неделю и шесть дней колол узоры шапочные и ошивочные и шириночные* (Свирин, 115).

Способ узорного шитья в прикреп, при котором стежки образуют узор в клетку, обозначался СН *вышить в клеточки* (Маслова, 42; Манушина, 278): *покровъ... на нем вышит крестъ золотом и серебромъ в клеточки*. Оп. им. Сп.-Прил. м. 1693 – ВОКМ, ф. 3, оп. 1, д. 5, л. 164 об.

6. Наименования способов шитья, обозначающих процесс вышивания по контуру узора в один, два и больше рядов.

Значение ‘вышивать по контуру в один ряд’ имели следующие СН: *низать (обнизать) въ одну нить, обнизать въ одну ниточку, обнизать въ нить, обшивать въ одну нитку, обнизать въ одну веревочку, обнизать въ одну строчку, низать (обнизать) въ одну прядь, садить въ одну прядь, садить в одноряд, садить в однорядъ: около вершка обнизано въ одну нить зернами жемчужными*. Кн. кр. 1650 – Забелин, 1869, с. 109; *сакъ... а около вънца низано жемчугомъ въ одну нить*. Оп. патр. ризн. казны, 1658 – Викторов, 43; *кругомъ полицы обнизано въ одну ниточку жемчужкомъ*. Оп. патр. ризницы, 1631 – Викторов, 43; *крестъ... обнизанъ жемчугомъ внить*. Черновая оп. им. Вол. с., 1741 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 1378, л. 8; *около шитья обшивано золотомъ въ одну нитку*. Оп. патр. ризницы, 1631 – Викторов, 74; *около венцовъ обнизано въ одну веревочку жемчугомъ*. Заб. Дом. быт, 11, 793. 1623 – СлРЯ XI–XVII, II, 84; *венцы обнизаны жемчугомъ в одну строчку*. Оп. им. Павло-Обнор. м., 1687 – ГАВО, ф. 521, оп. 1, д. 3, л. 54; см. также Оп. Моск. с., 1627 – РИБ, 111, 374; Оп. патр. ризн. казны, 1658 – Викторов, 44; Вкл. кн.

Тр.-Серг. м., с. 27. 1574; Оп. кн. мон. ризницы, 1675 – РГАДА, ф. 1441, оп. 1, д. 538, л. 26 об.; Церкви и ризницы К.-Белоз. м., л. 275. 1668 г.

Все указанные СН, за исключением вариантов *садить в одноряд* и *садить в однорядь*, имеют трехчленную структуру: *глагол + въ + числительное одна в В.п. + сущ. в В.п.* Семантически стержневым компонентом всех СН является числительное. Существительные, входящие в структуру СН, – *нить, нитка, ниточка, веревочка, строчка, прядь* – в качестве общеупотребительных слов, имели отличные друг от друга значения: например, лексема *прядь* означала 'нитку, низку чего-либо' (СлРЯ XI–XVII, XXI, 25), слово *строчка* известно как 'ряд, вышитая строчкой полоска' (Срезн., III, 556) и т.д.

При образовании СН, обладающих терминологическим значением 'вышивать по контуру узора в один ряд', данные лексемы изменяли свое конкретное семантическое наполнение, начинали выражать понятие *ряд*, что свидетельствует о первой степени терминологизации. Таким образом происходила синонимизация перечисленных существительных в составе СН.

СН *садить в одноряд* и *садить в однорядь* характеризуются двучленной структурой: *глагол + наречие*. В данных СН происходит сложение основ ЛЕ *один* и *ряд* и образование наречий по продуктивным в терминосистеме художественного шитья моделям (ср. *шить в ломь, низать въ насыпь* и др.).

Значение 'вышивать по контуру в два ряда' имели следующие СН: *низать (обнизать) в две пряди, обвѣсти в две прядки, садить в две ряд, низать (обнизать) в два ряда, низать в две строки, строчить в две строчки, низать (обнизать) в две нити, низать в две нитки: около креста обнизаны (дробницы) въ две пряди*. Оп. Моск. с., 1627 – РИБ, III, 383; *ризы... около ердани и оплечья обведено кругомъ в двѣ прядки жемчюгом с камешки*. Переп. кн. Сп.-Прил. м., 1684 – ВОКМ, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 99; *ризы... крестъ жемчюгом сажен в две ряд*. Вкл. кн. Тр.-Серг. м., с. 43. 1574; *около креста поля въ два ряда обнизаны жемчугомъ*. Оп. Мих.-Арх. м., 1683 – АЕВ, 1895, № 4, с. 119; *в возглавіі низано жемчюгомъ в двѣ*

строки. Оп. им. Сп.-Прил. м., 1737 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, д. 190, л. 14 об.; ризы... строчено бѣлым шелком в двѣ строчки. Оп. им. Сп.-Прил. м., XVII в. – ВОКМ, ф. 3, оп. 1, д. 5, л. 118 об.; шапка... кругом дробницъ низано жемчюгомъ большимъ в двѣ нити. Оп. кн. Сол. м., 1676 – РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 555, л. 247; патрахиль низана в двѣ нитки по узорамъ двѣсти пять дробницъ. Оп. кн. монастырей, 1701 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 10, л. 52.

Эволюция семантики существительных, входящих в структуру перечисленных СН, – *нить, нитка, строка, строчка, прядь, прядка, ряд* – идентична тем семантическим процессам, которые характерны для СН с общей семантикой 'вышивать по контуру в один ряд'.

Нами отмечено СН *низать двема жемчюги* в значении 'вышивать по контуру узора в два ряда жемчугом': *вошвы низаны двема жемчюги*. Оп. платья царей, 1611 – Забелин, 1869, с. 41.

Лексема *жемчуг* в старорусском языке имела значения: 'жемчуг' – основное, прямое значение (СлРЯ XI–XVII, 5, 86; Срезн., I, 855), то есть 'вещество, образующееся в раковинах некоторых моллюсков': *Украси ю (церковь)... златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ безъценьнымъ*. Ипат. лет., 581 – СлРЯ XI–XVII, V, 86; *жемчугъ в раковинахъ находятъ въ рѣкѣ*. ДАИ III, 367. 1652 – Там же; 'нить из жемчуга': *Ризы камка бѣла... крестъ сажень жемчюгомъ по черечатой же камкѣ*. Оп. Свяж. м., с. 24. 1614; *Въ травахъ... птицы низаны жемчюгомъ*. Кн. кр., 1648 – Забелин, 1869, с. 103.

При образовании СН *низать двема жемчюги*, обладающего терминологическим значением 'вышивать по контуру узора в два ряда жемчугом', слово *жемчуг* обозначает не отдельные жемчужины, а нить из жемчуга.

В исследованных документах отмечают также СН, обозначающие вышивание по контуру узора в несколько (три и более) нитей: *садить в три ряд, шить в три строки, низать въ три пряди, низать въ пять прядей: покров... сажено жемчюгом в три ряд, а около главы в один ряд*. Вкл. кн. Тр.-

Серг. м., с. 31. 1632; кресты низаны жемчугомъ въ три пря-
дц. Оп. Моск. с., 1627 – РИБ, I, 493; пелена... низано жемчу-
гомъ мѣлкимъ в пять прядей. Оп. кн. Холм. с., 1701 – ГААО
СИФ, л.156.

Таким образом, способы художественного шитья в памят-
никах письменности XVI – середины XVIII вв. обозначались
однословными (*лученчить, аскамитить* и др.) и составными
наименованиями (*шить аксамитомъ, шить в ломъ* и др.).
Однословные названия процессов образованы от имен суще-
ствительных суффиксальным способом (*бархатить, шах-
мочить, строчить*), а также префиксально-суффиксальным
(*заотлашивать*). СН образованы по моделям:

глагольная форма + сущ. в В.п. (вышить в клеточки);

глагольная форма + сущ. в Д.п. (шить по картѣ);

глагольная форма + сущ. в Тв.п. (шить аксамитомъ);

глагольная форма + сущ. в П.п. (шить в чеканѣ);

*глагольная форма + сущ. в В.п. + прил. (шить на чекан-
ное дѣло);*

глагольная форма + нар. (шить напроемъ).

В СН, образованных по данным моделям, грамматически
стержневым является глагольная форма, а семантически
главным – имя существительное или наречие. И можно кон-
статировать, что способы вышивания в памятниках письмен-
ности XVI – середины XVIII вв. обозначались исключительно
глагольными формами или глагольными СН, в отличие от
современного русского языка (ср. *гладь, тамбур* и др.).

Анализ наименований различных способов вышивания
показал, что в XVI–XVIII вв. терминологическая система вы-
шивания активно формируется. В указанный период возника-
ет большинство СН, в данной тематической группе наиболее
продуктивный способ номинации – синтаксическая дерива-
ция. Памятники письменности отражают вариативность ком-
понентов СН, несущих основную смысловую нагрузку. Пред-
ставлены словообразовательные варианты: *шить в петлю –
шить в петелки*; морфологические варианты: *шить в петлю –
шить в петли*. Вариативность такого рода характерна для
начального периода становления терминосистемы.

Сокращения

АЕВ – Архангельские епархиальные ведомости

Введенский – Введенский А.А. Торговый дом XVI–XVII вв. – Л., 1924.

Викторов – Викторов А. Обзорение старинных описей патриаршей ризницы. – М., 1875.

Виноградов – Виноградов В.В. Русский язык. – М–Л., 1947.

Вкл. кн. Тр-Серг. м. – Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. – М., 1987.

Власова – Власова О. Строгановское шитье. – Наше наследие. – 1988. – N 3.

ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей

ГАВО – Государственный архив Вологодской области

Гринкова – Гринкова Н.П. Термины вышивания в русских диалектах // Уч. записки Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена. Т. XX. – Л., 1939. – С. 173–192.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1981–1982.

Дьяченко – Дьяченко Г., протоиерей. Полный церковнославянский словарь. – М., 1900.

Забелин – Забелин И. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.: Материалы. – М., 1869.

Манушина – Манушина Т.Н. Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. – М., 1983.

Маслова – Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. – М., 1978.

Маясова – Маясова Н.А. Древнерусская живопись иглой. – М., 1979.

Оп. д. Большес. избы – Опись документов архива бывшей Большесольской посадской избы и ратуши, найденных в посаде Большие Соли Костромского уезда XVI–XVIII ст. // Рабинович М.Г. очерки материальной культуры русского феодального города. – М., 1988.

Оп. Свяж. м. – Опись Свяжского Богородицкого мужского монастыря, 1614 г. – Казань, 1892.

Преображенский – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М., 1959.

Работнова – Работнова И.П. Финно-угорские элементы в орнаменте севернорусских вышивки и тканья // Русское народное искусство Севера. – Л., 1968.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РИБ – Русская историческая библиотека

Савваитов – Савваитов П.С. Описание старинных одежд, оружия и конского убора. – СПб., 1896.

Свирин – Свирин А.Н. Древнерусское шитье. – М., 1963.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв. – М., 1975–2003.

СлДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р.И. Аванесов. – М., 1988–1991.

Слово – Слово о полку Игореве. – М., 1987.

СлЦРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языков, сост. Вторым отделением Имп. Академии наук. – Т. 1–4. – СПб., 1847.

Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. – М., 1989.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина. – Л., 1968–1994.

Стасов – Стасов В.В. Русский народный орнамент. – Вып. 1. – СПб., 1872.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1986–1987.

Черных – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х тт. – М., 1993.

Шабельская – Шабельская Н. Материалы и технические приемы в древнерусском шитье // Вопросы реставрации. Сб. УГРМ, вып. 1. – М., 1926.

ЭСлРЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. В.1–18. – М., 1974–1992.

Якунина – Якунина Л. Русское шитье жемчугом. – М., 1980.

Мать и матица*

Формулируя задачи монографии «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя», О.Н.Трубачев писал: «...в материальном отношении основные славянские названия являются непрерывным продолжением тех индоевропейских, которые порождены древнейшей эпохой. Закономерно поэтому предположить наличие у них соответствующих материальных структурных следов и возможных семантических пережитков. Выявить эти следы помогает этимологическое исследование. В этом нужно усматривать наиболее интересную и значительную задачу истории славянских терминов родства» [1, 14 - 15].

В свете этой задачи в настоящей статье рассматриваются с точки зрения семантической структуры два родственных в недавнем прошлом слова «мать» и «матица».

По данным Этимологического словаря славянских языков, индоевропейское название матери *mātēr с первичным ударением на -ē имеет континуанты во всех ветвях индоевропейских языков и отражено в них шире, чем любой другой термин родства. Как и индоевропейское *patēr 'отец', индоевропейское *mātēr членится на первый (корневой) слог и формант -ter, участвующий в образовании других терминов родства. Оба слова обнаруживают в их корневой части сходство с детскими словами *тата*, *рапа* и короче – с примитивными образованиями детского лепета *та-*, *ра-* [2, 257 - 258].

Слово «матица» является производным с уменьшительным суффиксом -ic-a от усеченной основы *matī родительного падежа *matere* [2, 263].

В современном русском языке слово «мать» имеет четыре значения, единодушно выделяемые всеми толковыми сло-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ №03-04-003 16а.

варями. Первое, основное значение 'женщина по отношению к своим детям' является прямым, свободным (*Сын растерянно гладил руку матери и молчал.* М.Горький). У этого значения отмечаются два оттенка. Первый оттенок 'женщина имеющая или имевшая детей' является прямым, как и само значение (*Тогда еще у ней было одно дитя и только год как она была матерью.* Достоевский). Вторым оттенком 'что-либо близкое, родное' возникает на основе метафоры при употреблении слова «мать» с существительными женского рода (*Уж и есть за что, Русь могучая, Полюбить тебя, Назвать матерью.* Никитин). Этот оттенок появляется и в приложении, обычно со словами «земля», «родина», «Русь», «Россия» и т.п. (*Смело, друзья, не теряйте Бодрость в неравном бою, Родину-мать вы спасаете, Честь и свободу свою. Песня «Смело, друзья, не теряйте»*). При этом в народно-поэтической речи слово используется как постоянный эпитет (*Расступись, расступись, Мать-сыра земля! Прекратись, прекратись Жизнь-тоска моя!* Полежаев).

Все вторичные значения слова «мать» связаны непосредственно с главным и мотивируются им. Второе значение – 'самка по отношению к своим детенышам' (*Пегий жеребенок...бежит на неверных ножках вслед за матерью.* Тургенев). В третьем значении слово «мать» используется в просторечии как обращение к лицу женского пола (*Лизанька встала из-за пяльцев и стала убирать свою работу. – Что ты, мать моя! глуха, что ли! – закричала графиня.* Пушкин). Четвертое значение – 'название монахини или жены духовного отца, обычно присоединяемое к имени или званию' (*Сама мать Пульхерия, московская игуменья, поклоны да подарочки с богомольцами ей посылала.* Мельников-Печерский). Как видно, полисемия слова «мать» имеет радиальный характер.

Так же организована и семантическая структура парного с ним по роду слова «отец». Главное значение – 'мужчина по отношению к своим детям' (*Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом.* Грибоедов). Среди вторичных значений отмечаются семемы, сопоставимые с лексико-семантическими вариантами слова «мать». В словаре

С.И.Ожегова и БАС выделяется значение 'самец по отношению к своему потомству' (*Отец бычка, племенной производитель Молодец, имел тысячу пятьсот кило весу и на сельскохозяйственной выставке в Москве взял серебряную медаль.* Авдеев); в МАС это значение отсутствует. Все словари отмечают просторечное употребление слова «отец» в качестве обращения к мужчине, обычно пожилому (*[Графиня-бабушка:] Что? а? глух, мой отец; достаньте свой рожок.* Грибоедов). Так же единообразно представлено и использование слова как названия лиц духовного сана или обращения к ним (*Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца с крестом в руках.* Пушкин). По-разному определяется фрагмент семантики 'лицо, которое отечески заботится о других; покровитель, благодетель'. В БАС этот фрагмент представлен как вторичное значение, в МАС – как оттенок первичного с пометой «устаревшее» (*Полковник наш рожден был хватом: слуга царю, отец солдатам.* Лермонтов). И наоборот, в МАС значение, возникающее только в форме множественного числа 'наиболее почетные и уважаемые лица, стоящие во главе чего-либо' дается как самостоятельное вторичное с пометой «устаревшее», а в БАС оценивается как оттенок вторичного значения 'покровитель, благодетель' (*Где, укажите нам, отечества отцы, Которых мы должны принять за образцы?* Грибоедов).

В целом семантическая структура слова «отец» в современном русском языке оказывается сложнее в сравнении со словом «мать». Кроме рассмотренных вторичных значений, все словари отмечают семему 'родоначальник, основоположник чего-либо', возникшую посредством метафорического переноса (*Гоголя должно считать отцом русской прозаической литературы.* Чернышевский). БАС фиксирует оттенок этого значения 'источник, начало чего-либо' (*Узнал он только, что латинский язык есть отец итальянского.* Гоголь). Идея основоположения в семантике слова «мать» отсутствует. Между тем в древнерусском языке эта сема отчетливо выражалась в нем. Словарь русского языка XI – XVII вв. отмечает в слове «мать» («мати», «матерь») два переносных

оттенка основного значения: 'основа, начало; источник' (*Матери благынямъ си суть: (ч)истота и милостыни*. Изборник Святослава 1076г., 302) и 'причина' (*Мати зльмъ лѣность*. Изборник Святослава 1076 г., 289) [3, 47]. Эти оттенки значения слова «мать» лежат в основе русских народных пословиц (*Повторение – мать ученья. Лень – мать всех пороков*).

Более последовательное семантическое развитие идея основоположения получила в производном слове «матица», более сложном в смысловом отношении. Деминутив «матица» наряду с основным значением «мать» имел также вторичное значение 'начало, основа, источник чего-либо' (*Еста бо двѣ матици (вс)якимъ зломъ въ вѣцѣ семь, еже еста отъ неприязни: пьянство и неправедное...сѣбране*. Навстр. духовн. РИБ VI, 837. XVв.) [3, 44 -45]. На базе этих значений возникают другие вторичные семемы.

От основного значения «мать» образовались два вторичных 'маточное растение' (*Насадити лоз или матицѣ виноградныхъ*. Назиратель, 168. XVI в.) и 'матка (женский половой орган)' (*Жена когда молоко кобыл пьетъ, окормъ и болезнь в матице усмиряетъ*. Леч. II, гл. 66. XVIII в.).

От вторичного значения 'Начало, основа, источник чего-либо' образовались восемь вторичных семем. Это 'Осевая, опорная или скрепляющая часть чего-либо' (*Большое паникадило мѣдное матицу и перья и столбцы сливалъ мѣдью*. Заб. Мат. I, 18. 1628 г.) // 'Балка, поддерживающая потолок (в деревянных постройках)' (*А взяты тѣ бревна въ свѣтлицы въ стѣны и на матицы и въ чердакъ на связи*. Заб. Дом. быт, I, 585. 1625 г.). 'Киль судна, нижний брус, на котором укреплен его остов' (*Мѣрю тѣ дощаники въ длину отъ лапы до лапы по денной матицѣ по десяти сажень печатныхъ*. АЮБ II, 797. 1677 г.). // 'Бревно, скрепляющее плот, связку бревен на сплаве' (*А по се число головная запруда тѣхъ дровъ в Семенови у сискои хвостовой кокши да на матицу збиты*. Арх. Мих.-Арх. м; № 64. Чел. 1608 г.). 'Подлинник грамоты, делового документа' (*А матица грамоты въ Шенкурѣ...у Петра Михайлова сына Рипницина. Съемъ з грамоты слово в слово*. Арх. Стр. II, 79. 1606 г.). 'Вид плотной рогожи' (*Куплено*

двѣсти семьдесят две рогожи матиць. Кн.рыбн. продажи иерод. Дамаскина. Арх. Он. 1667 г.). 'Часть невода в виде мешка, в который набирается пойманная рыба' (*Мъроу неводъ дѣлалъ длиною сорока сажень, а матица пяти сажень.* АИ V, 332. 1689 г.). 'Магнит' (*Яко же матица не все к себѣ влечетъ, нѣ едино желѣзо.* Ев. толк. 1434 г.). 'Порода, содержащая руду какого-либо металла' (*Иныхъ никакихъ вновь заводовъ заводить не велѣно, пока сыщется подлинная руда и мѣдная матица.* ААЭ III, 470. 1643 г.). 'Центральная часть войска' (*Казанский царь...со избранными боицы казанскими...при берегу реки стоя самъ сопротиву ертоула и предняго полка и всея болия матицы.* Каз. лет., 116. XVII в.) [3, 44 - 45].

Таким образом, семантика слова «матица» в древнерусском и старорусском языке строилась по радиально-цепочечному принципу со значительным перевесом второй радиальной части, в которой слово «матица» выступает в различных терминологических значениях. Перечень этих значений и их оттенков, по-видимому, может быть продолжен. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. отмечает, кроме перечисленных семем, значение 'главная часть рассолоподъемной трубы – первая труба, вставленная в буровую скважину' (*А лесница делать столь долга, сколь высоко станет матица.* Росп. труб. д. 194) [4, 204]. Г.В.Судаков при описании названий рогожных изделий в русском языке преднационального периода фиксирует употребление слова «матица» не только в значении 'вид плотной рогожи', но и 'куль из матичной рогожи' (*купил рогож матиць соляныхъ...* Волог. у., 1653г., Кн. пр.-расх. С.-Пр. м. – ГАВО, ф.512, №55, л. 3) [5, 28]. Эти значения еще более усиливают перевес группы терминологических смыслов слова «матица».

Под воздействием такого семантического крена слово «матица», по-видимому, утратило свое первичное значение 'мать', в результате чего были нарушены и словообразовательные связи с производящим.

В современном русском языке слово «матица» известно в двух значениях: 'основная балка, поддерживающая потолоч-

ный настил (в деревянных постройках)' (*Сруб дома был выложен под крышу, а четверо плотников готовились укладывать потолочные перекрытия матицы*. Наседкин) и 'конусообразная часть невода' (*Самая важная часть в неводе – «матица», куда собирается пойманная рыба*. Пришвин).

В народных говорах семантика слова «матица» представлена более полно. СРНГ фиксирует все терминологические значения слова и, кроме того, приводит новые: 'слега, балка' Беломор., 1858 Пск., Ряз.; 'наружная часть рыболовного снаряда киньги' Солвыч. Волог., 1897; 'бревенчатый настил для спуска бревен в реку' Чердын., Соликам. Перм. 1930; 'дорога в лесу, по которой вывозят лес из мест порубок' Перм., 1857; 'большая прорубь для ловли рыбы зимой' Олон. 1856, Медвежьегор. КАССР. Петрогр., Прикам.; 'основание грабель, планка, в которой укреплены зубья' Кадн. Волог., Тотем., Сольвыч. Волог.; 'ручка цепа' Петрозав. Олон., 1898. Медвежьегор. КАССР, Волог.; *Фольк.* 'главная, основная часть чего-либо' Арх., Беломор., Былины Севера, Олон. Урал. [6, 30]. Словарь вологодских говоров также отмечает новое значение слова «матица» 'подземная часть стебля растений' Тарн. Заречье [7, 75].

Однако перечисленные значения являются терминологическими, среди них отсутствует как первичное значение 'мать', так и производные от него. Без обращения к истории слова «матица» было бы трудно проследить его семантическое развитие. В процессе этого развития слово «матица» фактически вобрало в себя значение 'начало, основа, источник чего-либо', некогда входившее в семантическую структуру слова «мать», что внесло существенные различия в значения парных терминов родства «мать» и «отец».

Возникшие таким образом смысловые различия между этими словами представляются вполне объяснимыми с позиции концепции о первичности матриархата у индоевропейцев, которую на множестве языковых фактов обосновывает в своем исследовании О.Н. Трубачев. Данная концепция во многом объясняет и распад исторического словообразовательного гнезда слова «мать». Элементы, входившие в него, действи-

тельно содержат структурные следы и семантические пережитки былого родства.

Литература

1. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 211 с.

2. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 17 (*ĭžь - *matješъpъ).* – М.: Наука, 1990. – 272 с.

3. *Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 9 (М).* – М.: Наука, 1982. – 360 с.

4. *Словарь промысловой лексики Северной Руси XV – XVII вв. Вып. 2. К-О /в печати/*

5. *Судаков Г.В.* Из истории бытового словаря. Названия мешков и сумок в русском языке преднационального периода //Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии: Межвузовский сборник научных трудов. – Вологда, 1987. – С. 20 – 28

6. *Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Масленичек – Мутарсливый.* – Л.: Наука, 1982. – 367 с.

7. *Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. IV.* - Вологда, 1989, 92 с.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОНОМАСТИКИ АНТРОПОНИМИКА

С.Н. Смольников (Вологда)

Антропонимия памятников деловой письменности Северной Руси XVI–XVII вв.: субъектные точки зрения

Антропонимия очень тесно связана с ментальностью той или иной исторической эпохи, ее формирование и функционирование во многом определяется субъективными факторами, проявляющимися в имянаренении и имятворчестве. Личное имя, возникшее в далеком прошлом, существует в пересечении различных точек зрения: отражает представления об антропониме, принадлежащие человеку, создавшему имя собственное, лицу, употребившему это имя в своей речи, тексте, а также особенности восприятия антропонимии современным человеком, обращающимся к памятникам письменности.

Антропоним не только выражает точку зрения номинатора на именуемое лицо, но и сам является объектом оценки (социокультурной, этнической, конфессиональной, эстетической и др.) со стороны носителей языка.

Идеологическая точка зрения составителя документа могла отражаться в том, что записываемые им антропонимы в разной степени соответствовали представлениям писца об имени в целом и документальном именовании в частности.

Модальная оценка *обязательности* / *необязательности* (облигаторности / необлигаторности) компонентов именования в первую очередь выражалась путем включения в него слов *имя*, *прозвище*, *прозвание* и др. Вопрос о терминологическом характере последних – один из наиболее спорных в исторической антропонимике. История вопроса и рассмотрение различных точек зрения на проблему достаточно подробно представлены И.А. Королевой [1].

Нормы официального именования XVII в. требовали называть человека «по имени и по отцу», а иногда по имени, по отцу и «с прозвищи». С этих позиций как прозвища оценивались вторые (некалендарные) личные имена («Пронка, а прозвище *Шестачко* Ермолин, волнотеп» – Кн. писц. УВ 1623-26: 206); вторые календарные (некрестильные) личные имена («Сергушка а прозвище *Дорофѣико* да Бориско Павловы дѣти Слоива» – Кн. писц. Уст. у. 1623-1626: л.467об; «Ивашко *Панта*» – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 15 об. – *Панта* от *Пантелеймон*), условно данные младенцу до крещения; экспрессивно-оценочные имена, присваиваемые человеку по особенностям его внешности, характера, поведения, образа жизни и т. д., фамилии, а иногда и отчества. В именованиях одного и того же лица одно и то же некалендарное имя могло занимать любую позицию: «Щипецъ Фомин» – «Ивашко Фомин Щипецъ» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л.633об.–634). Ср.: «*Гордѣико* а прозвище *Согра* Григорьев» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 605об.), «на *Гордѣя* Григорьева сына прозвищем на *Согру*» (АХУ III: 163), «на *Согру* Григорьева» (АХУ III: 202). Поэтому ученые XIX–начала XX вв., которые шли в описании ономастикона «от текста», не смогли предложить последовательной классификации некалендарных имен и прозвищ.

Исследователи, пытавшиеся разграничить старорусские некрестильные имена и прозвища по их структурным особенностям, позиции в именовании, по признаку лица, лежащему в основе антропонима, сфере функционирования (внутрисемейные – уличные), не смогли с достаточной четкостью провести границу, разделяющую личные имена и прозвища. Это объясняется, с одной стороны, недостаточной информативностью памятников деловой письменности, непоследовательностью официального именования и *синкретизмом функций* личных имен и прозвищ в старорусском документе – с другой.

Применительно к историческому материалу нет достаточных формальных оснований для противопоставления внутрисемейных и прозвищных антропонимов, имеющих абсолютную референцию, в качестве разных антропонимических ка-

тегорий. Это разновидности личных имен, различия которых связаны с внеязыковыми особенностями номинации (по А.Н. Мирославской – «первичность / вторичность») и употреблением в речи. Ср. «*Бык Михалев*» (Сотн. Белоз. у. 1544: 190), «*Ваня Бык*» (Сотн. Белоз. у. 1544: 198), «*Бычко Анюшин*» (Сотн. Белоз. у. 1544: 191).

Ретроспективная точка зрения современного исследователя на старорусские некалендарные антропонимы нередко способствует тому, что ономаст проецирует на исторический материал языковые категории своего времени. При таком подходе принципиально значимым оказывается разделение личных имен и прозвищ как различных языковых явлений. В.К. Чичагов, обратившийся к проблеме разграничения имен и прозвищ, решил ее достаточно прямолинейно: «все русские имена (за исключением, разумеется, тех, которые попали в святцы) имели в XVI–XVII вв. значение прозвищ, а все греческие имена, за исключением тех случаев, когда они шли после греческих же имён, имели значение личных имён» [2, 25–26], т.е. в такой трактовке оппозиция личных имен и прозвищ соответствует противопоставлению календарных и некалендарных имен.

При разграничении некалендарных имен и прозвищ предлагалось учитывать различные признаки. Наиболее значимым из них считалась позиция антропонима в именовании, наличие при нем слова *прозвище*, оцениваемого в качестве классификатора онима. Как справедливо отмечает И.А. Королева, «считать все нехристианские антропонимы с этим словом прозвищами в современном понимании термина, а без него стоящие на первых структурных позициях – личными именами, естественно, нельзя, хотя по такому пути идут многие исследователи» [1, 33].

В ряде случаев употребление терминов *личное имя* и *прозвище* в работах по исторической антропонимике носит условный характер, определяется не спецификой языковых фактов, а поиском удобного для исследователя способа описания материала. С.И. Зинин, одним из первых обративший

внимание на непоследовательность употребления термина «прозвище» в работах по исторической ономастике, писал: «*Чтобы избежать путаницы, <...> за термином "прозвище" закрепляется только одно значение: русское мирское личное имя. При характеристике семейных именований этот термин всегда будет заменяться термином "прозвание" или "фамильное прозвание"*» [3, 38].

Разграничивая личные имена и прозвища, ученые-ономасты чаще всего говорят о двух группах антропонимов в старорусском языке. Первая группа – имена, данные новорожденному («первичные» имена). Они отражают признаки младенца (*Верещага, Пинай, Грязнушка* и др.), время и порядок его появления на свет (*Первой, Второй, Вешняк, Подосен, Постник, Суббота*), а также отношение родителей к дитяти (*Бажен, Нечай, Любим*). Среди таких имен достаточно частотны охранительные (апотропеические) имена, призванные защитить младенца от сглаза, порчи (*Невзор, Некрас, Неупокой, Несветай* и др.), имена иноязычного происхождения (*Мансур, Шалам, Мурат* и др.). Вторая группа – имена, полученные человеком в течение жизни дополнительно к личному имени по особенностям внешности, поведения, речи, отношению к труду и другим людям, различным социальным признакам. Именно к данной группе чаще всего применяется современный термин «прозвища».

И.А. Королева, рассматривая употребление слова *прозвище* применительно к разным компонентам старорусского именования, на основе этого делает вывод о его терминологической многозначности, при этом свойства слова *прозвище* и свойства характеризующих им антропонимов исследователем разграничиваются непоследовательно, что заставляет усомниться в многозначности самого слова «прозвище»: «Слово *прозвище* в XVI–XVII вв. было многозначным: 1. Оно могло уже иметь определенную экспрессию и являться добавочным выделительным индивидуальным знаком <...>. 2. Прозвище могло еще и не содержать в своем значении указания на экспрессию и добавочный индивидуально-выделительный характер антропонима, и в таком случае оно

выступало в роли обычного личного бытового имени <...> 3. Прозвище могло обозначать именование в целом <...> 4. Слово прозвище могло использоваться с самым старым значением «название», отмеченным еще в XII в.: ...деревня прозвище Берестяк. 5. И, наконец, слово *прозвище* уже могло выступать в роли семейных именовании, то есть фамилий: ...и салдаты отпускныхъ и бѣглыхъ старыхъ и даточныхъ... велель переписать имяны съ отцы и съ прозвищи и пр.» [1, 33].

На наш взгляд, слово *прозвище*, включаемое в именование лица, в официально-деловой письменности XVII в. давало антропониму модальную оценку облигаторности, различало «настоящее», обязательное, требуемое официальными нормами, и ненастоящее, необязательное имя. Оно не имело строгого терминологического значения, свойственного ему в современном русском языке. При помощи слова *прозвище* в XVII в. выражалась модальная оценка именовании или одного из его компонентов: «на подворника на Нечаева на Ивашка *прозвищемъ* на Волка» (Челоб. УВ 1632; АХУ III: 121); «Меркушка а *прозвище* Перша Федоров» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 460 об.); «Сидорко Борисовъ сынъ, *прозвищемъ* Пьянко, Полотовскихъ» (Челоб. УВ 1636; АХУ III: 177), «Поспѣлко *прозвищу* Шмар Иванов Пошиваев дѣти ево Данилко да Серешка да Степанко» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 166), «Тимошка Большой да Тимошка Меньшой, а *прозвище* Казак, Дмитриевы дети, кузнецы» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 193); «Агафонко Семенов *прозвище* Первушка» (Кн. пер. Устьян. 1634–1636: л.29-29об.); «Иванко Мартемьяновъ сынъ по *прозвищу* Гладышъ» (Челоб. УВ 1627; АХУ III: 43); «Ивашко Ивановъ сынъ Стрѣленские волости крестьянинъ, по *прозвищу* Рожинъ» (Челоб. Уст. у. 1636; АХУ III: 183) и др.

Выражение модальной оценки антропонима связано с наличием определенных отношений между именами одного лица в пределах именовании. Модальную оценку предполагала и идентификация разных именовании одного и того же лица в официальном документе, то есть модальная оценка имени собственного имеет относительный характер. Для ее

наличия обязательно, чтобы в именовании лица присутствовало, как минимум, два антропонима, оцениваемых как правильный, соответствующий норме документального именования, обязательный, а другой – как неправильное, ненастоящее документальное имя. Слово *прозвище* тем самым выражало отношения антропонимов в пределах именования лица, давало модальную оценку одному из них по отношению к другому.

Вместе с тем слово *прозвище* маркировало антропоним по сфере функционирования, знаменовало его отнесенность к разговорно-бытовой речи противопоставляло имя, которым называют («прозывают») человека в быту, тому антропониму, который следует употреблять в документе.

При изучении случаев одновременного именования сразу несколькими личными именами в ономастике принято разграничивать основные и дополнительные имена. За вторыми, как правило, закрепляется уточняющая, характеризующая функция [4, 71]. Модальная оценка обязательности (необходимости) антропонима современным исследователем не всегда соответствует распределению функций между антропонимами в реальном именовании лица в старорусском документе. «Добавочные» имена не просто помогали календарному имени идентифицировать лицо, а нередко являлись главным средством создания уникальной референции.

Дополнительность компонента именования может трактоваться как его добавочный характер с точки зрения деривации составного именования. В процессе создания развернутой антропонимической номинации в документе на базе употребительного в ограниченной сфере устойчивого антропонима «распространителями» мотивирующего «базиса» могут выступать и компоненты, стержневые для сочетания антропонимов. Например, отмечены случаи, когда к идентифицирующему некалендарному имени в официальном именовании добавлялось требуемое писцовым стандартом календарное (крестильное) имя, занимающее в именовании центральное положение, но менее значимое для уникальной референции именования. В силу этого крестильное имя не являлось ус-

тойчивым компонентом именования: «Се яз *Онцифор Кулик* Леонтьев сын, Варзужанин, занял есми... чим яз *Кулик* сам владел... и мне *Анцифору Кулику* отцыщати; и снимки яз *Кулик* тому угодью» (Закладн. Варз. 1547; МИКП: 28); «в. *Васюк Шкул* соловар <...> и против двора *Шкулева* берег да полянка (Сотн. Золот. 1561: 476); «в. бобыл *Ивашко* Исаков снъ *Мохнатка* да снъ ево *Мохнаткин* Демешка четырех годов» (Кн. пер. Карг. 1648: л. 5 об.).

Разграничение основных и дополнительных антропонимических элементов именования было предложено С.И. Зининым: «Нерегулярно повторяющиеся элементы именований можно назвать вспомогательными антропонимическими элементами» [3, 60]. Данное явление в антропонимии XVI–XVII вв. И.М. Ганжина предложила называть термином “мерцание” [5, 2]. Неустойчивость календарного имени в ряде именований позволяет оценивать его как вспомогательное средство идентификации лица.

«Мерцание» календарного антропонима наблюдается и в случаях, когда оно употреблено в паре с некалендарным именем, сопровождаемым словом *прозвище*. После установления идентификации официального и неофициального актуальных антропонимов при повторном именовании лица при помощи одного из сопоставляемых имен модальная и коммуникативно-функциональная оппозиция разных средств именования часто снималась: «Маркелко Еремеев прозвище *Невежка* ...двор *Невежки* Еремеева» (Кн. пер. Устьян. 1634–1636: л. 11 об.); «в. *Ивашка* да *Пронка* прозвище *Семко* Борисовы дѣти *Шашенины* а *Семко* гребенщикъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 30 об.); «в. *Маркушко* прозвище *Первушка* да *Васка* да *Логинко* да *Якушко* Григорывы дѣти *Ершова* у *Первушки* сынъ *Микитка*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 31); «в. *Вованка* прозвище *Тренка* да *Федка* Нестеровы у *Тренки* снъ *Омелка*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 36).

По логике С.И. Зинина, дополнительным компонентом идентификации лица следует считать и патроним, образованный от календарного имени. В XVI–XVII вв. руководства по составлению писцовых документов требова-

ли от составителей именованного человека «по отцу», поэтому нередко такие номинации создавались при написании текста и носили искусственный характер. Сопоставление именованных одного и того же лица показывает неустойчивость данного компонента даже в пределах одной статьи документа: «Дер. Кошеивская гора: в. Ондрушка *Васильев сын Рыкало* <...> За Ондреем за Рыкалом за одним половина деревни» (Сотн. А.-Сийск. м. 1578: 216); «Починок, что была пустошь Куклино, а в нем: <в.> Савко *Иванов сын Онтропова*... дан тот починок Савке *Иванову* испуста в жило на льготу на 10 лет... И Савка Онтропов двор поставил со всем, а пашни всей в трех полях против льготной не роспахал. И Савка Онтропов дан на поруку з записью... и Савке Онтропову с тово починка платить по 15 алтын на год» (Сотн. Тот. 1631: 123). Ср.: «в. *Ивашко Павлов Потапов*, рыбный прасол... лав. *Ивашка Потапова*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 193, 217); «на крестьянь Сухонского Черного стану на Прокопья *Титова* да на Кондратья *Петрова* да на Григорья *Тимофиева Горшковых*... тотъ Прокопей да Кондратей да Григорей *Горшковы*» (Челоб. Уст. у. 1627; АХУ III: 34-35). В условиях приоритета двухкомпонентной формулы «личное имя + патроним» в севернорусских писцовых книгах «мерцают» и фамилии: «в. Осипко *Сафонов*, кузнец... куз. Осипка *Сафонова Репинского*»; «в. Федка *Демидов*, торгует житом... лав. Фетки *Демидова Сцепизубова*»; «в. Васька *Васильев Жуков*, хлебник... м. онбарное посацкого человека Васки *Васильева*, хлебника» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 195, 223, 208, 215, 194, 220) и др. Мерцание патронимов и фамилий имело разные причины. Патроним мерцал потому, что являлся принадлежностью официального (приказного) языка, вносился в именование писцом, создававшим стандартную номинацию, но для социальной идентификации индивида в повседневной речи был менее значим. Фамилия, значимая для идентификации лица в контексте бытовой речи, мерцала потому, что ее включение в именование не предусматривалось писцовым стандартом.

По наблюдению И.А. Королевой, активность слова *прозвище* в русской деловой письменности заметно увеличивается в XVI–XVII в. Но это не значит, что именно в это время

активизируется модальная оценка антропонимов в именовании. Модальная оценка компонента именовании могла выражаться и другим способом – употреблением его в постпозиции. Располагая дополнительные средства идентификации в постпозиции по отношению к компонентам, обязательным для официальной речи XVII в., писец определял их как второстепенные, тем самым подчеркивая их меньшую необходимость для именовании.

Из нескольких сотен именовании во вкладной книге Великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря 1587-1617 гг. только три включают слово *прозвище*: «дал к старому вкладу Андрей Алексеев сын *прозвище Подосен*» (Шляпин 1: 164), «старец Питирим *прозвище Попирало*» (Шляпин 1: 165), «Фома *по прозвищу Иван* Дмитриев сын Ярославец» (Шляпин 1: 159), в остальных случаях, второе личное имя такой оценке не подвергается, например, «дал вкладу с посаду Ефим Солодовник 3 рубли денег» (Шляпин 1: 152), «Прокопей Некрас Григорьев сын Белоусов с Еренского» (Шляпин 1: 154), «Трифан *Нечай* Андреев сын Малахов с Уфтыги» (Шляпин 1: 157).

Для монастырской письменности оказывается значимым противопоставление календарных имен, данных при крещении, и календарных имен, данных в качестве прозвищ: «Фома *по прозвищу Иван* Дмитриев сын Ярославец». Не оцениваются при помощи слова *прозвище* вторые календарные имена, по звучанию напоминающие некалендарные: «Козьма Тихон Онофреев сын Пустозер», а также модификаты, образованные от них: «Федул Пороша Дмитриев сын Нерадовской» (Шляпин 1: 161), «Василей Фомин сын Сютка из Лузския Пермьцы» (Шляпин 1: 161). Для писцовых книг данное противопоставление менее значимо и часто проводится непоследовательно. Ср.: «Трет д. Старикова Болшова... в. Федка Микитин Слоива в. Сергушка а *прозвище Дорофъико* да Бориско Павловы дѣти Слоива»; «тоѡ же волости деревни Старикова Болшово крестьянинѡ Федка Слоивѡ»; «Дорофъико Павлов Слоивѡ» (Кн. писц. Уст. у. 1623: лл. 467об., 468об., 481об.).

Субъектная модальная оценка календарных и некалендарных антропонимов как компонентов официального именования достаточно четко прослеживается на материале сотных, писцовых и переписных книг. Это проявляется как в выборе личных имен, так и в способах включения их в именование.

В связи с особой модальной функцией слова *прозвище* в именовании лица обращает на себя внимание анализ антропонимии сотных и писцовых книг XVI в. по разным уездам Русского Севера

В сотной с писцовых книг Ф. Ф. Хидырщикова и Г. Л. Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде 1544 г. именования, включавшие некалендарное имя, составили около 18% от общего количества мужских именований. В большинстве случаев данные антропонимы употребляются на первом месте в антропосочетании, подобно календарным именам: «Неклюдко Селин» (Сотн. Белоз. у. 1544: 184); «Овсяник Олешков» (Сотн. Белоз. у. 1544: 184); «Ворыпайко Фомин» (Сотн. Белоз. у. 1544: 185) и др. Менее 2 % именований состоят из двух личных антропонимов: «Иванко Горбатой» (Сотн. Белоз. у. 1544: 185), «Федко Безна» (Сотн. Белоз. у. 1544: 186), «Ортемко Курмыш» (Сотн. Белоз. у. 1544: 186) и др. Именования, включающие помимо двух личных имен патроним, либо состоящие из двух некалендарных имен или одного некалендарного имени, единичны: «Еремка Кузнец Неволин» (Сотн. Белоз. у. 1544: 185), «Ермачко Царь Федотов» (Сотн. Белоз. у. 1544: 192), «Истомка Овад» (Сотн. Белоз. у. 1544: 195), «Шевыря» (Сотн. Белоз. у. 1544: 202). Вероятно, многие случаи одновременного именования сразу двумя личными антропонимами отражают устойчивые в быту антропосочетания.

Именования лиц с некалендарным именем на первой позиции в антропонимической формуле в данном источнике составляли 16,4 % от общего количества именований. Среди них отмечены антропонимы, обладавшие различной степенью частотности: *Базык, Бурко, Бык, Бычко, Вешняк, Вор, Ворон, Воршня, Ворыпайко, Вояско, Горяинко, Губа, Деньга,*

Друня, Дурак, Жданко, Жук (2), Злобка (5), Зуй, Зык, Истомка (21), Калемей, Кляпик, Коротыга, Кусок, Куча, Лабуня, Линька, Лихач (5), Лихачко, Ломака, Малец (4), Малыга (3), Малышка (7), Малюта, Малютка, Мижуй, Мижуйко, Мороз, Мудыга, Муравей, Невзорко (3), Неклюдо (5), Некрас, Некраско (15), Нечаико (11), Овсяник, Ожег, Опал, Первунька, Первуня, Перестона, Пожилой, Поздейко, Полетайко, Поминко, Поспелко, Прибыт, Пятко, Ребро, Розвол, Рупос (2), Рыжик, Рябинка, Селянинко, Семанко, Суета, Скрып, Сноп, Соболь, Соловей, Старко, Сурай, Суровец, Суса, Торопко (2), Третьячко (2), Угримко, Чюлок, Шадра, Шапуга, Шарап, Шемяка, Широкой, Шишка. Обращает на себя внимание тот факт, что составители книги наиболее последовательно к личным именам относили внутрисемейные антропонимы, связанные с периодом младенчества (*Истома, Некрас, Нечай, Неклюд* и др.), имена отражающие порядок рождения (*Первый, Второй, Третьяк* и др.), лидирующие в некалендарном именнике XVII века, в XVI столетии проникали в официальное именование менее активно.

Именования, в которых некалендарное имя фиксировалось после календарного, в Сотной Белозерского уезда 1544 г. составили 1,8 %: *Безна, Бык, Волк, Голобок, Горбатой, Кожевник, Кривой, Курмыш, Мышка, Постник, Пряжа, Скипа, Столб, Усач, Черный, Чир, Широкой* (2). Сопоставление разных групп некалендарных имен в составе именовании свидетельствует о том, что для писца не существовало строгой дифференциации «имен» и «прозвищ» (на второй позиции нередко фиксировались те же антропонимы, что и на первой).

В переписной дозорной книге Вологодского уезда 1589–1590 гг. календарные и некалендарные имена не противопоставлялись писцом, оценивались с равных позиций. Рассмотрение календарных и некалендарных имен в номинациях владельцев жилых дворов, а также бывших владельцев пустых дворов и дворовых мест не дает характерных для подобного рода источников расхождений (всего в тексте отмечено 1131 именование; соотношение календарных (552) и некалендарных (221) имен в именовании владельцев жилых

дворов приблизительно равнялось 2; в именовании бывших владельцев пустых дворов и дворовых мест календарные имена употреблялись чаще в 3 раза – 267 к 89), что свидетельствует о том, что использование некалендарных имен носило произвольный характер, не зависело от формуляра документа. Слово *прозвище* для выражения оценки антропонимов в данном источнике не отмечено. Противопоставление собственно имен и имен-прозвищ для данного документа не было актуальным. Именования, включающие одно календарное личное имя, составили 72 %, именования, использующие некалендарный антропоним на первой позиции в антропонимической формуле, – 27,5 %, именования, включающие календарное и некалендарное имя, – 0,5 %.

Среди антропонимов, занимающих первую позицию в именовании, в дозорной книге Вологодского уезда последовательно фиксируются личные имена, утратившие способность к характеристике, но в момент имянаречения отражавшие отношение родителей к младенцу: *Баженко, Томилко, Жданко* и др. (54 именовании), среди них наибольшей частотностью обладали имена *Нечайко* (21 употребление) и *Истомка* (18 употреблений), особенности поведения младенца: *Безсонко, Розбуда, Рюмка, Пинайко, Кричко, Рычко, Брячко, Молчанко, Полежайко, Шумко, Неупокойко, Суровой* и др. (47 именовании), порядок рождения: *Первушка, Пятунка, Семак, Шестачко* и др. (35 именовании, из которых 18 включают имя *Третьяк* и его производные), время рождения: *Суботка* (5), *Вешнячко* (3), *Поздеико* (3), *Познячко* (3), *Посник, Налетко* и др., внешние признаки: *Беяико, Глазун, Лобанко, Ушачко* и др. (9 именовании), 10 именовании включают в свой состав имя *Русинко*. Апотропеические нехарактеризующие имена типа *Невежка, Негодяйко, Неверко, Ненашко, Дружинка, Гостюнка, Худячко, Злобка, Дурачко* и др. вошли в состав 22 именовании. Состав вологодских некалендарных антропонимов достаточно полно отражает общеизвестный и повсеместно употребительный потенциальный именник. Характерной чертой именовании жителей Вологодского уезда в дозорной книге 1590 г. является наличие апотропеических имен тюрк-

ского происхождения (*Сабурко, Салтанко, Мансурко* и др.) и отэтнотонимических имен (*Фрязинко, Китаико*). Наряду с традиционными некалендарными личными именами, именованья крестьян в документе фиксируют и антропонимы другого типа: *Брага, Борзои, Губа, Залешенин, Заноза, Кисел, Которма, Козел, Кулик, Ломака, Шадра, Шишига* и др (19 именованний). Самое частотное некалендарное имя в указанном источнике – *Меншик / Меншичко* (24 употребления), входящее в группу имен, характеризующих лицо по положению в семье (*Малютка, Малко, Малыга*).

В числе редких именованний, включающих два личных имени, можно отметить такие случаи: «*Васка Лепня Семенов*» (Кн. доз. Волог. у. 1590: 74), «дв. пуст *Конши Волка*» (Кн. доз. Волог. у. 1590: 130), «дв. пуст *Иванка Латыша*» (Кн. доз. Волог. у. 1590: 43), «дв. пуст *Митрошки Мохнатово*» (Кн. доз. Волог. у. 1590: 120) и др. Скорее всего, данные именованья используют бытовые устойчивые антропосочетания двух имен.

Существенные отличия наблюдаются в каргопольских писцовых книгах. В сотной Турчасовского стана Каргопольского уезда 1556 г. письма Якова Ивановича Сабурова и Ивана Андреевича Кутузова приводятся именованья 1268 крестьян, из них некалендарными именами названо 110, что составляет 8,7 %. Процент некалендарных имен в данном источнике вдвое меньше соответствующего показателя по Белозерскому уезду в 1544 г. и в три раза меньше, чем в описании Вологодского уезда, которое проводилось почти полвека спустя. Очевидно, что отбор некалендарных антропонимов в каргопольских писцовых книгах производился составителями этих документов более строго.

Составители поземельного описания Турчасовского стана Каргопольского уезда 1556 г. к личным именам некалендарного происхождения относили в первую очередь имена, связанные с младенчеством и выполнявшие в именовании ребенка апотропеическую функцию (самыми активными в официальном именовании в данном источнике являются имена *Нечай / Нечайко, Некраско*), и имена, характеризовавшие

отношение родителей к младенцу (*Истомка, Жданко*). При этом в данном источнике практически полностью отсутствуют имена, связанные с порядком рождения (*Первый, Второй, Третий* и др.), между тем как по общим статистическим данным, они входили в десятку самых популярных общерусских некалендарных антропонимов. Аналогичная картина возникает при рассмотрении антропонимии Каргопольского уезда по материалам Сотной книги Каргопольского уезда 1561–1562 гг. письма Никиты Григорьевича Яхонтова. Именования «*Третьячко Жуков кожевник*» (Сотн. Карг. 1561–1564: 293) и «*Пятой Иванов сын Брянцов*» (Сотн. Карг. у. 1561–1562: 311), отмеченные в сотных с писцовых книг Никиты Григорьевича Яхонтова по посаду Каргополю и Каргопольскому уезду, выглядят на общем фоне писцового описания 1561–1562 гг. единичными исключениями. Сопоставление данных по Турчасовскому стану 1556 и 1561 гг., содержащих именования одних и тех же лиц, не дает существенных расхождений в использовании некалендарных имен. Скорее всего, более ранняя сотная легла в основу второго документа и во многом определила характер модели именования лица. Но так или иначе, отмеченная специфика именования может рассматриваться и как локальная особенность официального именования в XVI в. в каргопольских писцовых книгах.

Вместе с тем, писцовые материалы XVII в. свидетельствуют, что некалендарные имена *Первушка, Третьяк (Трэнка), Вторко, Пятунка* и др. были так же популярны на территории Каргопольского уезда, как и на других территориях Русского Севера и Русского государства в целом, и Каргополье не может считаться в этом смысле исключением, но, видимо, отношение к ним делопроизводителей в XVI–XVII веках было особым.

Переписная книга Каргополя, Турчасова посада, Каргопольского и Турчасовского уездов переписи воеводы Василия Ивановича Жукова 1648 г. преследовала цель досмотра «городовым и посадским двором и во дворах всяких чинов людем, а в уѣздох погостом и дрвням, и починкам, и дворам, и во дворах всѣм людем *имяны с отцы и с прозвищы*, и их

детям, и братьям, и племянником, и подсосѣдникомъ, и захребетникомъ» (Кн. пер. Карг. 1648: 1–1 об.). В Каргополе в остроге и на посаде в переписной книге названо 1505 человек. Из них только два именованія включают слово *прозвище*. Данным словом отмечены имена: «захребетникъ Малашко *прозвищемъ Первушка* Васильев» (Кн. пер. Карг. 1648: 15), «в. Галашка *прозвищемъ Шестачко* Васильевъ» (Кн. пер. Карг. 1648: 46), что подтверждает мысль о том, что имена, связанные с обозначением лица по порядку рождения в Каргопольском уезде, всего скорее, воспринимались его жителями, а вслед за ними и московскими писцами, как прозвища. Отличительной чертой местной антропонимии является активность имени *Дружина / Дружинка*.

Таблица 1. Некалендарные имена в переписной книге Каргопольского уезда 1648 г.

	Некалендарное имя на первой позиции в именовании	Некалендарное имя на второй или третьей позиции в именовании
Процент от общего количества именованій	2,6 %	2,2 %
Имена	а) Первушка 3, Вторко 2, <i>Тренка</i> 9, б) <i>Дружинка</i> 11, в) Богдашко 2, г) Баженко 4, Жданко 3, Поспѣлко 2, Томилко, д) Завьялко, е) Рахманко (Ратманко)	а) Косой, Белоглаз, Безногой, Шарап, Шустъ, Мохнатка, Трещачей, Бурыл, Пищура, б) Заонежанин, Корелянин, Корела, Водлозероц, Москва, Вага, в) Долина, Долон, Пахолок, Халема, Ташлыкъ, Тибасъ, Кулешъ 2, Пята, Кокова, Немчин, Бычекъ, Тчан, Ершикъ, Ряпус, Плотник, Куница, Гудок.

Данная концепция некалендарного личного имени, принятая составителями переписи, прослеживается и на материале именовании жителей Каргопольского уезда. В именовании крестьян отмечены те же самые некалендарные имена, но встречаются они гораздо реже, чем в именовании жителей посада: в. *Шестачко* Микитин (л. 65), *Тренка* Петров снъ (л. 65); в. *Томилко* да Илюшка Селивановы <...> в. *Томилко* Трофимов снъ Торочесникъ; в. *Дружинка* Григорьевъ снъ Подберезново (л. 76); в. *Дружинка* Васильевъ снъ Попов (л. 85 об.); *Тренка* Павлов (л. 89); *Роспутка* Захарьин (л. 91); бобыл *Дружинка* Иванов (л. 98 об.), в. *Богдашко* Елисъев (л. 104); в. *Дружинка* Петров сын Вешняковъ (л. 114 об.); в. *Ивашко* да *Дружинка* Даниловы (л. 116) и др.

Восприятие перечисленных некалендарных антропонимов в качестве официальных личных имен способствовало тому, что в одном ряду с патронимами, образованными от календарных имен, изредка (менее 1 % именовании) встречаются и образования от имен *Дружина*, *Третьяк*, *Бажен* и некоторых других: Бобыл Матюшка *Русинов снъ* Полутина (Кн. пер. Карг. 1648: л. 9); *Ивашко Баженов снъ* Савина (Кн. пер. Карг. 1648: л. 22 об.); Фролко *Богданов снъ* (Кн. пер. Карг. 1648: л. 24 об.); Гришка *Третьяковъ снъ* Ртищовъ, Ондрюшка *Дружинин сын* Пригодин (Кн. пер. Карг. 1648: л. 26); *Ивашко Дружининъ снъ* Лупаловской (Кн. пер. Карг. 1648: л. 29 об.); захребетники Петрушка семи годов да Еуфимко по четвертому году *Путиловы дѣти* (Кн. пер. Карг. 1648: л. 45 об.); Онтонко *Третьяков сын* Мякотин (Кн. пер. Карг. 1648: л. 47); *Ивашко Первого сын* Бородулин (Кн. пер. Карг. 1648: л. 47 об.).

С другой стороны, ограничение круга некалендарных имен, используемых в официальном именовании, объясняет большую активность общерусских процессов вытеснения некалендарных имен календарными, отражающую унификацию антропонимии в языке московских приказов, на территории Каргопольского края по сравнению с другими севернорусскими территориями.

Таблица 2. Некалендарные имена и прозвища в переписной книге Турчасовского уезда 1648 г.

	НЛИ на первом месте	НЛИ на втором месте	Со словом прозвище
1003	38	7	1
100%	3,9%	0,7%	0,01%
		Брусница, Кузнецъ, Морянин, Мутовка, Поморець, Привалиха, Хромой	Балашъ

Таким образом, противопоставление календарных и некалендарных имен в переписных и писцовых книгах XVII в. так же, как и в XVI в., зависело от субъективных установок писца и отражало объективно сложившиеся традиции составления деловых актов. Для писцовых книг 1623–1626 гг. Устюга Великого и Устюжского уезда, например, более характерно использование некалендарных имен вместо календарных: Жданко Сидоров да сын его Таскайко (Кн. писц. Уст. у. 1623: л.624). В писцовой книге 1623–26 гг. только некалендарным именем жители Устюга названы 201 раз, и лишь в 7 случаях некалендарное имя противопоставлено календарному. Более регулярно фиксируются имена Тренка (Третьяк) (27), Богдашка (25), Пятунка (11), Первушка (8), Шумилко (8), Жданко (8), Томилко (6), Девятко (6), Баженко (4), Вторышка (4), Безсонко (4), Замятенка (4).

Сходная картина наблюдается и в писцовой книге Вологодского уезда 1627–1630 гг. Некалендарные имена фиксируются на общих основаниях с календарными антропонимами: «Д. Бекѣтово – а въ ней крестьянь: во дв. Ондриушка Ларивоновъ съ сыномъ зъ Замятемъ, во дв. Тугаринко Ларивоновъ, во дв. Гостко Васильевъ зъ братомъ съ Осипкомъ, во дв. бобыль Замятенка Васильевъ» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 174). Перечень некалендарных имен в этом случае достаточно традиционен: Первушка, Вторушка, Тренка, Пятун-

ка, Шестунка, Девятко, Меншичко, Дружинка, Баженко, Завьялко, Томилко, Поспелко, Поздейко, Спешилко, Ворошилко, Пинайко, Вешнячко, Посничко, Суботка, Гуляйко, Нехорошко, Суетко, Бессонко, Корепанко и мн. др. Случаи, когда некалендарное имя приводится после календарного без указания на его «прозвищный» характер, единичны и, скорее всего, представляют собой употребительные в быту устойчивые сочетания двух имен: «Дворъ пусть *Ивашки Шевеля*, умеръ» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 36).

Слово *прозвище* в указанном источнике используется для оценки компонентов именования редко (около 30 именований). Оценке при помощи слова «прозвище» подвергаются разные некалендарные антропонимы: *Призьшка*, *Бовыка*, *Широкой*, *Трубица*, *Озорнякъ*, *Копось*, *Морозъ*, *Бажень*, *Баженко*, *Безсонко*, *Дружинко*, *Корова*, *Копырка*, *Саж*, *Чюлокъ*, *Заварза*, *Сосна*, *Ечора*, *Волокитка* и др. В их числе и внутрисемейные имена, которые в других именованиях занимают первую позицию: «во дв. Ондрюшка Микитинъ, *прозвище Бажень*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 61); «во дв. Еремка Афонасьевъ, *прозвище Волокитка*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 253); «во дв. Данилко Петровъ, *прозвища Безсонко*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 265) и др. Вместе с тем, в некоторых именованиях к разряду «прозвищ» составителями писцовых книг Вологодского уезда отнесены и фамилии, а возможно, и вторые (отпрозвищные) полуотчества, отчетливо выделяющиеся на фоне некалендарных имен, занимающих первую позицию в именовании и воспринимаемых составителем документа в качестве личного имени: «Д. Тривановская на рѣчке на Крутцѣ – а въ ней крестьянь: во дв. *Бражка Ивановъ*, во дв. *Первушка Кузминъ, прозвище Варегинъ*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 68); «во дв. Сенка Иванов *прозвище Зыковъ* <...> во дв. Олешка Ивановъ сынъ *Зыковъ*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 207); «во дв. Гаврилко Григорьевъ, *прозвища Шанинъ*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 265).

Слово *прозвище* в документах XVII в. не указывало на разряд антропонима, и логика в его употреблении применительно к некалендарным внутрисемейным и другим антропо-

нимам отсутствовала даже в пределах описания одного населенного пункта: «во дв. Власко Спиридоновъ съ сыномъ Ивашкомъ да у него жъ пасынокъ Омельянокъ Гавриловъ, прозвище Дружинко, во дв. Домошничко Ондръевъ съ сыномъ съ Рычкомъ да съ племянникомъ зъ Демкою Якимовымъ, прозвище Варака, — да бобыли: во дв. Меншичко Ондръевъ зъ дѣтми зъ Демкою да съ Ивашкомъ, во дв. Суетко Гавриловъ съ сыномъ Исачкомъ, во дв. Ермолка Ылиповъ съ сыномъ Гришкою, во дв. Пиминко Хорламовъ зъ братомъ зъ Давыдкомъ, во дв. Бориско Онтоновъ зъ братомъ съ Миткою, во дв. Митка Ылиповъ, прозвище Корова» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 263–264).

Оценка антропонима как «прозвища» в писцовых материалах Русского Севера носила субъективный характер, что подтверждается сравнением писцовых источников по одной и той же территории, составлявшихся параллельно разными писцами. Перепись Устьянских волостей 1630-х гг. осуществлялась в два приема разными составителями. В 1634–1636 г. Дмитрием Михайловичем Овцыным описаны Соденгская, Ростовская, Шангальская, Пежемская, Чадромская волости. В 1639 г. по грамоте Устюжской четверти пристав Устюжской четверти Ларион Васильев и «Устьянских волостей земские судейки Пахомко Елизаров с товарищи, Соденские волости Томилка Офонасьев с товарищи, да Ростовские волости Ярофейко Семенов с товарищи, да Чадромские волости соцкой Савка Игнатъев, да Пежемские волости выборные люди Сенька Самсонов Кубенин да Никита Тупицын» (л. Кн. пер. Устьян. 1639: л. 64) в дополнение к книге Дмитрия Михайловича Овцына описали Никольскую, Волюсную и Введенскую сошки Введенского стана и Дмитриевскую волость, крестьяне которых в 1636 г. себя «переписать не дали».

В переписных книгах Устьянских волостей 1635–1636 гг. устойчивой тенденцией является противопоставление некалендарных имен календарным, подчеркивание их прозвищного характера: Павлик Петров прозвище Четвертко; Стенка Васильев Рычко (Кн. пер. Устьян 1634–1636: лл.21, 27). Это

прослеживается на материале переписных книг Устьянских волостей 1634-36 гг. и писцовой книги 1664-65 гг.

В отличие от московских писцов, местные делопроизводители – составители переписи 1639 г. («писал Устьянские волости Веденского стану выборной земской дьячек Ондруша Лукин», Кн. пер. Устьян. 1639: л. 72 об.) не разграничивали календарные и некалендарные имена, о чем свидетельствует более активное включение в именование некалендарных имен и отсутствие случаев противопоставления их календарным: *Буторка* Феокистов (л. 66), *Рычко* Гаврилов *Костолга* (л. 66 об.), *Пятко* Григорьев, *Прокудка* Савельев, *Жданко* Вавилин (л. 67), *Девятко* Григорьев (л. 67), *Рычко* Семенов (л. 68), *Подосенко* Игнатъев (л. 68) и др.

Таблица 3. Соотношение способов включения некалендарных имен в именования жителей Устьянских волостей в переписных книгах 1634–1636 и 1639/40 гг.

Год	Волость	Названы одним некалендарным именем (%)	Названы одновременно календарным и некалендарным именем (%)
1636	Шангала	4,65%	4,65%
	Пежма	2,7%	7,5%
	Чадрома	3,8%	6,7%
	Ростовщина	8,5%	3,2%
	Соденга	12,6%	3,9%
1639/ 1640	<i>Введенский стан, Дмитриевская волость</i>	26,3%	—

Очевидно, что, говоря о вытеснении некалендарных имен календарными в официальном именовании на протяжении XVI–XVII веков, следует иметь в виду не изменение антропо-

нимической системы, а изменение отношения составителей документа к тем или иным группам антропонимов. Это отношение было различным у разных писцов, нередко оно не было стабильным даже в рамках одного писцового документа.

Так, например, в переписной книге Архангельского города, Холмогорских посадов и Двинского уезда переписи Ивана Ивановича Философова и подьячего Кузьмы Патрекеева 1646–1647 гг. наблюдается постепенное изменение стандарта записи именований. В переписи дворов Архангельского посада обращает на себя внимание непоследовательность в использовании слова *прозвище* по отношению к разным типам антропонимов. Внутрисемейные некалендарные имена не подвергаются модальной оценке, например: «в. *Роспутка* Аристов у него снъ *Дружинка* да племянники *Тренка* да Ивашко Семеновы» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 18 об.); «дворникъ *Вторышка* Федоровъ снъ Игумновъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 18 об.). По отношению к другим некалендарным именам модальная оценка могла выражаться при помощи слова *прозвище* или только за счет порядка следования компонентов именования: «в. Евремко Вилимоновъ снъ *прозвище Пуга*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 16 об.); «в. Якимко Максимовъ снъ *прозвище Пороз*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 18); «в. Олешка Власов снъ *Гогара*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 23); «д. Живоначалные Троицы Сергиева мнстря, а в нем дворникъ Семейка Доробѣевъ снъ *Кривошея*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 25 об.); в ряде случаев при описании пустых дворов воспроизводилось бытовое двухчленное именование: «д. пусть *Олѣрка Хромого*, а онъ живет в мнстрѣ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 24). Также отмечены примеры модальной оценки фамилий при помощи слова *прозвище*: «в. Гаврилко Титов снъ *прозвище Чертовъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 16 об.); «в. Кирилка Миронов сынъ *прозвище Гнѣвоцевъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 22 об.).

При описании Холмогорских посадов круг антропонимов, оцениваемых как прозвища, заметно упорядочивается. К данной категории имен составителями переписи последователь-

но отнесены только внутрисемейные некалендарные личные имена: «в. Овдокимко прозвище Богдашко Васильивъ сын Собакинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 38 об.–39); «в. Степанко прозвище Томилко Ульянов сын четочникъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 40); «Еѳремко прозвище Жданко Аристархов снъ Котовикъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 41); «в. Венедитко прозвище Постничко Ивановъ сын сапожникъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 44 об.); «в. Викулко Васильевъ сын кузнецъ у него внукъ Ѳеоктистко прозвище Вторушка у него сынъ Митка прозвище Дружинка» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 34 об.); «в. Оверка прозвище Таскаико Васильевъ снъ Шихутинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 35 об.); «в. Михѣико прозвище Докучка Васильивъ снъ Шихутинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 31); «в. Пантелѣико прозвище Сутормка Петровъ у негѡ снъ Оничка прозвище Пятушка» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 32); «в. Тимошка прозвище Первушка Терентьевъ снъ Малюдкинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 49 об.); «Васка прозвище Тренка Васильивъ снъ Сорокинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 51 об.); «в. вдова Оѳросиньца Семеновская жена Федотова у неи два сна Перѳирейко прозвище Шестачко да Тимошка» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 33); «в. Карпушка да Ѳедка прозвище Роспутка Ігнатьевы» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 37 об.); «в. Петрушка прозвище Худячко Овдокимов сынъ Горемыкинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 43); «в. Клишко прозвище Замятенка Малахиивъ сын Плотниковъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 47) и др. При этом модальная оценка некалендарных имен нередко отсутствует в именовании владельцев пустых дворов (именуемые не существуют в момент переписи, либо местонахождение их не известно): «д. Первушки Минина сна Оборы умер» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 32 об.); «д. пусть Томилка Жданова сна Бадакина умеръ; д. пусть Пятка Ульянова Четочника сшоль безвѣстно» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 35 об.). Упорядоченное применение слова *прозвище* к внутрисемейным некалендарным именам отразилось и в единичных случаях, когда оно противопоставляет патронимы, образованные от разных имен отца именуемого: «в. Осипко

Евсѣевъ сынъ прозвище Баженинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 30 об.).

Другие группы некалендарных антропонимов, в том числе и фамилии, за редкими исключениями модальной оценке при помощи слова *прозвище* не подвергаются: «...у него на подворье Мишка вѣдотовъ сынъ *Коза мясникъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 29); «Ондрюшка Исаковъ сынъ *Шулга* <...> в. Ивашко Евдокимов *Сухой*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 40 об.); «в. вѣдка Микитин сынъ *Шишъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 47–47 об.); «в. вдова Ульяница Осиповская жена Пиченосова <...> у ней же сосѣды Якушко Тимоѣев сынъ *Лоцило* у него сын Юшко да Лукашка *прозвище Тренка* Минин сын *Коза*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 45–45 об.).

В переписной книге Белоозера 1646 г. переписи Селуяна Павлова и подьячего Григорья Белова случаев, когда некалендарное имя употреблено на первом месте в антропосочетании, не отмечено. Из 729 именовании 23 включают некалендарные имена (3,1 %), сопровождаемые словом *прозвище*. Состав имен на второй позиции достаточно произволен: *Баженко, Брех, Бритва, Галей, Грошовой, Деревянной, Долгой, Дружинка, Дуда, Дутой, Кот, Недочеха, Подципай, Пятунка, Сава, Седун, Толмачъ, Томилко, Торопка, Тренка* (2), *Черной, Чюхар*. Вместе с тем, почти треть (28,2 %) именовании включают слово *прозвище*, которое характеризует фамилию: «в. вдова Оленка вѣдотовская жена *прозвище Папина* с сномъ с Лучкою Неведовымъ сномъ *прозвище Папин*, а у Лучки Якушко да с племянникомъ с вадѣиком Осиповымъ сномъ *прозвище Папин*, в. Якушко Ларивонов снъ *прозвище Папин* с сном с Корнилкомъ да з братом с роднымъ вѣдкою, а у вѣдки дети Ларка да Ооска да Микитка» (Кн. пер. Белоз. 1646: л. 209 об.); «в. Онтонка Иванов снъ *прозвище Шулгинъ* с сном съ Емелкою *прозвище Тренка* да с ними живет брат роднои Машка Шулгин с сном с Олешкою, д. пусть Коземки Иванова сна *прозвище Шулгина*» (Кн. пер. Белоз. 1646: лл. 213–213 об.).

Итак, использование слова *прозвище* в писцовых книгах зависело от требований, предъявляемых к именованию лица в данном типе документации, но каждый составитель документа по-своему определял круг антропонимов, к которым следует применять данную оценку. Очевидно, что принципы фиксации некалендарных имен языком деловой сферы рассматриваемого периода разработаны не были. Все отмеченные случаи носят стихийный характер, не являются закономерностью официального именования XVI–XVII вв. Субъективный подход составителя документа к именованию проявлялся и в выборе средств номинации, в предпочтениях, отдаваемых одним именам и исключении (иногда полным) из официального именования других.

Старорусская антропонимия официально-деловой сферы, представленная в севернорусских актах и писцовых материалах, отражает взаимодействие трех антропонимических подсистем: православного (церковного) именника, антропонимических средств приказного языка и устойчивых личных именований, употреблявшихся в повседневно-обиходной речи. Единой концепции личного имени в деловой речи рассматриваемой эпохи не было, в разных контекстах речи восприятие и оценка антропонима варьировались. Могло существенно различаться восприятие имени писцами, делопроизводителями, церковнослужителями.

Субъектная модальная оценка компонентов именования была различной. Наиболее ярко в именовании выражалась оценка *обязательности / необязательности* имени (основное, необходимое (имя) / дополнительное, прозвищное). Наблюдаемый в писцовой практике отбор средств антропонимической номинации отражает тот факт, что одни антропонимы воспринимались автором документа как личные имена, а другим отказывалось в статусе имени собственного.

Литература

1. *Королева И.А.* Происхождение фамилий и отчеств на Руси. Смоленск, 1999.
2. *Чичагов В.К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий. — М., 1959.
3. *Зинин С.И.* Русская антропонимия XVII–XVIII в. (на материале переписных книг городов). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Ташкент, 1969.
4. *Бахвалова Т.В.* Семантические и функциональные особенности некалендарных имен (на материале памятников письменности Белозерья XV - XVII вв.) // Проблемы русской ономастики. Вологда, 1985. С.71-82.
5. *Ганжина И.М.* Тверская антропонимия XVI в. в социально-историческом и лингвистическом аспектах (на материале тверских писцовых книг). Автореф. канд. дисс. Тверь, 1992.

Сокращения

АХУ III – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. – Ч.3. – РИБ, Т.25. – СПб, 1908.

Кн. доз. Волог. у. 1590 – Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг. (Подготовлена к печати Н.И. Федышиным) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

Кн. крестопр. УВ 1645 – Крестоприводная книга жителей Устюга и Устюжского уезда 1645 г. // РГАДА, ф. 137. Устюг Великий, № 68.

Кн. пер. Белоз. 1646 – Список с Белозерских переписных книг переписи Селуяна Павлова и подьячего Григория Белого 1646 г. // РГАДА, ф. 137. оп. 1. Галич. № 12/12. Л. 209–234.

Кн. пер. Двин. 1646 – Книги переписные Архангельского города и Холмогорских посадов и Двинского уезда переписи Ивана Ивановича Философова и подьячего Кузьмы Патреева 1646–1647 гг. // РГАДА, ф. 137, оп. 1., Архангельск, № 1.

Кн. пер. Карг. 1648 – Переписная книга посадских дворов города Каргополя, деревень, дворов в черных волостях Кар-

гопольского уезда переписи воеводы Василия Ивановича Жукова // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 168, лл. 1–503 об.

Кн. пер. Турч. 1648 – Переписная книга посада Турчасова и черных волостей Турчасовского уезда переписи воеводы Василия Ивановича Жукова // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 168, лл. 504–805.

Кн. пер. Устьян. 1634–1636 – «Подлинная переписная книга дворов и людей черных деревень в волостях Шангале, Соденгской, Ростовской, Чадромской, Пежемской, Чушевицкой и Никольской» переписи Дмитрия Михайловича Овцына 1635–36 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 15038. Л. 1–63.

Кн. пер. Устьян. 1639 – Переписная книга Устьянских волостей переписи пристава Устюжской четверти Лариона Васильева с земскими судейками и выборными людьми Устьянских волостей 1639/1640 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 15038. Л. 65–83.

Кн. писц. Вол. у. 1627–1630 – Писцовое описание Вологодского уезда 1630 года // Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. Вып. II. Петроград, 1918.

Кн. писц. УВ 1623–1626 – Писцовая книга Устюга Великого 1623–26 гг. // Бысть на Устюзе. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993.

Кн. писц. Уст. у. 1623 – Писцовая книга Устюжского уезда 1623–1626 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 506, 507.

МИКП – Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII в. Л., 1930.

Сотн. Ант.-Сийск. м. – Сотные грамоты Антонию Сийскому монастырю 1578 и 1593 гг. (Подготовлены к печати А.А. Амосовым) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

Сотн. Белоз. у. 1544 – Сотная с писцовых книг Ф. Ф. Хидырщикова и Г. Л. Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде 1544 г. (публ. Л. С. Прокофьевой) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972. С. 184–204.

Сотн. Золот. 1561 – Орывок сотной из писцовых книг Н.Г. Яхонтова на Никольский погост на устье реки Золотицы (публ. И.З. Либерзон) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

Сотн. Каргоп. 1561-1564 – Сотная из книг Н.Г. Яхонтова на город Каргополь 1561-1564 гг. // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

Сотн. Каргоп. у. 1561–1562 – Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 гг. (Подготовлены к печати Ю.С. Васильевым) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

Сотн. Тот. 1631 – Сотная выпись с Тотемских писцовых книг 1623–1625 годов // Спас на Стрелице: Исследования и материалы по истории одного северорусского православного прихода / Под. Ред. А.В. Камкина. Вологда, 2003. С. 104–134.

Шляпин 1 – Шляпин В.П. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Ч. 1—2. В.Устюг, 1912–1913.

Антропонимия Кексгольмского лёна*

Антропонимия Кексгольмского лёна (далее КЛ) еще не становилась предметом научного рассмотрения. Между тем эта территория Карелии представляет интерес не только для историков, но и для ономастов.

Как известно, Кексгольмская епархия была учреждена в самом конце XVI столетия, когда северо-запад России то и дело становился ареной борьбы со шведами за выход к Балтийскому морю вообще и за обладание Корельской землей в частности. Как следствие эта территория не раз переходила из рук в руки, а после подписания Столбовского мирного договора (в феврале 1617 г.) Корельский уезд (или по-новому «Кексгольмский лен») более чем на сто лет оказался под властью иноверного шведского короля.

До заключения и после заключения мира шведами были переписаны все жители, жившие в Корельском уезде. Их имена и являются предметом исследования (всего более 6500 употреблений). Зафиксированы они в переписных книгах Корельского уезда 1590 г., 1618 г., 1631 г. и в Поземельной книге Кексгольмского лена 1637 г. (южная и северная части) (1), которые были созданы с целью налогообложения жителей Кексгольмского лена. Несмотря на то, что между составлением данных книг проходил небольшой временной промежуток, следует отметить, что они имеют разницу в построении, объеме включенного в них материала, а также в подаче именованных лиц, проживавших там. Кратко охарактеризуем данные источники.

1) Книга 1590 г. меньшая по объему, поскольку список жителей, представленный в ней, охватывает лишь некоторые дворы, так как известно, что большая часть приладожских погостов была неплатежеспособна, кроме того жители этих

* Работа выполнена при поддержке Минобразования РФ (проект №868).

мест в то время оказывали активное противодействие шведским властям.

2) Книга 1618 г., составленная сразу после заключения Столбового мира, описывает все дворы и всех лиц, которые проживали в северной части Корельского уезда или Задней Карелии, независимо от их возможности платить налоги.

3) Поземельная книга 1631 г. описывает весь Корельский уезд после периода ленного владения графа Якоба Делагарди (12 лет), возглавлявшего шведскую интервенцию.

4) Особый интерес представляет Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. (далее ПККЛ), содержащая двуязычие основной части документа – северный лен Кякисалми состоит из русской и шведской частей, т.е. каждый погост, каждая деревня, каждый житель сначала описаны шведским писцом, затем эти данные переведены на русский язык. По структуре шведский и русский варианты поземельной книги северного лена почти идентичны. Приведем фрагмент этих вариантов в сопоставительной таблице, где представлены имена жителей одной из деревень Тиврольского погоста.

<i>Шведская часть</i> <i>Tiurala pogosth</i>	<i>Русская часть</i> <i>Тиврольский погост</i>
MUSTOLA (с.49–51)	ДЕРЕВНЯ МУСТОЛЯ (с.461–463)
Peter Mattijnpoika	Лготчик Питарко Маттыев
Peter Achuone	Питар Агвонен
Kirilka Illijn	Кирилко Ильин
Anikejko Ärtemiöf	Оникейко Ортемьев
Micko Laurinpoika	Никко Лавриев
Stepanko Koukupää	Стенко Ковкупяев
Pärwoi Koukupää	Первушка Ковкупяев
Mikulka Samujlof	Микулка Самойлов
Mikitka Iwanof	Микитка Иванов
Griska Petrof	Гришка Петров

* Шведскую часть составил писец Хинарик Питер, составитель (или переводчик) русской части не упоминается.

Iwaska Tirliof	Ивашко Тирлиев		
Stepanko Trättiakof	Степанко Третьяков		
Petruska Trättiakof	Петрушка Третьяков		
Timäska Iwanof	Тимошка Иванов		
Zencka Iwanof	Сенка Иванов		
Khut Matzon Tissin	Нутты Маттиев Сизий		
Ivanka Fedorof	Иванко Федоров		
Jakuska Iwanof	Якушко Иванов		
Ulotsoi Samujlof	Вачей Самойлов		
Offanka Klimpoief	Офонка Климпов		
Griska Lewoskin	Гришка Лёвошкин		
Condrasko Wasiliof	Кондрашко Васильев		
Gafrillka Stepanof	Гаврилко Степанов		
Ilejka Paulof	Илейко Павлов		
Samujlass Änckia	Самылкина жена		
Iwaskas Hustro	Ивашкина жена Павлова		
Änikeiko Philippof	Оникейко Филиппов		
Bobell	Iwaska Iwanof	Бобыл:	Ивашко Иванов живет у Оникейка Ортемива
	Lauri Lijanharia		Лаври Линагарья, живет у Никоя Латусова
	Iwaska Stepanof		Ивашко Степанов живет у Сенка Иванова
	Wahruska Jakimof		Вахрушка Якимов, живет своею избою, живота у него корова

Сопоставление русской и шведской частей позволяет выявить сходные и различные ономастические элементы, проявляющиеся в структуре именования, выборе ономастических формантов, состава имен жителей.

Сначала о структуре именования.

Известное для славянского именника для периода XVI–XVII вв. характерно разнообразие различных структурных моделей именования (одно-, двух-, трехкомпонентных). В русской части Поземельной книги Кексгольмского лёна 1637 г.

двухкомпонентных именовании более 77 %, включающих в свой состав разные компоненты

а) календарные русифицированные имена (*Юрка Ондриев*, д. Купецкой Берег; *Васка Никонов*, д. Курола; 475) и под.;

б) календарное русифицированное + некалендарное исконно славянское личное имя или прозвище (*Гришка Малой*, д. Гукила, Шуезерский пог., 691; *Ондрейко Черной*, д. Шарга, Шуйстомской пог., 700; *Софронка Бурча*, д. Корби Селга, Шуезерский пог., 687) и под.;

в) некалендарное исконно славянское личное имя + патроним от календарного имени (*Первушка Леонтиев*, д. Укшозеро, 701; *Томилка Иванов*, д. Керисюя, 711; *Будай Кузьмин*, д. Рогозеро, 702; *Рудачко Тихонов*, волость Кидела 704 – Шуйстамской пог.) и под.;

г) некалендарные исконно славянские личные имена (*Пятый Веселый*, д. Пуздъла, Соломенский пог., с. 733).

Особенностью структурных моделей именовании, распространенных на данной территории, является наличие гибридных именовании, когда в структурной формуле именовании соединяются разнотелетные элементы:

д) некалендарное исконно славянское имя + именование из неславянского ономастического (ж) именование прибалтийско-финского происхождения + патроним от календарного русифицированного имени.

з) исконно славянское личное имя + патроним с прибалтийско-финской основой (*Первушка Ковкупяев*, д. Мустоля, 461).

Трехкомпонентные модели именовании также отличаются большим разнообразием структурных формул. Они зафиксированы как в русской, так и в шведской частях. При этом важно заметить, что именовании, построенным по трехкомпонентной модели в русской части соответствуют обычно двухкомпонентные имена в шведской. Ср. данные по Тиврольскому погосту, приведенные в таблице:

<i>Русская часть</i>	<i>Шведская часть</i>
Анты Питариев Китанен, д. Райваттара, 459	Anders Pärsshn, Raywatala, 47
Томош Кнуттыев Карванен, д. Райваттара, 459	Tomas Nuttinen, Raywatala, 47
Матты Маттыев Сизий, д. Ивванкошки, 459	Matti Mattinpoika, Iwan Kåskå, 47
Гейки Шунин Ламонен, д. Гавканвара, 459	Häjcki Suninpoika, Hauskanvara, 47
Матты Гейкиев Келлер, д. Кокшезеро, 460	Matti Häjckinpoika, Kåxa Järwi, 48
Питарко Антыев Позика, д. Кокколя, 467	Peter Antinpoika, Kåckola, 57
Мавно Гейкиев Гухконен, д. Кокколя, 468	Magnus Häjckinpoika, Kåckola, 57
Марты Оллыев Гортонен, д. Кокколя, 468	Marti Ollinpoika, Kåckola, 57
Гейки Антыев Гаценен, д. Кокколя, 468	Häjcki Antinpoika, Kåckola, 57
Микке Оллыев Мюгря, д. Гидола, 469	Mickill Ollinpoika, Hidoola, 58
Матты Юваниев Кякконе, д. Гидола, 469	Matti Juganinpoika, Hidoola, 58
Ласци Лангинен Мюгря, д. Гидола, 469	Lassi Langinen, Hidoola, 58
Гейки Гейкиев Паккар, д. Гидола, 469	Häjcki Häjckinpoika, Hidoola, 58
Мавно Маттыев Паккар, д. Гидола, 469	Magnus Martinpoika, Hidoola, 58
Паво Томошов Павконен, д. Гидола, 469	Pawo Tomassohn, Hidoola, 59
Ласци Лавриев Тощика, старинной бобыль, д. Гидола, 470	Lassi Laurinpoika, Bobell, Hidoola, 59

<i>Русская часть</i>	<i>Шведская часть</i>
Бенти Гейкиев Лукконен, д. Вомооя, 470	Bänt Häjckinpoika, Womo Åya, 59
Оллы Мавноев Ситонен, д. Вейяла, 471	Olli Magnuxenpoika, Wäyala, 60
Оллы Гейкиев Шкутти, д. Энгилла, 475	Olli Häjckinpoika, Ängilä, 65

Носителями данных имен, думается, было неславянское население Кексгольмского лёна (исключения единичны: *Степанко Иванов Толмачев*, д. Сирижярви, 476, он же – *Stepanko Iwanof*, Sarijss Järwi, 66; *Оска Мукитин Моштокулков*, д. Отоншой, 465, он же – *Åska Mikitin*, Ayton Soo, 54).

Как правило, в шведской части отсутствует третий компонент именования, который в русской части выполняет функцию дополнительной идентификации лица, представляя собой прозвище или фамильное прозвание. Использование третьего компонента в русской части обуславливается требованиями ономастической системы: дополнительный компонент именования используется при самых частых именах западноевропейского ономастикона, с целью избежать тезоименности.

В обеих частях имеются полные трехкомпонентные соответствия можно объяснить влиянием славянской ономастической системы, ср.:

<i>Русская часть</i>	<i>Шведская часть</i>
Knut Matzon Tissin, Mustola, 50	Нутты Маттыев Сизий, д. Мустоля 462
Olli Häjckinpoika pakar, Bobell, Kulän järwi, 51	Оллы Гейкиев Паккар, старинной бобыль, живет у Маттыя Гейкиева, д. Кюлянярви 463
Паво Антыев Павконен, д. Гидола, 469	Pauo Antinpoika Paukone, Hidoola, 59

<i>Русская часть</i>	<i>Шведская часть</i>
Ристо Лавриев Куронен, д. Гидола, 470	Chriser Laurinpoika Kerojnen, Hidoola, 59
Per Tommossohn Rigonen, Womo Åya, 59	Питар Томошов Риконен, д. Вомооя 470
Olli Bántinpoika Karialajnen, Wallwola, 60	Оллы Бентиев Карелайне, д. Валдоля, 470
Peter Ollinpoika Pellkon, Wäyala, 60	Питар Оллыев Пелкуне, д. Вейяла, 471
Tomass Eskilssohn Iijass, Ängilä, 65	Томаш Эшкелев Иякшов, д. Энгила, 475
Сибретти Юсчиев Ляммитуйне, д. Гидола, 469	Sibrät Jussinpoika Lemmitajnen, Hidoola, 58

Однокомпонентные именованья единичны: *Гейскяне* (д. Вайку, Пеелицкой пог., 628). Следует признать их условность для данного периода, поскольку именной компонент сопровождается в русской части дополнительной информацией о статусе лица, его семейном положении, национальности, профессии, местожительстве: *Якимко, земской диячок*, д. Невголя, Тиврольский пог., 464; *Иван, церковной диячок*, д. Тиврола, там же, 466; *вдова Марья*, д. Гуттоланнеми, там же, 466; *вдова Керстой*, д. Годияла, Куркийокский пог., 488; *вдова Силдоева*, д. Опъполя, Куркийокский пог., 523; *Кайза дэвка*, д. Инноземпогя, Евгинской пог., 527; *бобыл(ь) Тилкоев*, Куркийокский пог., 523; *бобыль Ондрюшка*, д. Боранова Гора, Угонемский пог., с. 564; *Юванийко (бобыль)*, д. Иозеро, там же, с. 565; *Ирик (бобыль)*, пришел с *Кайнского рубежа*, д. Иляла, Пялгозерский пог., 677; *Лаврийко, немчин*, д. Лешие Мегли, Угонемский пог., с. 560; *папа Пекка*, д. Разивара, Китежской пог., 573; *Олексейко, прибыл*, д. Корби Селга, Шуезерской пог., 687 и под.

Структурные модели именованья в документах КЛ, составленных раньше 1637 г. и не имеющих русских переводов, отличаются следующими особенностями: 1) в книге КЛ 1590 г. представлены только двухкомпонентные именованья, что,

вероятно, отражает, во-первых, уже сложившуюся двухкомпонентную западноевропейскую традицию при именовании лиц, во-вторых, создавшуюся ситуацию, отражавшую гонения на русских, в связи с захватом данной территории шведами.

2) В документах 1618 г. отмечены все известные структурные модели именовании лиц. При этом однокомпонентное именование (более 4 %) довольно последовательно сопровождается литерой *N* (т.е. патроним, фамильное прозвание неизвестно), чаще всего это календарные русифицированные имена: *Luka N*, Waldola, 285; *Jwan N*, Habalax, 288; *Teresko N*, Kimbola, 289; *Sochroma N*, Kimbola, 289; *Elisiä N*, Kimbola, 289; *Andrei N*, Kaupianranda, 289 (Tiurala pog., 1618) и др., реже некалендарные исконно славянские имена и прозвища: *Butora N*, Såröla, Kurki Jåki pog., 1618, 297; *Perwusa N*, Migrilä, Tiurala pog., 1618, 302; а также имена из западноевропейского (лютеранского) ономастикона: *Asko N*, Jdula, Tiurala, 1618, 288; *Sigfredh N*, Hidola, 1618, Tiurala 290; *Olliko N*, Kumbu, 1618, Kurki Jåki, 303 и др. Однокомпонентные именовании без *N* единичны: *Lariwon*, Reekalansari, 1618, Kurki Jåki, 300; *Nefeoief*, Reekalansari, 1618, Kurki Jåki, 300; *Mikola*, Komoleuka, 1618, Kurki Jåki, 305; *Joiwa* и *Larij*, SooJärfwi påg., 360.

3) В книге 1631 г. однокомпонентных именовании нет, трехкомпонентные редки: *Hendrich Ollsson Parkin*, Huuchtiterwu, Kurcki Jocki, 423; *Matz Matzsson Råkain*, Willala, Ugo Niemi pog., 465; *Matz Mustoinen Sauolain*, Kangas Järfui, Kiteis pog., 479; *Iuanko Feodoroff Mutkain*, Wijni randa, Libelis pog., 485; *Michell Andersson Kosainen*, Lihaua, Sordowala pog., 559; *Michil Petersson Soikeli*, Hidoua, Sordowala pog., 559. Вероятно, третий компонент, как и в русской ономастике прошлого, выполнял функцию дополнительной характеристики человека. Так, именование *Sauolain*, думается, отражает местожителство, основа именовании *Mutkain*, вероятно, восходит к апеллятиву *mutka* 'кривой'.

Теперь об ономастических компонентах, участвующих в образовании патронимов (фамильных прозваний). Опять в данном случае особый интерес представляет ПККЛ 1637 г., поскольку раскрывает многие неясные места в документах,

составленных на шведском языке, дает возможность увидеть особенности взаимовлияния, взаимодействия разноразличных ономастических стихий.

Известные у славян антропоформанты *-ов/-ев, -ин* присоединяются как к календарным и некалендарным именам (*Васильев, Григорьев, Иванов, Третьяков, Легошкин*), так и к календарным именам, принятым у финнов и шведов в результате принятия лютеранского вероисповедания, (*Кнут-тыев* ← Кнут; *Маттыев* ← Матти; *Миккилиев* ← Миккуй ← Михаил или Николай; *Оллыев* ← Оллы; *Пергуев* ← Пергуй ← Перфирий; *Эшкелев* ← Эшкел; *Юваниев* ← Ювани ← Иван; *Юсчиев* ← Ющи ← Иван и др.), а также к фамильным прозваниям, восходящим в конечном итоге к прибалтийско-финским апеллятивам. Ср.: Первушка *Ковкуляев* (д. Мустоля, Тиврольский пог., 461) и фин. *koivu* 'береза' + фин. *pää* 'голова'.

В шведской части ПККЛ 1637 г. эти форманты передаются по-разному.

1) Наблюдается полное соответствие шведской и русской частей, ср.:

1637 г.		
Шведская часть	Русская часть	Tiurala пог., 48–49 / Тиврольский пог., 460
<i>Iwanko Mallkoief,</i> Kåxa Järwi	<i>Иванко Малкуев, д.</i> Кокшезеро	
<i>Patrachti Rodionof,</i> Kåxa Järwi	<i>Патрекейко Родио-нов, д.</i> Кокшезеро	
<i>Fedka Jurgiof,</i> Pätkola	<i>Фетка Юрьев, д.</i> Петколя	
<i>Låhinka Wasiliof,</i> Pätkola	<i>Логинко Васильев, д.</i> Петколя	

Носителями данных имен, как представляется, могло быть русское население Кексгольмского лена. В документах КЛ 1631 г. в патронимах сохраняются указанные русские антропоформанты. В документах 1618 г., также не имеющих русского перевода, эти компоненты заменяются на формант –

poika в финском языке 'сын', ср. именованя одних и тех же лиц в книгах разного времени:

1618 г.	1631 г.	1637 г.	
		Шведская часть	Русская часть
Jwaska Maximanpåk a, Petkoila, 286	Jwancko Maximof , Pätkoila, 412	Iwanka Maximof , Pätkola, 49	Иванко Максимов , д. Петколя, 461
Sidar Clementhien påika , Petkoila, 286	Sidorko Clementief , Pätkoila, 412	Sidorko Clemontief , Pätkola, 49	Сидорко Клементиев , д. Петколя, 461
Kyrå Jlianpåika , Muståla, 286	Kiricka Ilien , Mustelan Kyle, 412	Kirillka Illijn , Mustola, 49	Кирилка Ильин лготчик, д. Мустоля 461
	Griska Prokopiof , Kimbolan Salmi, 407	Grisenå Prokofief , Kimbåla, 63	Гришеня Прокопьев , д. Кимболя 473
	Jwancko Jurgiof , Pätkoila, 412	Iwanka Jurgiof , Pätkola, 49	Иванко Юрьев , д. Петколя, 461

Использование финского патронимного формант *-poika* в ранних документах можно считать искусственным. Это является отражением первых лет шведской интервенции, когда искоренялась большая часть элементов русской лексической системы.

2) Фамильным прозваниям с притяжательными формантами *-ов*, *-ев* в русской части соответствуют фамильные прозвания с формантом *-poika* в шведской части:

1637 г.		
Шведская часть	Русская часть	Tiurala pog., 47–52 / Тив- рольский пог., 459–463
<i>Iwani Laupinpoika,</i> Raywatala	<i>Юзани Лавриев,</i> д. Райваттара	
<i>Bärtell Mattinpoika,</i> Raywatala	<i>Бяртюл Мамтыев,</i> д. Райваттара	
<i>Marti Häjckinpoika,</i> Kulän järwi	<i>Мамты Гейкуев,</i> д. Кюлянярви	

В данном случае носителями имен были карелы, финны, которые в прошлом испытали сильное влияние славянской ономастической системы. Кроме того, у финнов существует свой притяжательный формант *-лел*, который также отражен в шведской части и последовательно сохраняется в русской:

1637 г.		
Шведская часть	Русская часть	Hauskanvara / д. Гавканвара; Tiurala pog., 47–48 / Тив- рольский пог., 459
<i>Marti Koskinen</i>	<i>Марты Кешкенеи,</i>	
<i>Häjcki Mäkäläjnen</i>	<i>Гейки Мякеляйнен</i>	
<i>Matti Jakonen</i>	<i>Марты Якконен</i>	
<i>Magnus Mäkälejn</i>	<i>Мавнош Мякеляйнен</i>	
<i>Simon Lauckanen</i>	<i>Симой Лавконен</i>	

Имена этих жителей, а также их родственников представлены в более ранних документах с теми же формантами (при некотором графическом изменении основ именования), ср.:

1618, Haukawara	1631, Hauskan Wara	1637, Hauskanvara
	Magnus Meckeleinen	Magnus Mäkälejn
	Simon Laukanen	Simon Lauckanen
Magno Andruxenpäika Keskinen	Matz Koskinen	Marti Koskinen
Jussi Laurinpoika Jokanen		Matti Jakonen

Кроме того, имена шведов (и вероятно, финнов) оформлены также с помощью шведского патронимного форманта -son (-zon, -sson /-ss(on), -sohn, -nss). При этом в Книге 1590 г. практически все записанные жители имеют в составе фамильного прозвания компонент -ss(on), независимо от этнической принадлежности, ср.: Wasila Maximass(on) – Migli, 265; Jstoma Höckess(on) – Diurala, 265; Lauri Olofss – Jlmes, 266; Hotsko Mutkass – Lipeiis, 274 и под.

В Книге 1618 г. такие именования единичны, эти лица не упоминаются в более поздних книгах КЛ, что, вероятно, обусловлено миграцией населения.

В Книгах 1631 и 1637 г. находим ряд соответствий с шведским патронимным формантом:

1631 г.	1637 г.	
	Шведская часть	Русская часть
Knutt Matzonn, Mustelan Kyle, 412	Knut Matzon Tissin, Mustola, 50	Нутты Маттыее Си- зий, д. Мустоля, 462
Erich Månsson, Näckala, 411	Erich Månssohn starosta, Näckola, 53	Ирик Мавноее, д. Нокколя, 463
Bertill Grelsson, Kimbolan Salmi, 406	Bärtell Greelssohn, Kimbåla, 64	Бяртюл Реюкш, д. Кимболя, 474
	Knut Mickilssohn, Kaupinranda, 65	Кнутты Миккилие, д. Купецкой Берег, 475
Lars Persson, Seeris lärfwi, 406	Lars Pärssohn, Sarijss Järwi, 66	Ласщи Питарие, д. Сирижярви, 476

Носителями данных имен было неславянское (скорее всего, шведское) население, мигрировавшее на новые для них территории. При этом фамильным прозваниям в шведской части в русской части чаще всего соответствует патроним на -ее, что объясняется поформантным переводом этих имен, а

также, вероятно, тем, что переводчик, составлявший русскую часть, хорошо знал русский язык и особенности славянской ономастической системы. Только два примера не имеют этого перевода, носителями этих имен были шведы:

Michill <i>Staffansson</i> , Tiurala, 67; Rodion Lobanofs Bänder i dito pågosth; Tiurala pogosth	Микъкел <i>Стафансон</i> , дрв. Тиврола, 479; кр-н Родиона Лобанова, Тиврольский погост
Nicko <i>Nicknssohn</i> , Laurola, 67; Rodion Lobanofs Bänder i dito pågosth; Tiurala pogosth	Никко <i>Никонсон</i> , д. Лаврола, 479; кр-н Родиона Лобанова, Тиврольский погост

Состав именований, используемых русскими, карелами, финнами, шведами для наречения лица, также отражает все перипетии отношений между разноязычными народами, принадлежащими к различным конфессиям.

Список календарных русифицированных имен (полных, сокращенных, диминутивно-квалитативных) практически не отличается от списка имен, известного по всей Руси. Такие имена, как *Богдашко, Вахрушка, Гришеня, Давыдко, Дорофей(ко), Илейко, Илюшка, Калин(к)а, Лазарко, Матвейко, Назарко, Оксентейко, Онисейко, Ронко, Сергушка, Степанко, Тимошка, Фомка* и др., могли носить русские и, возможно, карелы, мирно сожительствовавшие со славянами долгие годы и перенявшие русифицированную календарную систему личных имен. В шведской части наблюдаем близкую побуквенную передачу данных имен, которую мог дать шведский писец, записывая личное имя русского на слух.

Ändruska	Ондрюшка
Änikeiko	Оникейко
Antipko	Антипко
Äskä	Оска
Bähdasko	Багдашко
Bohdasko	Богдашко

Condasko	Кондрашко
Condasko	Кондрашко
Connaska	Конашко
Cusämka	Куземка
Kuissma	Кузьма
Kusämka	Куземка

Dawidko	Давыдко
Dorofejko	Дорофейко
Fedarkå	Федорко
Fedårko	Федорко
Fedårko	Федорко
Fedka	Фетка
Gafrillka	Гаврилко
Grisenå	Гришеня
Griska	Гришка
Ignatsko	Игнашко
Ilejka	Илейко
Iliuska	Илюшка
Isatska	Исачко
Iwan	Иван
Iwanka	Иванко
Iwanko	Иванко
Iwaska	Ивашко
Jachim	Яким
Jakuska	Якушко
Jurcka	Юрка
Kalincka	Калина
Kalincka	Калинка
Kirillka	Кирилка
Klimcko	Климко
Låhinka	Логинко
Lazarko	Лазарко
Lutska	Лучка
Lutska	Лучка
Malafijas	Малашка
Maria	Марья
Matfejko	Матвейко
Maximko	Максимко
Michajlka	Михалка

Micheijko	Михейко
Mikullka	Микулка
Miska	Мишка
Nazarko	Назарко
Offanka	Офонка
Offonka	Офонка
Omoska	Омоска
Onisimko	Онисейко
Onofriko	Онофрейко
Opsentei	Оксентейко
Patrakarko	Патрекейко
Pawelko	Павелко
Petruska	Петрушка
Petruska	Петрушка
Phillka	Филка
Phomka	Фомка
Phomka	Фомка
Rånka	Ронко
Samsanko	Самсонка
Sårguska	Сергушка
Sidorko	Сидорко
Sofka	Савка
Stepanka	Степанко
Taraska	Тараско
Teråska	Терешка
Timåska	Тимошка
Tråska	Трешка
Wahruska	Вахрушка
Waska	Васка
Zencka	Сенка
и т.д.	

Календарные русифицированные имена сохраняют привычные для них флексии на гласный в диминутивно-квалитативных формах, на согласный и гласный в полных официальных личных именах. Транслитерация самих диминутивных форм в шведской части также является свидетельством того, что носителями этих имен были русские. Данные имена чаще всего сопровождаются патронимом (фамильным прозвищем), построенным по русской модели с притяжательными формантами *-ов, -ев, -ин*:

Antipko Gregorief	Антипко Григорьев
Bochdasko Wasilief	Богдашко Васильев
Wahruska Jakimof	Вахрушка Якимов
Waska Nikonof	Васка Никонов
Klimcko Jiuden	Климко Июдин
Kusämka Ändrief	Куземка Ондреев
Iwanka Jurgief	Иванко Юрьев
Larka Lewontief	Ларна Левонтиев

Личные имена из лютеранского именника у шведов и финнов отличаются своим составом – в нем присутствуют имена и формы от них, не известные ранее русским; морфологической структурой имени – имена заканчиваются на нехарактерные для русского ономастикона звуки:

Anders	Андрус
Anti	Анты
Bänt	Бенти
Bärtell	Пяртел
Caupi	Кавпи
Erich	Ирик
Eskill	Эшкел
Esko	Эшко
Häjcki	Гейки
Hanno	Ганно

Hannus	Ганно
Hannus	Ганно
Hans	Гануш
Hindrich	Гейки
Iwani	Ювани
Jako	Якко
Jakob	Якко
Jakob	Яков
Joanni	Ювани
Johan	Юганко

Johan	Юган
Jöran	Урянко
Jusse	Юсци
Kaupi	Кавпи
Knut	Кнутты
Lars	Ласци
Lassi	Ласци
Lassi	Ласци
Lauri	Лаври
Magnus	Мавно
Magnus	Мавнош
Marte	Марты
Marti	Марты
Matti	Матты
Michill	Микъкел
Mickill	Микке
Mickill	Миккел
Nicko	Никко
Niiiss	Нилиш
Olli	Оллы
Pär	Петар

Päso	Пежо
Pauo	Паво
Pawo	Паво
Per	Питар
Petari	Питар
Petari	Питарко
Peter	Питар
Petr	Питар
Rassmuss	Разимуш
Sibrät	Сибретти
Simon	Симой
Simon	Симойко
Staffan	Стафанко
Staffan	Стаффан
Thomas	Томаш
Tomas	Томаш
Tomass	Томаш
Yriän	Урянко
и т.д.	

О том, что носителями данных имен было неславянское население КЛ, свидетельствуют личные имена, имеющие параллели в православном и лютеранском ономастиконах. Такие имена сохраняют привычные для данных языков морфологические особенности и формы. Ср. варианты имен, представленных в документах КЛ:

Андрей – Ондрей, Ондрейко	Anders, Anti
Иван – Иванко, Ивашко, Ваня и др.	Joanni, Jusse, Johan; Hans, Hanno, Hannus,
Лаврентий – Ларка, Лавр, Лавруш(к)а	Lars, Lassi, Lauri
Мартын – Мартышка, Мартыно	Martin, Marti

Матвей – Матвейко, Матюш(к)а	Матти
Павел – Павелко, Павшук, Паша	Pauo, Pawo
Петр – Петруша, Петя и др.	Petr, Petari, Peter, Per, Pidar
Семен – Сем(к)а, Сен(к)а	Simon
Юрий – Юрка, Юшко	Yriän
Яков – Якуш(ка)	Jakob, Jako

При этом можно усмотреть некоторые элементы взаимодействия на уровне личного имени. Так, личное имя *Iwani* заимствовано финнами у русских (ср. *Иван*), а затем преобразованное в *Jusse, Johan*, и уже заимствованное русскими – формы *Юганко, Юсси, Юска, Юшко* часто использовались русскими жителями Карелии (например, в Заонежских погостах). К западноевропейским именам *Peter, Simon, Yriän* на русской почве присоединился суффикс *-к-*, как известно, наиболее активный в русском ономастике: *Симойко, Pitarko (Pidarko) / Питарко (Пидарко), Урянко*. Календарное имя *Степан* приобретает при контактах (прежде всего с прибалто-финнами) элементы, несвойственные русским – долгий согласный [п] (*Теппана*), звательный формант *-ой (-yŷ)* (*Теппой, Теппуй*), наложение западноевропейской параллели *Staffan* с заменой [ф] на [хв] и прибавлением суф. *-к-* дает форму *Тахванко*.

Теперь об антропонимах, которые по своему происхождению являются некалендарными личными именами и прозвищами отапеллятивного характера.

Жителей, носящих исконнославянские по происхождению личные имена, в документах Кексгольмского лена (с 1590 по 1637 гг.) немного (0,5%). Невелик и состав этих имен: *Биляй-ко, Будаѳ (Budaiko), Госко, Дружинка/Drusentka, Малютка, Нежданко, Perwoi (Первуша, Первушка/Perwuska), Пятмой, Томилка, Jstoma, Poisdak (Posdeiko), Sestak, Trethiak, Subotka*, вместе с именами, статус которых можно определить по-разному (*Rebu, Rudak / Rudatzko, Wolk, Murasko*) – 17. Подоб-

ным образом представлен некалендарный именник и в патронимных формах.

Немногочислен и состав именований (прозвищ и фамильных прозваний), восходящих к отапеллятивныи прозвищам. Большая часть из них отражена в памятниках письменности Карелии XV–XVII вв. по Заонежским погостам, Карельскому Поморью, Лопским погостам, погостам Водской пятины, приведем небольшой список именований жителей Кексгольмского лена в 1637 г., имеющих тезок в указанных районах Карелии: *Большой, Бутков, Горшечник, Гулин, Долгобрюхов, Дудников, Ерзин, Звягин, Кашута, Козел, Козицин, Кузнец, Кухнов, Лисица, Малой, Мельничник, Мусорин, Новожил, Пирогов, Рожа, Рюмин, Скоморох, Уткин, Ушаков, Черноус, Чорной, Чортов, Швеи, Щербин, Ярыгин* и др. Как и по всей Руси того времени, мотивы этих именований отражали внешние особенности лица, его морально-этические качества, местожительство, род деятельности.

Среди ранее не встречавшихся назовем следующие прозвища и фамильные прозвания: *Блудов, Дубин, Мухряев, Опенкин, Позорин, Тупарев, Тупицын, Узорин* и некоторые др., имеющие славянскую основу и отраженные в древнерусском ономастиконе С.Б. Веселовского.

Подобные семантические группы именований можно выделить и у шведских, финских, карельских имен, отмеченных в ПККЛ 1637 г. Представим ряд этимологий в таблице:

<i>Русская часть</i>	<i>Шведская часть</i>	<i>Мотив именованя</i>
Яков Ермолин <i>Гамарин</i> , д. Минина река, Соломенский пог., 729.	Starosta Jako <i>Hammarin</i> , Mina Joki, 351.	Из фин. <i>hämärä</i> 'сумрачный', 'мрачный' (ФРС, 141), карел. <i>hämäri</i> 'темный, сомнительный' (СКЯ, Ливв., 85).
Анты <i>Гирвонен</i> , д. Алитоз, Шуйскомый пог., 715.	Anti <i>Hirwojnen</i> , Alattoss, 335.	Ср. в фин. <i>hirvi</i> 'лось' (ФРС, 118).
Пекой <i>Калайнен</i> , д. Оровашала, Китежский пог., 571.	Päcko <i>Koukalainen</i> , Årawan Salo, 173	Ср. в фин. <i>kala</i> 'рыба'.

Анты Куккоев, бобыль, Евгинский пог., д. Ярвенпя, 535	Anti Kaukonen, Järwen pää, 133	Из карел. <i>kukki, kukko, kukko</i> 'петух' (КРС, Сев. - карел., с. 69; СКЯ, Ливв., с. 162), фин. <i>kukko</i> 'то же' (ФРС, с. 270), велс. <i>kiko</i> 'то же' (СВЯ, с. 242), ср. также с выражениями <i>kielas kukki</i> 'лгун', <i>hüppii ki kukko</i> 'задиристый (= скачет, как петух)' (Федотова, с. 94).
Пахомко Кярзин, д. Эмисярви, Иломанский пог., 642.	Pachamko Karssin, Eymiss Järwi, 276.	В карел. <i>kärzö</i> 'рыло, лицо' (СКЯ, Ливв., с. 173), велс. <i>kärz</i> 'морда животного' и перен. 'некрасивое, безобразное лицо' (СВЯ, с. 264; см. также Муллонен, 1994, с. 99).
Иванко Лаппиве-деляйнен, д. Маншила, Соломенский пог., 726.	Iwanka Lappiwede lej, Mansila, 348.	В фин. <i>lappi</i> 'лапландец' + <i>vetelä</i> 'жидкий, негустой, водянистый, топкий' (ФРС, 731).
Матты Леммит-тиев Кожонен, д. Пайгозеро, Уго-немский пог., 560.	Matti Clemmetin poika, Pöygo Järwi, 162.	Древнее прибалтийско-финское личное имя. В финском фонетическом варианте <i>Lemmetti</i> с 1411 года. Имя связано со значением 'любимый' (USN, с. 502). Ср. с фин. <i>lempi</i> 'любовь' (ФРС, с. 320), карел. <i>lempi</i> этн. 'совокупность положительных качеств девушки на выданье (обаяние, привлекательность, домовитость, хозяйственность и пр.)' (СКЯ, Ливв., с. 182).

Трофимка <i>Нярги</i> , д. Церковная Ле- палакша, Пялго- зерский пог., 668.	Tråfimko <i>Närhi</i> , Kircko Läppalax, 297.	В фин. <i>närhi</i> 'сойка' (ФРС, 410).
Пидарко <i>Питка-</i> <i>парда</i> , бобыль, д. Лешие Мегли, Угонемский пог., 560.	Petari <i>Pitkä</i> <i>Parta</i> , Lessie Migli, 161.	В фин. <i>pitkä</i> + <i>parta</i> 'длин- ная борода'.
Урянко Маттиев <i>Пунда</i> , д. Кочалакша, Евгинский пог., 530.	Yrian Mattinpoik a, Kot- salax, 127.	В фин. 'камень, грузило на рыболовной сети' из фин. <i>punta</i> 'гиря' (Ф, 3, 406).
Оллы <i>Ренгуев</i> <i>Тилкоев</i> , бобыль, Волно озеро, Кур- киекский пог., 523.	Olli <i>Rähäijen</i> <i>Tillkon</i> , Wolno Järffwi, 119.	В фин. <i>renki</i> 'работник наемный', 'батрак' (ФРС, 523); в фин. <i>tilkku</i> 'лоскуток' (там же, 644).
Пекка <i>Репша</i> , д. Ярвенпя, Евгин- ский пог., 534.	Päcka <i>Räpssa</i> , Järwen pää, 132.	В русских говорах <i>рёп-</i> <i>сать</i> 'хлебать', <i>рёпся</i> 'не- ряха, грязнуля'. Из фин. <i>repsata</i> 'вести разнуздан- ный образ жизни, кутить' (Ф, 3, 473).
Волотка <i>Ряндин</i> , д. Тюррия, Иломан- ский пог., 635.	Wolåtka <i>Rändin</i> , Tyria, 269.	В русских говорах <i>рянда</i> 'мокрый снег, падающий большими хлопьями, дождь со снегом' арх., олон., из карел. <i>rändä</i> , фин. <i>räntä</i> 'дождь со сне- гом', эст. <i>räppa</i> 'мокрый снег' (Ф, 3, 538).

Микел Тойвонен, бобыль, д. Калатома, Угонемский пог., 557.	Michill Toijwoinen, Kalatoma, 157.	Древнее прибалтийско-финское имя, ср. фин. <i>toivottu</i> – ‘желанный, долгожданный (ребенок)’, ср. также в современном карельском языке и его диалектах <i>карел. toivottaa</i> ‘желать’, ‘предсказывать, предвещать’, ‘обещать’, <i>toivotus</i> ‘пожелание, предсказание, обещание, посул’ (СКЯ, Ливв., с. 383); <i>toivo</i> ‘надежда’ (КРС, Сев. -карел., с. 187).
Еуфимка Тонга, д. Куйканеми, Шуэзерский пог., 693.	Jeffimka Tonga, Kuikan Nemi; 288.	В русских говорах <i>тонга</i> ‘сычуг, в котором хранится олений жир’, нотоз. Из саам. кильд. <i>ton^ga</i> – ‘то же’ (Ф, 4, 76).
Куземка Турга, д. Керияселга, Шуэзерский пог., 690.	Cusämka Turha, Kärian Sällga, 285.	В фин. <i>turha</i> ‘напрасный, бесполезный, пустой’ (ФРС, 662).
Ромашко Шукши, д. Мартынов Остров, Угонемский пог., 555	Romaska Suchsi, Martinan Saari, 155	В фин. <i>suksi</i> ‘лыжи’.

Некоторые фамильные прозвания построены по славянской патронимной модели, и на первый взгляд, можно в этих именовании предположить славянскую основу. Однако анализ показывает, что данные именовании восходят к прибалтийско-финским по происхождению именам. Так, можно предположить, что патроним *Курвин* (Тимошка *Курвин*, д. Пурозеро, Угонемский пог., 548 – *Timäska Kurwin*, Pura Järwi, 148) восходит к бранному общеславянскому экспрессиву *курва*,

однако в новгородских говорах известно *курва* в значении 'рыба корюшка', заимствованное из фин. *kurvi* (Ф, 2, 423).

Патроним *Бугарин*, зафиксированный в русской части (Микитка *Бугарин*, д. Кукшонвара, Иломанский пог., 638), можно связать с прибалтийско-финским апеллятивом – карел. *puigi* 'место для спанья на воздухе' или саам. к. *puïre* 'навес, сарай для ночлега' (Ф, 1, 228), сохранившемся в русских говорах Карелии (*бугра*, *бугарка* – медв. канд., кондоп., онеж., подп., прион., пуд.) в близком значении (СРГК, в.1. 130). Запись в шведской части – *Mikitka Buharin* (*Kuckson Waga, Ilomans pög., 272*) дает возможность предположить преднамеренную замену (как результат противодействия шведскому насилию) исконного звука [х] на [г] и как результат возможность связи с известным современным говорам словом *бухара* 'лгун', которое является, по-видимому, бессуффиксальным отглагольным образованием, ср. *бухарить* 'лгать' *киров.* (СРНГ, в. 3, с. 319)*. Прозвище *Бухаря* и фамильное прозвание широко известны в документах Карелии и на более широкой территории Древней Руси¹.

* Известны и другие этимологии данного имени: Н. А. Баскаков связывает фамилию *Бухарин* с тюркской основой *вихара*, которое восходит либо к названию ранее исторически существовавшего в Средней Азии эмирата, либо из арабского *fugarā* 'беднота, бедняки' (Баскаков, 1979, с. 175).

Вряд ли мотивом именования служили значения 1) 'запольный участок перелога, покосный участок в лесу'; 2) 'низкий сорт пакли', представленные у С. Б. Веселовского (там же).

¹ Гаврило Григорьев сын Бухаря, староста, купчая, 1571 г., АСМ, 235; Иван Бухарин (ср. он же – Иван Ишук Иванов сын Бухарин, великого князя дьяк, упоминается в документах 1547 г., 1549 г., 1553 г., Гейман, 162; АСМ, 79, 116); Григорьево письмо Бухарина, п. Пиркиничский, 1563 г., ПКОП, 76; Иван Бухарин, кр-н, п. Оштинский, челобитная, 1665 г., Мюллер, 180; Микита Бухарин, помещик, п. Шуйский, челобитная, 1684 г., там же, 281; Никонко Бухорин, кр-н, п. Толвуйский, 1563 г., ПКОП, 144. У С. Б. Веселовского читаем: Тимофей Григорьевич Бухара Наумов, 1495 г., от него – Бухарины; Бухара Яковлевич Бухара Хвостов, тысячник, 1550 г.; Бухарин Савельевич Палицын, 1600 г., Новгород (Веселовский, 58).

Такое именование как *Шняккуев* (Фефелка *Шняккуев*, д. Борисов наволоок, Соломенский пог., 721 – *Feläska Snäekuef*, *Bårijsowa Niemi*, *Salmis pog.*, 342) сочетает в себе целый комплекс разноязычных элементов: славянский патронимный формант –ев, который присоединяется к др.-сканд. по происхождению основе *snekka* ‘длинное судно’ и известное др.-русскому языку – *шняка* ‘рыбачья лодка’ (Ф, 4, 462). Сохранение долгого согласного [к] поддерживается прибалтийско-финской фонетической системой, ср. *Миккой*, *Гаппоу*, *Теппой* и др.

Таким образом, в документах Кексгольмского лена отражена достаточно сложная система именований славянского и неславянского происхождения в районах древних центров контактов русских и прибалто-финнов, русских и шведов.

Источники

(1) – *Переписная книга Корельского уезда 1590 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск–Йоэнсуу, 1987. С.265–274;*

Переписная книга Корельского уезда 1618 г. // там же. С.284–387;

Переписная книга Корельского уезда 1631 г. // там же. С.388–568;

Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. II. Йоэнсуу, 1991.

Сокращения

КРС – Зайков П.М., Ругоева Л.И. Карельско–русский словарь (северно-карельские диалекты). Петрозаводск: Периодика, 1999.

Муллонен, 1994 – Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. Санкт—Петербург: Наука, 1994. –157 С.

СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972.

СКЯ, Ливв. – Словарь карельского языка. (Ливвиковский диалект) / Под ред. И.В. Сало и Ю.С. Елисеева; Сост. Марков Г.Н. – Петрозаводск: Карелия, 1990.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–4. СПб: Изд. С.–Петербург. ун-та, 1994–1999.

СРНГ – Словарь русских народных говоров./Под ред. Ф.П. Филина. Вып.1–27. М.–Л.,1966–1992.

Ф – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1986–1987.

Федотова В.П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000.

ФРС – Финско-русский словарь. 82000 слов. Сост. И. Вахрос и А. Щербаков. Под ред. В. Оллыкайнена, И. Сало. М.,: «Русский язык», 1975. 816 С.

Uusi Suomalainen nimikirja. – Keuru: Otava, 1988.

Антропонимия города Вологды и Вологодского уезда XVI–XVII вв. как источник изучения локальной языковой картины мира

Сегодня широкое развитие получает антропологическая лингвистика, имеющая своей целью «изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [Вендина: 1998, 5]. В русле антропологической лингвистики особое внимание уделяется изучению ценностных параметров локальных языковых картин мира, которые выражаются средствами разных уровней языка. Антропонимия как составная часть лексической системы языка наиболее органично связана с культурой этноса и обусловлена особенностями национального характера.

Как известно, закономерности общественного устройства прежде всего отражаются на принятой в официальных документах модели именования лица. Личные наименования людей в различных документах официально-делового характера содержат в себе информацию, связанную не только с особенностями социально-экономического развития отдельных регионов России в рассматриваемый период времени, но и с уровнем духовного развития общества.

Анализ системы личных имён с позиций одного из актуальных направлений в исторической антропонимике, признающего специфику лексического значения имён собственных по сравнению с апеллятивами, позволяет установить национально-культурный компонент значения имени собственного, соединяющий знак и концепты, стереотипы, эталоны, символы, на основе которых и происходит формирование языковой картины мира (см. работы М. Косничану, В.И. Супруна, Е.А. Тарнопольской и др.)

Изучение личных именований в памятниках вологодской официально-деловой письменности конца XVI – XVII вв. позволило выявить две наиболее важные оппозиции в локаль-

ной антропосистеме рассматриваемого периода. Первая оппозиция заключается в противопоставлении официальных моделей именования представителей высших и низших сословий населения. Как следствие социальной неоднородности антропонимических единиц возникает вторая оппозиция, заключающаяся в противопоставлении антропонимии города и села.

В XVI–начале XVII вв. Вологодский край – один из наиболее развитых в экономическом отношении районов и играет значительную роль в жизни страны. Сухоно- Двинской водный путь является важнейшей торговой артерией страны, проходит он из Архангельска в Москву через Устюг, Тотьму и Вологду. Вологда служит перевалочным пунктом всех грузопотоков, местопребыванием многих европейских и русских торговых фирм. Кроме того, реки Вологда и Тошня являлись путями для «внутреннего», земледельческого освоения региона.

Численность населения г. Вологды по переписи 1678 г. равнялась 4102 чел. [Водарский: 1970, 257]. Население города в XVII веке делилось на служилых и посадских тяглых людей.

Вологодский уезд является самым северным из районов России, где преобладало поместно-вотчинное землевладение. Далее к северу располагались уезды, населённые в основном государственными крестьянами, тогда как фактически все чёрные волости Вологодского уезда (кроме него ещё Устюжно-Железопольского и Белозерского) к 30-м годам XVII века были поглощены помещичьими и монастырскими владениями [Данилова: 1984, 162].

Основную массу населения Вологодского уезда составляли крестьяне и бобыли. Собственно крестьяне обрабатывали полные наделы и платили с них полные оклады поземельного тягла. Бобыли – «маломочные крестьяне» - либо обрабатывали земельные участки меньшего размера, либо жили только сельскими промыслами и ремесленным трудом. Бобылей в Вологодском уезде, по подсчётам Я. Е. Водарского, оказалось втрое меньше (всего 11 %), чем наблюдалось в среднем по стране [Водарский: 1968, 426].

В вотчине Спасо – Прилуцкого монастыря в XVII веке было также две категории тяглого населения – крестьяне и пашенные бобыли. Кроме них монастырскую пашню обрабатывали *монастырские детёныши* – монастырские работники, нанятые под поручительство и получавшие обычно годовичную заработную плату. Зависимость детёныша от монастыря прекращалась по выполнении срочного обязательства, если детёныш уходил из монастыря до срока, то тогда он или его поручитель должны были выплатить монастырю известную сумму денег [Греков: 1954, 154].

Рассмотрим особенности функционирования личных имён (календарных и некалендарных) и фамильных прозваний в моделях именования лиц различных социальных слоёв населения, учитывая территорию проживания (город – село).

В первой половине XVII в. на территории сельской местности Вологодского уезда репертуар как внутрисемейных, так и прозвищных некалендарных личных имен был значительно разнообразнее, нежели в городе, что объясняется более длительной сохранностью в сельской местности традиционных принципов именования. Город Вологда, будучи в XVII в. крупным торгово-промышленным центром на Европейском Севере России, оказался подвержен влиянию центральных регионов государства, где быстрее шел процесс утраты некалендарных имен. Вероятно, на более быстрое исчезновение прозвищных некалендарных личных имен из официального именования лица в городе повлияла и деятельность многочисленных церквей.

Количественные характеристики состава *внутрисемейных* некалендарных личных имен имеют существенные различия по отдельным социальным группам населения. Более всего внутрисемейных имен отмечено в официальном именовании представителей низших сословий – крестьян и мелкого сословия горожан: «молодчие» посадские люди – *Пятунка* Мурзин (ДКВ, 1616-1617, 341); *Суботка* Игнатъев (ДКВ, 1616-1617, 339); городская беднота – *Меншичко* Оникеев, «ходить по миру» (ПКВ, 1629, 109); *Замятка* Устинов с., нищей (КПВ, 1678, 229); ратные люди «государевой приборной службы» –

стрѣлец *Шестунка* Васильев (ПКВ, 1629, 100); пушкарь *Поспѣлко* Оконичков, (ПКВ, 1629, 99); воротникъ *Пятунка* Ондреевъ (ПКВ, 1629, 98) и т.п.

Значительно реже внутрисемейные некалендарные личные имена встречаются в именовании людей высшего служилого сословия – сыны боярские - *Любим* Тефеняков (ПКВ, 1629, 55), *Третьяк* Козлов (ПКВ, 1629, 147); помещики – *Сухань* Филиппевъ с. Хлопин (Купч., 1596, ОСВ, вып. 6, 9); *Шестунка* Григоревъ (Челоб., 1626, С–I, № 20, 295).

Ряд лексем, лежащих в основе *прозвищных* имён с характеристикой свойств личности и поведения человека, имеют внесоциальный характер. Однако некоторые прозвищные имена встретились только в одном из сословий либо преобладают в одном из сословий, что позволяет сделать определённые выводы о наиболее актуальных для каждого сословия духовных ценностях, отражённых в изучаемом отрезке языковой картины мира.

Только в именовании лиц служилого сословия отмечены прозвищные имена, образованные от имён существительных со значениями 'трусость' - *Иоаким* Иванов с. *Трусов* (Дан., 1558, САСК(К), № 171), ср. в гов. *трус* 'робкий, боязливый человек' [ВФ, 103]; 'ложь, хвастовство' - *Иев* Демидович *Голохвастов*, думный дворянин (КПВу, III, 1678, 66), ср. *голохваст* 'бахвал, хвастун, пускающий пыль в глаза' [Ганж., 132]; 'грубость, нахальство' - *Федка* Кузминъ с. *Басалай* (КПВ, 1678, 282 об.), ср. *басалай* 'грубиян, нахал', волог. [Ф, I, 130]. Подобные черты характера и свойства личности не соответствуют облику достойного дворянина, порицаются дворянским «кодексом чести».

Прозвищные имена, восходящие к апеллятивам со значениями 'трудолюбие' и 'уклонение от работы'; 'ловкость, сноровка' и 'медлительность', хотя и не являются исключительной принадлежностью сословия посадских людей, но обладают значительной активностью в именовании жителей посада: *Осипко* Ивановъ с. *Крутко* (ПКВ, 1629, 52), прозв. *Крутко*; ср. в гов. *крутой* 'скорый, проворный, быстрый' волог., ярс., пск., смл. [ВФ, 54]; *Ондрюшка* Семеновъ с. *Копоти-*

ловъ, каменщикъ (ПКВ, 1629, 136), ср. *копотиться* 'пытаться, стараться' Верх. Булыч. [СВГ, И-К, 101]; Тренка *Валов* (ДКВ, 1616-1617, 366), ср. в гов. *вал* 'лентяй, лежебока' костр., новг., волог. [ВФ, 20]. Можно предположить, что репертуар прозвищных имён в среде мастеровых, ремесленников, торговцев и прочего рабочего населения старорусского города отражает одну важную особенность ценностной картины мира горожанина XVII века: актуальными являются те качества человека, которые измеряют степень его предприимчивости, желание и умение трудиться и организовать своё дело.

Те немногие прозвищные имена крестьян, которые попали на страницы писцовых документов, ещё более акцентируют внимание на зависимом положении именуемых. Наиболее полный состав имеют лексические множества 'пьянство'; 'озорство, задиристость'; 'упрямство'; 'гневливость'; 'суетливость' - *Заноза* Дмитриев (КПВу, 1589, 42), ср. *заноза* 'задира' [Д, I, 609]; *Брага* Неверов (КПВу, 1589, 9), ср. *Брага* 'гуляка, пьяница' [Селищ., 110]. Вероятно, безразличие к результатам своего труда, порождённое отсутствием чувства собственности, делало человека ленивым, пристрастным к выпивке. Однако в народной среде отношение ко всем этим свойствам человеческой натуры было отрицательным, о чём свидетельствует большое количество имён и прозвищ, содержащих пейоративную оценку обозначаемых ими свойств и качеств.

Для каждого сословия характерен свой репертуар отпрофессиональных имён, причем число данных имён в именовании сословия горожан во много раз превышает их количество в других сословиях. Фамильные прозвища и прозвания посадских людей, как правило, содержат информацию о профессиях, имеющих место в период жизни самого именуемого: *бобыль* Жданко Ивановъ с. *подъемщикъ* (ПКВ, 1629, 157); *Тимошка* Михайловъ с. *Мельникъ* (КПВ, 1678, 103). Преобладают прозвища, указывающие на наиболее распространённые в изучаемый период времени промыслы и ремёсла.

Средствами жизни у посадских людей были ремесло и мелкая торговля. Уже к началу XVII века Вологда становится крупным рынком животного сырья (кож, сала, мяса). В этот

период активно развивалась торговля солью, рыбой, кузнечное дело, свечной промысел, судостроение. Город славился своими мастерами, кузнецами, плотниками, каменщиками, иконописцами. Профессии передавались из поколения в поколение, появлялись потомственные мастера, ремесленники. На страницах Писцовой книги Вологды 1629 года и Переписной книги 1678 года содержится множество указаний на род занятий посадских людей. Ср.: Д. тяглою *сапожника* Терешки Семенова сына Быструни, да *пирожника* Нестерка Гаврилова, да *масленика* Гришки Ерохова ... (ПКВ, 1629, 177); Д. тяглою *рыбниковъ* Якушки да Тренки Ѳедоровыхъ дѣтей Воробьевыхъ (ПКВ, 1629, 182); Д. вологодского *каменщика* Андрюшки Аверкиева сына Бабушкина (КПВ, 1678, 97 об.); Д. посацкого *кирпищика* Обросимка Ѳедорова сына (КПВ, 1678, 66).

В книгах нередко встречаются ремесленники и среди стрельцов: стрельцам позволялось «прирабатывать», торгуя мелкими изделиями собственного «рукомесла» [Смирнов: 1978, 38]. Ср.: Л. стрѣльца Постничка Вахрамѣева (ПКВ, 1629, 56); *Кузница* стрѣльца Баженка Елизарьева ... (ПКВ, 1629, 79). Упомянутого в дозорной книге *стрельца* Десятку Потапова (ДКВ, 1616-1617, 348) в писцовой книге находим в составе следующей записи: Д. *каменщика* Десятка Потапова (ПКВ, 1629, 116).

Появлялись фамильные прозвища и потомственные фамильные прозвания по названию тех профессий, которыми владели представители одной семьи. Ср.: Д. тяглою Меркушки да Ондрюшки Осиповыхъ дѣтей *Оконичниковъ* (ПКВ, 1629, 178); Л. ... п. ч. Овдѣйка Ѳедорова сына *Хомутильников* (ПКВ, 1629, 33); Д. Стенки Давыдова сына *Красильника* (КПВ, 1678, 135); Д. п. ч. Никифорка Михайлова сына *Пушников* (КПВ, 1678, 223).

Отпрофессиональные прозвища и прозвания лиц служилого сословия в основе своей содержат имена нарицательные, восходящие к названиям уже не существующих профессий или должностей, ср. *Ратман*, *Чашник*, *Кушник*. *Ратман* Гарбевъ губной староста (Челоб, 1628, С-І, № 10, 121), ср. др.-рус. *ратман* 'член магистрата или купеческого управле-

ния в зап. губерниях' [Супер., 280]; Мартынь *Кушников*, помещик (Челоб., 1625, С-І, № 2, 9), ср. *кушня* 'шалаш лесорубов в лесу', арханг. [Ф, II, 439], фамилия от прозв. *кушник* 'содержатель кушни' [Поляк., 129]; Осипко Петровъ с. *Чашниковский* (ПКВ, 1629, 65), ср. *чашиник* на Руси – 'придворный, виночерпий, у которого напитки в ведении и чарочки под рукою' [Д, IV, 502].

Фамильные прозвания служилых людей содержат также информацию о воинских чинах (*Сотник*, *Майор*) или имеют косвенное отношение к воинской службе (*Стрелок*, *Караул*). Ср.: Иванъ Ивановъ с. *Майоровъ* (КПВ, 1678, 8); Филиппо *Карауловъ*, приказчик (Челоб., 1663, ОСВ, вып. 8, 22) – прозв. *Караул*; ср. в гов. *караульный* 'сторож' череп., 'церковный сторож', костр. [ВФ, 42]; Дмитрий Фёдоровъ с. *Стрелковъ*, помещик (КПВу, VIII, 1678, 50б.). Ср. также личное имя *Сотник* Оладьин, помещик (Челоб., 1628, С-І, № 18, 270), ср. *сотник* 'начальник сотни'; армейские и казачьи полки делились на сотни, которыми командовали стрелецкие или казачьи сотники [Ганж., 449].

Репертуар прозвищных имён, восходящих к названиям животных, птиц, насекомых заметно различается в разных социальных слоях населения. Крестьянские прозвищные имена образованы в большинстве своём от названий животных, незаменимых в крестьянском хозяйстве (*Овца*, *Кобыла*, *Баран*, *Корова*, *Козёл*, *Конь*, *Бык*), домашних животных (*Собака*) и некоторых диких животных и птиц, являющихся объектом охотничьего промысла (*Соболь*, *Лисица*, *Кулик*). Вероятно, в крестьянском зоофорном именнике пережитки древнего тотемизма оказались более прочными.

Прозвищные имена служилых и посадских людей в большей мере ориентированы на создание яркой образности, т.е. указывают на какие-либо внутренние или внешние качества именуемого. В качестве апеллятивных основ данных имён выступают не только названия животных, но и птиц, насекомых. Ср.: Дмитрий Ивановъ с. *Сычов*, помещик (КПВу, VIII, 1678, 104), прозв. *Сыч* по названию птицы *сыч* могли дать сердитому, нелюдимому человеку или человеку с неприят-

ным, хриплым голосом; в арх. гов. *сычить* 'сипеть, хрипеть, сипло кричать' [Поляк., 217]; Жук Мартьяновъ, подъачий (Челоб., 1625, С-1, № 2, 22), Жданко Жукъ, бобыль (ПКВ, 1629, 104), ср. в гов. жук 'пронырливый, жуликоватый' ярс. [ВФ, 35]; в гов. жук 'смуглый, черноволосый человек'; 'ловкач' [Полякова, 83].

Наблюдение над составом оттопонимных антропонимов в именовании лиц разных сословий позволяет говорить об определённой специфике их употребления. Во-первых, следует отметить разнообразие репертуара оттопонимных имён в именовании каждого социального слоя населения, практически отсутствуют фамильные прозвания, повторяющиеся в нескольких сословиях. Во-вторых, оттопонимные антропонимы лиц разных сословий различаются и по своей функции.

Прозвища и фамильные прозвания представителей служилого сословия в большинстве своём уже являются наследственными родовыми именованьями, образованными от названий тех мест, которыми изначально владели предки именованного: князь Иван князь Петровъ с. *Ухтомский* (КПВу, III, 1678, 205 об.), ср. река *Ухтома* [Ганж., 494]; князь Тимофей князь Афонасиевъ с. *Колотовский*, стольникъ (КПВ, 1678, 27) - выходец или владелец д. *Колотово* [ВФ, 48].

Прозвища и прозвания лиц других сословий служат указанием на прежнее место жительства или место рождения именованного, непосредственно отражая миграционный процесс на территории Вологодского уезда XVII века.

Самая большая группа оттопонимных фамильных прозваний посадских людей представлена антропонимами, образованными от названий городов: Оедька Офонасьев с. *Тверитин* (ПКВ, 1629, 42); Ермолка Углеченин (ПКВ, 1629, 166); Афонка Григорьевъ с. *Устюжанинъ*, дворникъ (ПКВ, 1629, 97); Митка *Ярославец* (ДКВ, 1616-1617, 358); Омелянко *Москвитин* (ДКВ, 1616-1617, 353) и др.

Выделяется группа фамильных прозваний посадских людей, восходящих к названиям рек: Михалко *Водогин*, сторож (ПКВ, 1629, 184) - выходец с реки *Водога* [ВФ, 22]; Пятунка

Мологин, каменщик (ПКВ, 1629, 116) - выходец с реки *Мологи* [ВФ, 63] и др.

Отмечены также антропонимы, образованные по названию какой-либо местности или деревни: Офонка *Кокшарь* (ПКВ, 1629, 85), ср. *кокшар* 'житель Кокшеньги (местность по берегам реки Кокшеньги)' [СРНГ, XIV, 108]; Никифор Якимов с. *Чарондин*, стрелец (Каб., 1661, САСК(С), № 54, 111), ср. *Чаронда* – село Печенгского с/с Кирилловского р-на, расположенное на западном берегу оз. Воже [ГНВО, 382].

В моделях именования крестьян зафиксировано незначительное количество оттопонимных фамильных прозваний, возникших в основном от названий рек и деревень: Прибыток *Сурин* (КПВу, 1589, 12) - *Сура* – приток р. Пинеги, впадающей в Северную Двину [ВФ, 99]; Ивашко Елфимовъ с. *Писемской* (КПВу, I, 1678, 373) - *Письма* - приток реки Костромы [Ганж., 368]; Богдан Семенов с. *Рабански* (Челоб., 1629, ГАВО, ф.1260, оп. 11, № 10), ср. *рабангский* – выходец из Спасо-Рабангского монастыря, название монастыря по реке *Рабанге* (Верхняя Сухона) [ВФ, 84]; Неустройко Фёдоровъ *Корепанинь* (ПОВу, 1630, № 7, 28) - выходец из деревни *Корепино* [ГНВО, 175-176].

Календарные личные имена, отмеченные в вологодских документах, составляют большую часть мужского и женского именника первой половины XVII в. (их доля равна 79 %) и почти полностью вытесняют некалендарные личные имена к последней трети XVII в. (98 %). Антропонимический материал документов массовой переписи и некоторых видов частных актов свидетельствует о том, что в рассматриваемый период отсутствует социальная дифференциация календарных личных имён. Состав наиболее употребительных имён разных сословий (служилых и приказных людей, посадских людей, священнослужителей и крестьян) имеет много общего. Для всех четырёх сословий установлены одни и те же наиболее популярные имена и имена со средней стабильной активностью: *Иван, Фёдор, Василий, Семён, Григорий, Петр, Алексей, Мария, Анна*).

Отсутствие социальных различий в выборе календарных личных имён людьми всех сословий XVI – XVII вв. характеризует менталитет русского народа в целом на данном этапе исторического развития. Это говорит о широком распространении ассоциативного фона календарных личных имён, обусловленного сменой мировоззрения: языческого на христианское.

Анализ именников отдельных социальных групп населения позволяет говорить о различиях, связанных с количественными показателями репертуара имён. Репертуар календарных личных имён XVII в., обслуживающий податную часть населения Вологодского уезда (посадское население и крестьяне) в целом уже репертуара имён, имеющегося у сословий землевладельцев и священнослужителей.

Разнообразие репертуара имён священнослужителей создаётся большим количеством редких имён. Чаще всего редкие имена встречаются у представителей монашества - ср.: дьякон *Аммон* [ПКВ, 1629, 24]; игумен *Питеримъ* [Челоб., 1626, САСК(К), № 5, 5]; архимандрит *Малахъ*, где, как известно, старались использовать имена, не употребляющиеся в миру.

На территории Вологодского уезда XVII в. наиболее высокие показатели КО* отмечены в среде посадского населения г. Вологды, а также в среде крестьян, проживающих в сельской местности. Высокий КО в городе объясняется большой концентрацией населения, в сельской местности наблюдается широкое распространение обычая одноименности. По свидетельству Е.Н. Баклановой, анализ переписных книг 1678 и 1717 г.г. по Вологодскому уезду показывает широкое распространение одноименности не только в семье, но и среди односельчан [Бакланова: 1971, 107-108], ср.: «Д. вдовы Ирины ... дочери Федки Софонова у нее дворникъ села Турунтаева

* Коэффициент одноименности (КО) представляет собой отношение репертуара имен к числу имяносителей. Имена с числом носителей, равным КО и превышающим его, являются частыми именами [Бондалетов: 1983, 115].

крестьянин *Ивашко Иванов* сын у него *Ивашко* трех лѣтъ» (КПВ, 1678, 3 об.).

Явление одноименности находит объяснение в ценностных ориентациях, характере и обычаях крестьянской общины в целом, которой, по словам С.Е. Никитиной, присуща в первую очередь такая черта, как «невыделенность личности из социума, обусловленная прежде всего традиционным образом жизни» [Никитина: 1993, 11].

Процесс образования русских фамилий носил разнородный характер как применительно к различным сословиям населения, так и к различным регионам России. Местоположение Вологодского уезда в социально-экономической зоне преобладающего поместно-вотчинного землевладения определило некоторые региональные особенности процесса формирования третьего компонента модели именования лица в вологодских деловых документах.

По данным вологодских памятников деловой письменности именования горожан, построенные по трёхкомпонентной модели, в первой половине XVII в. составляли 5,92 % от всех других отмеченных моделей именования, во второй половине XVII в. их доля равнялась уже 39,58 % . Употребляются ещё фамильные прозвания, но активно идёт процесс становления профессионально-должностных фамилий, функционировавших в среде ремесленников и торговцев: Захарко Васильевъ с. *прядильщикъ* (ПКВ, 1629, 114) и Куземка Потаповъ с. *Прядильщиков* (ПКВ, 1629, 183); Патрекейка *квасник*, бобыль (ПКВ, 1629, 107) и Захарко Патрекѣевъ с. *Квасников* (КПВ, 1678, 287).

Известны целые династии крупных вологодских купцов XVII века: Алачугины, Верещагины, Гладышевы, Белавинские, Глазуновы, Желвунцовы, Сычуговы и др. Ср.: Пол.-л. п. ч. Лазарка *Алачугина* (ПКВ, 1629, 38); Двѣ лавки п. ч. Лазарька *Алачугина*, по лицу въ сапожной рядѣ 5 сажень съ третью (ПКВ, 1629, 35); Гаврилко Исаковъ с. *Алачугин*, кожевникъ (ПКВ, 1629, 178); Д. гостиной сотни Микифора Константинова сына *Парфеньева* (КПВ, 1678, 280 об.); «Д. пуст гостя Гаврила Мартянова сына *Оетиева*» (КПВ, 1678, 57 об.).

У вологодских частно-владельческих (помещичьих) крестьян, как правило, отсутствует третий компонент в модели именования в писцовых и некоторых других документах, но у монастырских детёнышей (крестьян, приписанных к монастырю и обрабатывающих монастырскую пашню), третий компонент, напротив, зачастую присутствует в тех же самых документах, ср.: в. *Евлашко Алексѣевъ* (ПОВу, 1630, № 9, 165); «Д. Якова Семенова сына Кузмина у него живет крестьянин ево *Өетка Никифоров сын*» (КПВ, 1678, 31); «бежали детеныши крестьянские дѣти живущие в монастыре поблизости и работающие найму казѣнного ... Аничка Григорьев сынъ Зиновьевской *мухинъ*, Ивашко Өедоровъ с. Прозвание *раковъ*» (КПВу, I, 1678, 396).

Определяющим для процесса закрепления фамилий в официальном именовании, является такой экстралингвистический фактор, как степень юридической самостоятельности именуемого. Писцовые документы используют в основном однотипные двучленные модели для именования однородной массы помещичьих крестьян, перечисляющихся в документе после упоминания полного имени их владельца – помещика. Вероятнее всего, в быту фамильные прозвания крестьян в рассматриваемый период времени уже существовали, но процесс закрепления их как самостоятельной антропонимической категории в официальных документах Вологодского уезда конца XVI – XVII вв. значительно опаздывал по сравнению с теми северными территориями России, где преобладало государственное землевладение. Так, изучение антропонимии и топонимии отдельных территорий Вологодского края, отмеченных черносочным земледелием, позволило лингвистам сделать вывод о том, что ареал трёхкомпонентных фамильных именований крестьян охватывает в XVII – XVIII вв. территорию, расположенную по течению Северной Двины: Устюжский, Двинской, Усольский уезды, а также Устьянские волости [Чайкина: 1982, 53; Смольников: 2000, 276].

Появление третьего компонента в модели именования вологодских крепостных крестьян наблюдается в документах частно-делового характера. В этом случае именование крестьянина употребляется без упоминания имени помещика, его владельца, и поэтому для точной идентификации личности человека становится необходимым использования антропонимических средств, имеющих большую различительную силу, нежели личное имя и отчество: Исачко Леонтиевъ с. *Рукавишников* (Поруч., 1670, ОСВ, вып. 3. 27); Иван Дмитриев с. *Власов* (Порядн., 1593, ОСВ, вып. 6, 15) и др. Таким образом, фамильные прозвания у того или иного сословия развиваются по мере развития официально-деловых отношений внутри членов данного сословия. Естественным, что сфера официально-деловых отношений внутри социальной группы помещичьих крестьян была значительно уже, нежели в других слоях населения.

Как видно из всего вышеизложенного, вологодская антропонимия является одним из источников реконструкции основных параметров локальной языковой картины мира XVI – XVII вв. Средствами языка, а именно собственными именами людей, воссоздаётся картина внутреннего мира, а также социально-экономических отношений в жизни вологжан. Изученный антропонимический материал позволил констатировать отчётливое различие представлений о мире горожанина и сельского жителя Вологодского уезда XVII в. Вологжанин того времени был включён в активный ритм жизни быстро развивающегося города, имел возможность вести своё дело и получать прибыль, осознавал себя самостоятельным юридическим лицом, вовлечённым в сферу официально-деловых отношений. Типичным жителем села на территории Вологодского уезда XVII в. являлся крепостной крестьянин, практически исключённый из сферы официально-деловых отношений. Его мировоззрение соответствовало более ранним обрядам и традициям, уже утраченным в городской среде.

Литература

1. Бакланова, Е.Н. Антропонимия русского населения Вологодского уезда в начале XVIII века / Е.Н. Бакланова // Ономастика Поволжья 2. – Горький, 1971. – С.35 – 41.
2. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендина. – М., 1998. – 240 с.
3. Водарский, Я.Е. Сельское население Вологодского уезда во второй половине XVII в. / Я.Е. Водарский // Вопросы аграрной истории: Материалы науч. конф. по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 15-17 июня 1967г. – Вологда, 1968. – С. 426 – 434.
4. Водарский, Я.Е. Вологодский уезд в XVII в. (К истории сельских поселений) / Я.Е. Водарский // Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. – Вып. 3. – С. 253 – 366.
5. Греков, Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII в. Кн. 2./ Б.Д. Греков. – М.: Наука, 1954. – 468 с.
6. Данилова, Л.В. История северного крестьянства: в 4-х т. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма / Л.В. Данилова, Е.И. Индова, П.А. Колесников и др. – Архангельск, 1984. - 432 с.
7. Косничану, М. Антропоним в социально-культурном контексте / М. Косничану // Материалы к серии «Народы и культуры». Ономастика. Кн. 1. Часть I. Имя и культура. – М., 1993. - Вып. XXV. – С. 226 – 230.
8. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Автореф. дис. докт. филол. наук / В.И. Супрун. - Волгоград, 2000. – 76 с.
9. Тарнопольская, Е.А. Женские библейские имена в истории русской лексикографии: Автореф. дис. канд. филол. наук / Е.А. Тарнопольская. – М., 2002. – 31 с.
10. Смирнов, Д.Н. Очерки жизни и быта нижегородцев XVII – XVIII вв. / Д.Н. Смирнов. – Горький, 1978. – 346 с.
11. Чайкина, Ю.И. Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой

письменности XVII – XVIII вв.) / Ю.И. Чайкина // Вопросы ономастики: Межвуз. сб. научн. трудов. – Свердловск, 1982. – С. 48 – 56.

12. Смольников, С.Н. Фамилии устюжан в памятниках местной деловой письменности XVII века / С.Н. Смольников // Великий Устюг: Краеведч. альманах. – Вып. 2. – Вологда, 2000. – С. 271 – 292.

Сокращения

ВФ – Чайкина, Ю.И. Вологодские фамилии: Этимологический словарь / Ю.И. Чайкина. – Вологда, 1995. – 121 с.

Ганж. - Ганжина, И.Н. Словарь современных русских фамилий / И.Н. Ганжина. – М., 2001. – 672 с.

ГНВО - Чайкина, Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области / Чайкина, Ю.И. – Вологда, 1993. – 480 с.

Д – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / В.И. Даль. – М., 2000. – 4 т.

Дан. – данная

ДКВ – Дозорная книга Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего А. Софонова 1616-1617 гг. (Публикация Ю.С. Васильева) // Вологда / Краеведч. альманах. – Вып. I. – Вологда, 1994.

Каб. – кабала

КПВ – Книга переписная г. Вологды 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14741.

КПВу 1589 – Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589 – 1590 гг. (Подготовлена к печати Н.И. Федышиным) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы. – Вып. II, - Вологда, 1972.

КПВу 1678 – Книга переписная Вологодского уезда 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина Заозерские половины поместные. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14733 (Кн. I), 14740 (кн. VIII), 14734 (кн. II), 14735 (кн. III).

Купч. – купчая

ПКВ – Список с писцовой книги г. Вологды 1629 года // Источники по истории Вологды. – Вып. I. – Вологда, 1904.

ПОВу – Писцовое описание Вологодского уезда 1630 года // Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. – Вып. II. – Петроградъ, 1918.

Поляк. - Полякова, Е.Н. К истокам пермских фамилий: Словарь / Е.Н. Полякова. – Пермь, 1997. – 276 с.

Поруч. – поручная

Поряdn. – порядная

САКС(К) – Колычев А.А. Сборник актов Северного края XVII в. – Вологда, 1927.

САСК(С) – Суворов Н. Сборник актов Северного края XVII в. – Вологда, 1925.

СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вып. 1 – 8. – Вологда, 1983 – 2001.

Селищ. - Селищев, А.М. Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ / А.М. Селищев // Избранные труды. – М., 1968. – С. 97 – 128.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1 – 27. – СПб.: Наука, 1966 – 1992.

Супер. - Суперанская, А.В. Словарь русских личных имён / А.В. Суперанская. – М., 1998. – 528 с.

Ф – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер / Пер. с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёва. – Т. I – IV. – М., 1964 – 1973.

Челоб. – челобитная

**Фамилии дворян Устюженского уезда в XVII веке
(на материале писцовой книги станов и волостей
Устюжны Железопольской 1628–1630 гг.)**

В течение продолжительного периода Устюженский край является объектом внимания разных специалистов. С середины XIX века регион начинает интересовать историков и археологов. На территории уезда проводятся раскопки древних могильников и курганов [2, 18], появляются специальные работы по истории Устюжны Железопольской и ее округа [8, 5–8]. В XX веке история края, отразившаяся в языке, попадает в сферу изучения лингвистов.

Настоящая статья посвящена исследованию фамилий устюженских дворян, зафиксированных в писцовой книге станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 гг. (ПК Уст.). Антропонимические материалы названного источника прежде не были введены в научный оборот.

Задача данной статьи – представить семантический анализ фамилий устюженских дворян.

Известно, что официальная формула именования, состоящая из трех компонентов (имени, фамилии и отчества), сложилась в недрах делопроизводства, при составлении разного рода деловых документов (писцовых, переписных, дозорных книг и т. п.). Процесс ее становления был довольно длительным и имел свои особенности у разных социальных групп. Основное различие состояло во времени возникновения фамилии как антропонимической категории. А.В.Суперанская считает, что самые ранние фамилии XIV–XVI вв. — княжеские и боярские, XV–XVII вв. — дворянские, XVII–XIX вв. — купеческие, XVIII–XX вв. — крестьянские [10, 10–20]. В.А. Никонов полагал, что даже для привилегированных слоев населения становление фамилии завершилось только к началу XVIII века [6, 91]. С.И. Зинин придерживался тех же соображений и считал, что в XVII–XVIII вв. основная масса крестьян и бедных горожан была бесфамильной [4, 15].

Писцовая книга Устюжны 1628–1630 гг. представляет собой материалы переписи тяглого населения уезда в начале XVII века и содержит точные сведения обо всех жителях уезда в обозначенный период времени. Детальный анализ 1771 именованых крестьян и бобылей показал, что 91% антропонимов состоит из двух компонентов. Только лишь 9% имеют в своем составе третий член, по преимуществу являющийся либо фамильным прозвищем или прозванием, либо вторым личным именем (календарным или некалендарным), ср.: Митка Кирилов сын *Кулеш* (ПК Уст., л. 382), Васка Павлов сын *Сухорук* (л. 382); Игнашко Богданов *Скобелев* (л. 446 об.), Гаврилко Кузмин сын *Кудашев*; (л. 210), Васка Амосов сын *Карпунька* (л. 409 об.), Невка Алферьев прозвище *Сенка* (л. 118 об.); Ивашко Алесеев сын прозвище *Шига* (л. 180 об.), Ывашко Дмитриев прозвище *Лом* (л. 445) и др. Полученные сведения позволяют утверждать, что на момент переписи основная масса крестьян была бесфамильной и именовалась по имени и отчеству (полуотчеству).

Дворянское население уезда XVII века было немногочисленным, по подсчетам И.В. Пугача, в его составе 111 представителей [9, 74]. Все они имели фамилии, закрепившиеся за членами их рода. П.А. Колесников отмечал, что формирование дворянского населения в уезде началось в XVI – XVII вв. Большое пополнение в XVI веке шло за счет дворян Новгородской земли. После ликвидации Новгородской боярской республики некоторые дворяне из нее были «испомещены» в центральных уездах, в том числе и в Устюжно-Железопольском [5, 46].

В 1628–1630 гг. в уезде насчитывается 67 фамильных дворянских семей, являвшихся землевладельцами. По данным ПК Уст. более 30 из них были выходцами из Новгородских пятин, часть дворян владела поместьями в первом поколении. Так, например, из Бежецкой пятины прибыли Еремеевы, Ефимьевы, Долгоруковы, Колюбакины, Лупандины, Масленицкие, Приклонские, Путиловы, Старковы, Ушаковы; из Водской пятины – Елагины, Линевы, Мещерские, Оболняниковы, Ребровы, Савины; из Обонежской пятины – Борановы,

Горихвостовы, Корсаковы, Мордвиновы, Култашевы, Ханыковы; из Деревской пятины – Бараковы, Мусины, Неплюевы, Обутковы, Румянцевы, Терпигоревы и др.

П. Н. Петров к новгородским родам причисляет Арцыбашевых, Блудовых, Богдановых, Бутурлиных, Быковых, Власевых, Дубровских, Елагиных, Есиповых, Ероховых, Еремеевых, Замыцких, Зыбиных, Извольских, Лодыгиных, Наумовых, Неплюевых, Перских, Трусовых, Чепчуговых, Шепелевых, Яковлевых и др. Все вышеназванные фамилии дворян содержатся в ПК Уст. 1628–1630 гг. [7, 14].

Поместья в уезде имели и выходцы из других городов: новоторжец (Новый Торжок) В.Г. Рыкунов, вязьметин С.К. Соломеин, литвин П.Ю. Деяновский, иноземец С.Л. Букмистров. Иноземцы П. Хурин и П. Зверев обладали землями в одном из станов Устюженского уезда и утратили их по каким-то причинам к 1624 году.

Среди устюженских помещиков в ПК Уст. можно отметить представителей столичного дворянства: стольников Р.Я. и П.И. Лодыгиных, А.И. Годунова, стряпчего О.С. Чепчегова, стремяного конюха М.С. Ренева, жильцов И.А. Отрепьева, Ф.А. Новокщенова, Б.П. Ушакова, И.Я. Дубровского и «царицина чину детей боярских» Н.В. Блудова и В.Б. Снисарева. До 1621 года имел поместье думный дьяк Петр Третьяков.

Кроме чиновничьего дворянства в ПК Уст. отмечены два рода дворян титулованных: князь Григорий Матвеев сын Мещерский (л. 348 об.) и княгиня Ненила Григорьевская жена Мышецкая с сыном князем Богданом (л. 293). По словам П. Н. Петрова, род князей Мышецких (скорее всего, одна из ветвей князей смоленских) никогда не занимал видного положения в московском обществе, был захудалым, малоизвестным при рассеянии по отдаленным местам [7, 286].

Остальная часть помещиков по своему происхождению может быть отнесена к местному уездному дворянству. Это, прежде всего, семейства Батюшковых, Бирилевых, Досадиных, Ломакиных, Перских, Самойловых, насчитывающих до 10 взрослых представителей в одной семье.

Кроме 67 дворянских родов, являвшихся владельцами поместий в уезде в 20-х годах XVII века, в ПК Уст. содержатся сведения о прежних землевладельцах. В общей сложности нами были проанализированы 105 фамилий.

Обратимся к анализу происхождения и семантики фамилий дворян. Большая часть из них восходит к отчествам, образованным от календарных и некалендарных личных имен. Рассмотрим их.

Всего четырнадцать именовании относятся к фамилиям, восходящим к полным календарным л.и. или их модификатам, среди них: *Елагин < Елага < Ел(изар)* – из др.-евр. 'Бог помог', 'Божья помощь' [СРЛИ;163–164], *Еремеев < Еремей* – из др.-евр. 'Яхве (Бог) возвысил', 'бросать, метать' + 'Яхве', 'возвышенный Богом', 'вестник, посланец олимпийских богов' [СРЛИ;167–168], *Матюков < Матюк < Мат(вей)* – из др.-евр. 'дар Яхве Бога' [СРЛИ;237–239], *Уваров < Увар* – из лат. Варус – фамильное имя в роде Квинтилиев, возможно, из варус 'кривоногий' [СРЛИ*;315], а также *Ерохов, Есипов, Ефимьев, Захарин, Мартьянов, Мусин, Наумов, Савин, Самойлов, Яковлев*.

Фамилия дворян *Мусиных-Пушкиных*, отмеченная в ПК Уст., имеет «двойное» происхождение. Первая часть фамилии восходит к л.и. *Муса*, разговорному варианту календарного л.и. *Моисей* [СРЛИ*;250], а вторая возникла из прозвища *Пушка*, восходящего к апеллятиву *пушка: *В уезде поместье принадлежит вдове Орине Семеновой жене Мусина-Пушкина с дочерью Анницею* (ПК Уст., л. 276). Вероятнее всего, ее муж был представителем столичного дворянства.

Более древними личными именами были имена композита. По словам Ю.И. Чайкиной, среди антропонимов, даваемых в Великом Новгороде при рождении ребенка в XI–XIII вв., сложные имена занимали значительное место. После XIII века они постепенно выходят из употребления. В общей картине личных имен устюжан XVII века количество композита незначительно. В ПК Уст. зафиксированы пять случаев: три дворянских (*Путило* – л. 48 об., *Володимир* – л. 379, *Борислав* – л. 86 об.) и два крестьянских имени (*Володимерко* – л.

429, Добрынко – л. 232 об.). Фамилии, восходящие к древнерусским именам, также представлены редкими случаями. Это такие антропонимы, как *Путилов* < *Путило* < др.-рус. *Путислав* либо *Путимир* [СРЛИ*; 278] и *Рад(т)ков* < *Радко* (*Ратко*) < др.-рус. *Радогость*, *Радомысл*, *Радонег*, *Радослав* или *Ратибор*, *Ратимир*, *Ратислав* [СРЛИ*; 279–280], [12, 120].

К другой основной группе относятся фамилии дворян, возникшие из отчеств, образованных от некалендарных личных имен. Рассмотрим деление данных именовании по семантике производящих основ.

Следует выделить группу фамилий, производящая основа которых отражает внутрисемейные отношения. Эти фамилии восходят к некалендарным л.и., имевшим широкое распространение, к ним относятся: *Богданов* < *Богдан* < **богдан*: 1) *богдан* – ‘название детей обоего пола до крещения’; 2) *богданенок* – ‘ребенок, родившийся вне брака’ [СРНГ:III; 47], *Третьяков* < *Третьяк*, некаленд. л.и.– ‘ребенок, родившийся третьим по счету’ [ВФ; 102], *Ушаков* < *Ушак*, др. рус. *ушан* – ‘ушастый человек’ [СРЛИ; 316].

Фамилии, восходящие к прозвищным именам, достаточно разнообразны, в составе их несколько групп антропонимов, характеризующих человека с разных сторон.

1. К их числу относятся именовании, указывающие на особенности внешнего вида человека, например:

а) физические недостатки: *Култашев* < *Култаш* < **култаш*, ср. *култыш*, *культя* – ‘рука или нога без пальцев’ [Д:II; 216]; *Лупандин* < *Лупанда* < **лупанда*: 1) ‘лупоглазый человек’ Влад., 2) ‘толстая, неповоротливая и ленивая женщина, девушка’ [СРНГ:XVII; 198]; *Моховиков* < *Моховик* < **моховик*, ср. в говорах *моховик* – ‘о человеке, обросшем волосами’ влад., костр. [СРНГ:XVIII; 312], *Толстой* < *Толстой* < **толстой*, ср. *толстый*, вост. *толстой* – ‘человек плотный, дебелий, тяжелый, объемистие среднего размера’ [Д:IV; 413]; *Долгорукий* < *Долгорукий* < **долгорукий*, апеллатив имеет несколько толкований. Одинакова вероятность того, что любое из этих значений могло стать базой для календарного личного имени, ср.: 1) *долгорукий* – ‘длиннорукий’, Нвг.,

‘вор, воришка, нечистый на руку’ [Д:І; 461], 2) *долгорукий* ‘вор’, Череп., Нвг. [СРНГ:VIII; 108], 3) *долгорука* – ‘деревянный большой ковш с длинной ручкой, употребляемый при варке пива’ [СРНГ:VIII; 108].

б) особый, необычный цвет кожи: *Желтухин* < *Желтуха* < **желтуха*, ср.: 1) *желтый* – ‘желтого цвета’ [СлРЯ XI–XVII:V; 85], 2) в говорах *желтуха* – ‘болезнь – туберкулез легких, чахотка’, Нвг., 3) *желтуха* – ‘растение *Barbarea Beck*, семейства крестоцветных, сурепка’, Нвг., ‘растение семейства лютиковых *Caltha palustris*, калужница болотная’, Нвг., ‘род грибов’, Нвг. [СРНГ:IX; 114], *Румянцев* < *Румянец* < **румянец*, ср. суш. *румянец* – ‘румяна, алая краска’, ‘румянец’ [РФ; 130] [СлРЯ XI–XVII:XXII; 255]; *Сизов* < *Сизый* < **сизый*, ср. *сизый* – ‘темно-серый с синеватым отливом’ [СлРЯ XI–XVII:XXVI; 132].

2. Именования, указывающие на черты характера, особенности речи и поведения человека, отношения его с окружающими людьми, особенно часто становились базой для формирования некалендарных личных имен, а впоследствии и фамилий. Анализ значений апеллативов позволяет судить о системе ценностей человека в Древней Руси. Семантический анализ фамильных основ дает возможность определить те качества личности человека, которые осуждались в людях или же ценились высоко, были достойны уважения. Анализ апеллативов, к которым восходят фамилии данной группы, показал, что качества личности, по которым человек получал прозвище, в большинстве своем носят нейтральный либо отрицательный характер. Анализ фамильных основ позволяет назвать следующие признаки: упрямый, неуступчивый человек: *Ломакин* < *Ломака* < **ломака* – ‘спесивец, кто ломается, заставляет себя упрасивать’ [Д:IV; 265]; человек, который говорит много и попусту: *Колюбакин* < *Колюбака* < **колюбака*, ср.: 1) *колюбашить* – ‘молоть вздор, говорить пустяки, пустословить’, влгд. [Д:II; 144]; 2) *кульбака* – ‘седло’, Смол. [СлРЯ XI–XVII:VIII; 116]; человек, любящий насмеяться над кем-л., чем-л.: *Улыбашев* < *Улыбаша* < **улыбаша*, ср. *улыбаться* – ‘ухмыляться, осклабляться, усмехаться’ [Д IV; 490]; *льстивый*

человек: *Огибалов* < *Огибала* < **огибала*, ср.: *огибала* – ‘льстец, пролаз, ловкий плут’, *огибенить* – ‘обмануть, надуть’; кроткий, тихий / грубый, дикий человек: *Трусов* < *Трус* < **трус* – ‘робкий, боязливый человек’ [Д:IV; 438], *Зверев* < *Зверь* < **зверь*, др.-рус. *зверь* – 1) ‘дикое животное’, 2) ‘о жестоком, свирепом человеке’ [СлРЯ XI–XVII:V; 355]; озорной, проказливый человек: *Блудов* < *Блуд* < **блуд*, ср.: *блудить* – 1) ‘блуждать, сбиваться с дороги’, 2) ‘прелюбодействовать, распутничать’ [СлРЯ XI–XVII: I; 244–245], 3) ‘блажить, шалить, озорничать’, Волог. [СВГ: I; 33]; доставляющий неприятности, несчастья человек: *Досадин* < *Досада* < **досада*, ср.: *досади-ти* – ‘оскорбить, причинить вред, сделать что-либо неприятное’ [СлРЯ XI–XVII: IV; 327], *досада* – ‘горе, огорчение’, Арх. [СРНГ: VIII; 137].

В некоторых случаях некалендарное личное имя возникало на базе переносного, метафорического значения слова, а установить его оказывается не всегда возможным, поэтому приходится прибегать к вероятностным характеристикам. Так, например, фамилия *Ребров* < *Ребро* < **ребро* (ср. 1) *ребро* – ‘одна из долгих, плосковатых костей, идущих у животных от хребтовой до грудной кости и обнимающих грудную часть брюшной полости’. 2) ‘край, кромка, гребень, острая грань, щипец, острый или узкий бочек вещи’. [Д:IV;87]) Возможно, что у слова **ребро* было и вторичное значение (ср.: *ходить ребром* – ‘хорохориться, важничать’ [Д:IV;87]): *Ходит он ребром, не знается с гольем*. Сим. Посл. XVII в. *Ребром отка-таться, что серебром отплатится* Сим. Посл. XVII в. [СлРЯ XI–XVII:XXII;126]. По-видимому, прозвище *Ребро* мог получить чванливый, заносчивый человек.

3. Особым идентифицирующим признаком был голос человека. Внимание больше уделялось каким-то недостаткам речи. В данную группу могут быть включены следующие фамилии: *Крекшин* < *Крекша* < **крекша*, 1) ср. гл. *кректати* – ‘трещать, кричать (о лягушках, жабах)’ [СлРЯ XI–XVII:VIII;28]. 2) *кректать* – ‘издавать крик (о птицах)’ Волог. 3) *кректать* – ‘кряхтеть, стонать, охать’ Арх. [СРНГ:XV;209], *Кукин* < *Кука* (*Ывашко Кукой* (л.444об) – второе личное имя, отмечено в

среде крестьян) < *кука 1) ср. гл. *кукать* – ‘издавать голос, кикнуть’. *Сиди ни кукни, ни гу-гу*. Нвг.сев. 2) кука – ‘пирог с кашею’ [Д:II;213].

4. В следующую группу следует выделить фамилии, производящая основа которых, в конечном счете, восходит к названию должностей. *Баскаков* < Баскак < *баскак – 1) ‘татарский наместник, ведавший сбором дани для орды’. 2) ‘лицо, посылаемое на места для исполнения поручений’ [СлРЯ XI–XVII:I;76], *Букмистров* < *Букмистр* (*Бурмистр*) < **бурмистр* – ‘выборный глава городского самоуправления’ [СлРЯ XI–XVII:I;357] и ‘управитель господского имения из крестьян’ [СлРЯ XI–XVII:I;170], *Головин* < Голова < *голова, 1) ср. голова – ‘первенствующий в чем-л., глава чего-л.’, ‘должностное лицо, начальник’ [СлРЯ XI–XVII:IV;63]. 2) ср. в говорах голова – ‘глава семьи, хозяин’ ярс., костр. [СРНГ:VI;298], *Моклоков* [У–3;319] < *Моклок* < *моклок (*маклак*) – 1) ‘сводчик, посредник при купле-продаже’. 2) ‘перекупщик, плут, кулак, барышник’ [Д:II;291].

5. Среди фамилий устюженских дворян отметим такие, производящая основа которых содержит указание на национальную принадлежность. Это фамилии: *Корсаков* < *Корсак* < *корсак 1) корсак – ‘вид небольшой лисицы в киргизской степи’. 2) вят. ‘меховая крестьянская шапка’. 3) ‘так называют киргизов, корсаков’ [Д:II;170], *Мордвинов* < *Мордвин* < *мордвин, этн. мордвин – ‘по национальности мордва’ [РФ;109].

6. Немногочисленны фамилии, производящие основы которых отражают названия предметов быта, обуви, продуктов питания, игр и развлечений. Это следующие именованья: *Лаптев* < *Лапоть* < *лапоть [СлРЯ XI–XVII:VIII;171], *Обутков* < *Обутка* < *обутка, ср. *обутки* – ‘обувь’ [СлРЯ XI–XVII:XII;181]; *Квасов* < *Квас* < *квас [СлРЯ XI–XVII:VII;103], *Перепечин* < *Перепеча* < *перепеча, ср. *перепеча* или *перепечь* – ‘род кулича, каравая, праздничного пирога’ [СлРЯ XI–XVII:XIV;273]; *Бирилев* < *Бирюля* < *бирюля, ср. *бирюля* – 1) ‘дудочка, свирель’. 2) ‘игра’ [Д:I;88], *Лодыгин* < *Лодыга* <

**лодыга*, ср. *лодыга* – ‘козна, бабка’, *лодыжник* – ‘охотник до игры в козны’ [Д: I; 262–263].

7. Следующие антропонимы отражают предметы церковного быта и отношения, ср.: *Епанчин* < *Епанча* < **епанча* – ‘церковная одежда, широкий, безрукавый плащ’ [Д: I; 520], *Новокщенов* < *Новокщен* < **новокщен* – образование из бытового языка – причастие прошедшего времени страдательного залога от *кстить* [11, 112], нар. + прил. ‘тот, кто принял православную веру’ [РФ; 135].

8. Ряд фамилий восходит к названиям животных. Антропонимистами давно было замечено, что названия животных, выступающие в качестве личного имени человека, несли особую нагрузку. Люди верили в их охранную силу (тотем) и называли подобными именами детей, чтобы уберечь их от болезней и несчастий. Несколько позже люди стали замечать какие-то сходства во внешнем виде, поведении животного и человека и уже это становится поводом к тому, что последний получает зооморфное имя. А.В. Гура отмечал, что в традиционной культуре образы животных служат одним из средств выражения представлений о мире в различных его проявлениях. Можно говорить об особом зоологическом коде языка культуры. Важнейшей сферой его применения являются представления, связанные с человеком [3, 22]. Среди фамилий устюженских дворян видим именованья, восходящие к названиям домашних и диких животных, рыб, насекомых. Ср.: *Баранов* < *Баран* < **баран* [СлРЯ XI–XVII: I; 71], *Быков* < *Бык* < **бык*, ср. в говорах *бык* – ‘об упрямом, капризном ребенке’, костр., ‘о молчаливом, серьезном, имеющем как будто серьезный вид человеке’, твер. [СРНГ: III; 342], *Линев* < *Линь* < **линь*, ср.: *линь* – ‘рыба’ [СлРЯ XI–XVII: VIII; 236], *Муравьев* < *Муравей* < **муравей*, ср.: *муравей* – ‘о человеке небольшого роста’ [ВФ; 42], в народных представлениях находит отражение трудолюбие этих насекомых [3, с.511], *Неплюев* < *Неплюй* < **неплюй (неблюй)* – ‘олений теленок до полугода’, *неблюйка* – ‘шкура неблюя на одежду’ арх., сиб. [Д: II; 502], *Собакин* < *Собака* < **собака* [СлРЯ XI–XVII: XXVI; 11].

9. В составе фамилий устюженских дворян есть такие, в основе которых лежат двусосновные имена. К ним относятся: *Голопупов* < *Голопуп* < **голопуп* < **гол(ый)* + *пуп*, *Горихвостов* < *Горихвост* < **горихвост* < **гори* + **хвост*, *Терпигорев* < *Терпигоре* < **терпи* + **горе* [РФ; 135]. По мнению А.М. Селищева, появление прозвищ, образованных из повелительного наклонения глагола и имени, обусловлено влиянием древних образований с основой на -i (*Мстислав*, *Держикрай*), в которых первая часть стала восприниматься как форма повелительного наклонения. Образование прозвища с глагольным [о] в первой части применялось еще чаще [11, 119].

10. По словам А.М. Селищева, особенностью феодальных фамилий является то, что среди них было много таких, которые «определяли территориальную область», принадлежащую именуемому. Такие фамилии часто были осложнены суффиксом -*ский* [11, 97]. В нашем случае к ним могут быть причислены фамилии *Дубровский*, ср. многочисленные названия селений в уезде: *Дубровка Игнатьевская*, *Дубровка Песочная*, *приселок Дубровка Железная*, *деревня Красная Дубровка* и др., *Перский*, ср. название погоста и реки *Перя*, *Ренев*, ср. гидроним *Реня*. Ряд фамилий дворян указывал на местность, откуда они вышли, ср. *Мещерский* < *Мещера* – ‘первоначальное название племени и края’ [РФ; 105].

Чаще же всего суффикс - *ский* указывал на знатное происхождение. В ПК Уст. 1628–1630 гг. отмечено 11 подобных именовании. Некоторые из них восходят к календарным и некалендарным личным именам, ср.: *Деяновский* < *Деян* < 1) слав. разг. *Диан*, *Диян* – от *деяти* – ‘делать, работать’. 2) *Дий** из греч. *диос* – ‘божественный, лучезарный’ [СРЛИ*; 167]; *Негановский* < *Неган* др.-рус. л.и. отмечено в новгородских берестяных грамотах [12], *Панковский* < *Панка* < *Пан-Штелеймон* из греч. *пантелейя* – ‘совершенство, завершение, высшая ступень’ [СРЛИ*; 264] или < *Панкратий* из греч. ‘всемогущий всевластный, всесильный – эпитет Бога’ [СРЛИ*; 275–276]; *Новицкий* < *Новик* < **новик*, ср. 1) *новик* – ‘все новое, свежее’. 2) ‘прислужник князей из недорослей’, ‘мальчик, начавший службу при дворе, паж’. 3) ‘новобранец, новичок,

вновь поступивший в должность на службу' [Д;II;550]. 4) нов.календ. 'ребенок, рожденный для новой жизни' [СРЛИ*;251], *Масленицкий* < *Масленик* < **масленик*, ср. *масленик* 1) 'баловень, любимчик, кого держат в холе, неге'. 2) 'продавец или возчик коровьего или постного масла'. 3) 'сосудец для смазки снарядов'. 4) 'держатель, хозяин маслянки, маслобойни'. [Д;II; 303]. Часть фамилий данной группы вызывает затруднения при определении семантики, это такие, как Востинский, Желегожский, Замыцкий, Изволский, Мышецкий.

11. Особенностью дворянских именований является широкое распространение фамилий тюркского происхождения. Некоторые из них допускают разные толкования, например: *Ханыков* < *Ханыка* < **ханыка* 1) от слова *қапуқ*~*хапуқ* – 'опытный, ловкий в работе', 'понятливый', возможно, 'хитрый, ловкий' [1, 65] 2) Ср. в говорах *хананыга* Нвг. *хандрыга* – 'праздный шатун по угощениям'; *ханыга* об. каз., кал.. тамб. 'хам, халуй' // 'попрошайка, канюка', гл. *ханыжить* – 'шататься, проедаться без дела' [Д;IV;542], *Кушелев* (*Кошелев*) < *Кушель* (*Кошель*) < **кушель* (**кошель*). В ПК Уст. отмечено двойное написание фамилии. 1) от *küşül*~*küşelek* – 'небольшое животное', ср. нагайск. *kuselek* – 'щенок' и др. [1, 104], 2) Др.-рус. *кошель* – 'мягкая, складная корзина, плетеный или вязаный кулек, сетчатый мешок, сумка, крестьянская котомка из лыка, бересты, денежная сумочка' [Д;II;181]. Фамилии *Базаров* и *Баскаков* образованы от русских слов заимствованных из тюркского языка. Некалендарное личное имя Базар мог получить ребенок, родившийся в базарный день, ср. тюркс. *bazar* – 'рынок' [1, 30]. Остальные фамилии образованы с помощью русских суффиксов -ов/-ев, присоединенных к основе тюркского слова, это такие, как *Арцыбашев*, *Бараков*, *Бутурлин*, *Годунов*, *Сабуров*, *Шетнев* [1, с.215, с.63, с.36, с.58, с.56, с.142–143]. У части фамилий этимология осталась неясна. Среди них: *Болношин*, *Снисарев*, *Качасов*, *Чепчegov*, *Шадеev*, *Шукертов*. Звуковое оформление последних четырех фамилий указывает на их иноязычное происхождение.

Таким образом, анализ семантики фамилий дворян Устюженского уезда, отмеченных в ПК Уст. 1628–1630 гг., показы-

вает, что исследуемые антропонимы отражают особенности системы дворянских именований, присущие только для представителей феодального сословия, а именно: незначительное число профессиональных фамилий (в основном они восходят к названиям должностей); наличие суффикса *-ский*, как показателя знатности; распространение фамилий тюркского происхождения.

Литература

1. Баскаков А.Н. Русские фамилии тюркского происхождения.— М, 1979.

2. Башенькин А.Н. Древности земли Устюженской // Устюжна: историко-литературный альманах.— Вып.1.— Вологда, 1992.— С.18—30.

3. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции.—М.,1997.

4. Зинин С.И. Русская антропонимия XVII—XVIII вв.(на материале переписных книг городов России). Дисс. канд. филол. наук.—Ташкент, 1969.

5. Колесников П.А. Дворянство Устюженского уезда XVI—начала XX веков// Устюжна: историко-литературный альманах. — Вып.2.— Вологда, 1993.— С.42—61.

6. Никонов В.А. Имя и общество. — М.,1970.

7. Петров П.Н. История родов русского дворянства.— Кн.1.— М.,1991.

8. Пугач И.В. Устюжна Железопольская в XVI—XVII вв. // Устюжна: краеведческий альманах.— Вып.5.— Вологда,2002.— С.5—86.

9. Пугач И.В. Устюжно-Железопольский уезд в XVI— первой половине XVII в.// Устюжна: краеведческий альманах.— Вып.4.— Вологда,2000.— С.5—110.

10. Суперанская А.В., Суслова А.В. Современные русские фамилии.— М, 1984.

11. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А.М. Избранные труды.— М.,1968.— С.97—128.

12. *Чайкина Ю.И.* Мужские некалендарные личные имена в русском языке XI–XIV вв. (на материале новгородских берестяных грамот) (В рукописи).

Сокращения

ВФ – Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: Этимологический словарь. – Вологда, 1995.

Д – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978–1980. – Т. 1–4.

ПК Уст. 1628–1630 гг. – Пугач И.В. Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630гг. // Устюжна: историко-литературный альманахю – Вып.1–3. – Вологда, 1992–1999.

РФ – Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989.

СВГ – Словарь вологодских говоров . – Вологда, 1993 – 2003. – Вып. 1–8.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв.– Т. 1–26.– М., 1975–2002.

СРЛИ – Тихонов А.Н. Словарь русских личных имен. – М., 1995.

*СРЛИ** – Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. – М., 1998.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–27.– М., 1966–1992.

Текст Новгородской летописи глазами историка и лингвиста (замечания А.И. Попова на полях памятника)

А. И. Попов, известный историк и лингвист, посвятивший ряд работ топонимии Карелии, оставил большое научное наследие не только в виде опубликованных монографий, статей, тезисов докладов, но и в виде разного рода помет, которые он делал карандашом при чтении текстов памятников письменности. Мы имеем возможность познакомиться с такого рода замечаниями, сделанными А.И. Поповым на полях Новгородской летописи по Синодальному Харатеиному списку (Изд. Археографической комиссии. СПб., 1888 г.). Пометы имеются не только на полях текста летописи объемом в 490 страниц, ученый не обошел своим вниманием и помещенные в издании приложения – «Указатель личных имен», «Указатель географический» и «Указатель предметов» (не затронутыми оказались лишь «Святцы. Указатель святых, праздников и постов»).

Поставим своей задачей выделить некоторые пометы, а иногда и комментарии А.И. Попова (далее – А.И.), касающиеся разных сторон содержания летописи и ее языковых особенностей. Мы старались соблюдать орфографию не только текста летописи, но и заметок А.И., в частности, знаком Ъ обозначаем букву "ять", которую использовал А.И. по правилам старой, дореволюционной орфографии.

1. Комментарии и замечания исторического характера.

По поводу событий 1135 г., когда «иде въ Русь архиепископъ Нифонтъ съ лучьшими мужи, и заста Кыяны съ Церниговьци стояще противу собе, и множьство вой; и божиею волею съмиришася», А.И. замечает: *замирение Кіевлянъ и черниговцевъ при посредствѣ новгородцевъ (общая заинтересованность)* (с. 128). Описание событий 1136 г., связанных с обращением новгородцев за помощью к псковичам и ладожа-

нам, а также стремлением избавиться от князя Всеволода, сопровождается записью: *Ср. Д. Д. Грековъ (о событиях 1136 г.) – соверш. невѣрное освѣщение* (с. 128).

Текст под 1134 г. «Почаша мълъвити о Сужьдальстѣй войнѣ Новѣгородци, и убиша мужь свой и съвъргоша и с моста...» подчеркнут (впрочем, как и многие места в летописи), отмечен вертикальной линией на поле, восклицательным знаком и словом *въче*. (с.126)

После описания голода 1128 г. в летописи имеется краткая запись: «Въ лѣто 6637. Въниде ис Кыева Даниль посадничить Новугороду». А.И. делает следующее замечание на верхнем поле, сопровождая его двумя стрелками, направленными именно к данным строкам: *Голодъ былъ потому, что "снизу" (из Кіева) Мстиславъ Влад. прекратилъ подвозъ; это всё одна и та же борьба Мономаховичей съ Новгород. вольностью (ср. Юрий Долгоруки, Андрей Боголюб.)* (с.125).

Некоторые неясные места также сопровождаются пометами со ссылками на описание предшествующих или последующих событий, их участников. Так, когда сгорел детинец в Новгороде в 1097 г., сообщается: «и книну чядь избиша» (с.119). Неясное слово в этой фразе - *книну* - толкуется А.И. как имя собственное с отсылкой на описание событий 1113 г.: *Лукину чадь* (см. 1113.), а также *Илькину* (вар.), ниже уже в других скобках в качестве дополнительного пояснения: *[т.е. "и Лукину чадь" и т.д.]*. А текст 1113 г. «Въ то же лѣто погорѣ онъ полъ, на сей же сторонѣ городъ кромьный, отъ Лукинъ пожаръ» имеет пометы: *см. 1097 и упом. Лукинъ пожаръ* (с. 120).

Как правило, в интересующем А.И. тексте есть подчеркивания разноцветными карандашами, и комментарии по поводу выделенных отрезков делаются тем же цветом. Прослеживается довольно строгая система помет. Например, отрывок летописи, относящийся к 1078 г., небольшой по размеру, имеет два вида подчеркиваний: одним выделена часть первого предложения, другим – второе предложение полностью. Приведем текст: «Бѣжа Ольгъ Тѣтутороканю, и приведе Половче, и побѣди Всѣволода на Съжичяхъ. Въ то же лѣто

бысть съця у Чърнигова, и убьена бысть 2 князя: Изяславъ и Борисъ». Для первого предложения А.И. делает помету: *Половцы из Тьмоторокани*, а для второго: *ср. Слово* (с. 117).

А.И. довольно часто своими пометами констатирует важные факты в жизни Новгорода. К таким пометам относятся: 1) замечание ученого *съ 1165 г. въ Новг. Архіепископъ*, сделанное по отношению к тексту: «Въ то же лѣто ходи игумень Дионисий съ любовью въ Русь, и повелено бысть владыцѣ архіепископство митрополитомъ» (с. 146); 2) замечание *роль варяговъ* (*ср. саги и др. мѣста лѣтоп.*) в отношении к тексту: «Увидѣвъ же се оканный Святополкъ, яко еще дышетъ, посла два Варяга прикончатъ его», 1015 г. (с. 79); 3) два замечания при пространном тексте под 1071 г.: *Борьба князя Глеба съ язычествомъ и Новгородъ и князь, народоправство, пережитки язычества, расслоение* (с.110); 4) запись А.И., сопровождающая подчеркнутое в тексте под 1105 г. предложение «Томъ же лѣтъ идоша въ Ладогу на войну»: *въ Ладогу на войну (къ Кареліи)* (с. 119); 5) замечание при тексте под 1141 г. «възяша у него 1000 гривенъ, а у брата его 100 гривенъ»: *богатство бояръ XII в.* (с. 133); 6) короткая помета в тексте под 1154 г. «Изгнаша новѣгородьци князя Ярослава въ 26 марта, и въведоша Ростислава, сына Мъстиславля, априля в 17»: *борьба партий* (с. 140); 7) слова, сопровождающие текст 1215 г. о злодеяниях Ярослава по отношению к новгородцам: *мѣропріятія князя против Новгорода (голодъ)* (с. 198); 8) комментарий к описанию событий 1218 г.: *снова вернулся владыка Митрофанъ, но не получилъ архіепископства* (с.206).

Иногда А.И. Попов проводит анализ описываемой ситуации, делая определенные выводы относительно жизненного уклада, социальной и административной организации Новгорода и Новгородской земли. К таким замечаниям отнесем следующее: при тексте «Приде Дмитръ Якуницъ из Руси, и съступися Твърдиславъ посадничества по своей воли старѣишю себе; тѣгда же даша посадничество Дѣмѣтру Якуничю» 1210 г. даются три пометы: *у посадниковъ свой порядокъ старшинства, Дмитръ Якуницъ из Руси, отречение Тверди-*

слава, посадничество давалось по старшинству, как у Рюриковичей (с. 193). Под 1213 г. описывается вражда Литвы и Пскова: «Въ Петрово говение изъехааша Литва безбожная Пльсковъ и пожгоша; Пльсковѣ бо бяху въ то время изгнали князя Володимира отъ собе». А.И. Попов дает такое пояснение по поводу имени Володимиръ: *Это князь Владимиръ Торопецкой и Псковской; былъ затѣмъ у нѣмцевъ (орденскимъ), водился и съ Литвой (Давидъ его братъ)* (с. 195). Половцы принесли много горя на Русскую землю, о чем свидетельствует летописец: «много бо зла створиша ти оканънии Половчи Русьской земли» (далее описываются конкретные участники событий 1224 г.). А.И. сопровождает текст замечанием: *Особенно цѣнное извѣстіе, ибо Мстиславъ Удалой былъ связанъ съ Новгородомъ, какъ и его приближенные* (с. 216). При сообщении о том, что в 1227 г. «иде князь Ярославъ съ новгородци на Емь, и повоева всю землю, и полонъ приведе бещисла», А.И. замечает: *ср. крещеніе Корелы (Лавр. 1227), а после отрывка летописного текста «Того же лѣта ижгоша вѣлхвы» вновь пишет: ср. крещеніе карель въ этомъ году и походъ на Емь* (с. 223–224). Описание последующих военных событий 1228 г. сопровождается рядом замечаний А.И., среди которых выделим касающееся отношений Новгорода с соседями: *Ижера и Корѣла – всегда союзники Новгорода Великого* (с. 225). По поводу описания голода 1230 г. А.И. замечает: *т.е. умерло всего въ городъ много болѣе 10.000 человекъ (3 скудельницы, в первой – 3.3000)* (с. 238). В 1251 г. «бѣжа князь Андрѣй Ярославичъ за море въ Свѣйскую землю»; по этому поводу А.И. пишет: *ср. бѣгство біармійцевъ (т.е. суздальцевъ) [отъ татаръ] въ Норвегію въ 1251 г. – сага о Гаконѣ Старомъ; ср. посольство въ Норвегію 1251 г.* А ниже сделано замечание: *Александръ Невскій, как первый объединитель ... его потомство – московскіе князья: свѣча неугасаемая! (въ завѣщ. и пр.), ср. Ипат. (с. 272–273).* Зимой 1341 г. «приѣхалъ Михаилъ княжичъ Олександровичъ со Тѣфери в Новгородъ ко владыцѣ, сынъ хрестыный, грамоте учится» – данный текст А.И. сопро-

вождает замечанием: *обученіе княжескихъ дѣтей у владыки* (с. 341).

Существенны замечания, касающиеся отношений между жителями Новгорода: 1218 г. – *въ разныхъ концахъ внутреннєе раздоры* (с. 208), 1220 г. – *прусїи и Людинъ коньць и загородьци - за Твердислава, остальные - за князя* (с. 212), 1340 г. – *борцы на Торжкѣ (таможня, пошлина)*, здесь выделены слова летописи «не восхотѣша чернь», «въсташа чернь на боярь» (с. 339); 1345 – *переходъ въча с одной стороны на другую* (с. 345).

Особо примечательны сс. 278–280, исписанные А.И. по вертикали и по горизонтали. В записях на этих страницах исследователь прослеживает преемственность новгородских посадников Мишиничей, Варфломеевичей и др. В 1257 г. «убиша Мишу», в связи с чем А.И. отмечает на поле: *Смерть Миши* (ср. 1251 г. – *сага о Гаконе Старомъ*, 1240, 1228). И далее: *Подъ 1269 г. – его сынъ – Михаилъ Мишиничъ. Онъ же – 1272 г. (короткое время – посадникъ), 1274 – посадникъ, 1280 – лишень посадничества и умеръ; 1290 – Юрьи Мишиничъ получ. посадничество, см. еще 1293; 1315 – убитъ; Варфломей – сынъ Юрьи Мишинича, посадникъ новгородскій (умеръ 1342 г.) упом. неоднокр. Ср. Луку Варфоломѣева 1333 г. и друг. Въ 1342 г. – по смерти отца – собираетъ холоповъ збоевъ и нападаетъ на Заволочье, убитъ тогда же (1342 г.). Сынъ его Онцифоръ "отходилъ на Волгу" (1342 г.), участв. въ новгор. ссорахъ. Возвращается вмѣстѣ с Матфѣемъ Козкой. Матфѣй Вальфромѣевичъ (Козка) 1345 посадникъ (после Остафья Дворянина); 1348 – Онцифоръ Лукинъ – воевода; 1350 – посадникъ, 1354 – отступился посадничества по своей волѣ, 1359 – посадн. дали Микитѣ Матфѣевичу, 1366 – Есифъ Вальфромѣевичъ съ людьми [его или молод. ? – Л. М.] ѣзд. на Волгу, грабили гостей. 1375 – Максимъ Онцифоров. съ бояры, 1376 Юрьи Онцифоровичъ (1375 – посадн. Юрьи Ивановичъ, а не тотъ), 1380 (посоль), 1381 (тоже) /1228 - 1381/ (с. 278–280).*

К замечаниям аналитического, обобщающего характера отнесем следующее, касающееся сообщения под 1344 г., когда «бысть мятежь за Наровою великъ: избиша Чюдь своих боярь земьскихъ» - *Великое возстаніе эстовъ, ср. новгор. события 1342 г. Ср. еще ранѣе восст. сербедаровъ въ Иранѣ, а позже - Жакерія во Франціи* (с. 344). Касаясь событий 1445 г., летописец сетует: «не бѣ в Новѣгородѣ правдѣ и праваго суда, и вѣсташа ябетници, изнарядиша четы и обѣты и целованья на неправду, и начаша грабити по селамъ и волостемъ и по городу: и бѣахомъ в поруганье сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изѣѣжа велика и боры частыя, криць и рыданье и вопль и клятва всими людьми на старѣйшины наша и на градъ нашъ: зане не бѣ в насъ милости и суда права». Рядом на поле А.И. пишет: *Ябетники! Отсюда ясно ихъ чиновное назначеніе и происхождение ругательства* (с. 425). Неодинаковое толкование понятий «Русь» и «Русская земля» отмечено при чтении отрывка «иде къ отцю въ Русь»: *Русь - одно, а Русская земля (шире) – другое* (с. 158). См. об этом в книге А.И. «Названия народов СССР» [2, 46–62].

В связи с тем, что в 1421 г. на новгородском вече при выборе (жеребьевке) игумена названо было лишь три-четыре имени, А.И. замечает: *И фамилий и типовъ людей не такъ много. Объяснение очевидно (небольшое, сравнительно, число поколений, закононаследство, малое число основныхъ типовъ; общн. происхождения)* (с. 412).

В замечаниях А.И. имеются сопоставления описываемых в летописи фактов с современными, в частности, это касается сооружений, крепостей, природных явлений и т.п. Так, в тексте под 1347 г. «поставиша городъ Порховъ камень» имеется замечание А.И.: *Стѣны существуютъ до сихъ поръ (до 40-ыхъ годовъ XX вѣка) и нынѣ (1954 г.)*. При описании того факта, что «Добрыня ... постави Перуна кумиръ надъ рѣкою Волховомъ» в тексте под 980 г. А.И. делает небольшую помету: *Ср. Перынь* (с. 30). (Заметим, что городище Перынь находится под Великим Новгородом). В 1063 г. «в Новѣгородѣ иде Волховъ вспять», то есть воды реки потекли в обратном

направлении; по этому поводу сделана помета: *Ср. въ послѣдніе годы! 1931 г. (с. 94).*

Текст под 985 г. содержит сведения о кожевенном деле: «Суть вси въ сопозѣхъ; симъ намъ дани не даяти; поидевъ искать лапотъникъ». На поле читаем замечание А.И.: *Ср. Арабск. назв. сафьяна. Русск. кожа и пр. Казанскіе кожевенные заводы (ср. Петръ I) и нынѣ (с. 33).*

II. Замечания лингвистического содержания

Замечания лингвистического содержания, сделанные рукой А.И. Попова на полях Новгородской летописи, касаются разных сторон жизни языка.

А.И. Попов выделяет в летописи места, отдельные слова, в которых отражаются фонетические особенности древней новгородской речи. Остановимся на словоформе *сторови*, подчеркнутой, выделенной не однажды. Это касается таких текстов, где речь идет о возвращении воинов после какого-либо сражения: 1169 г. — «и бишася с ними, и бѣше новгородъць 400, а Суждальць 7000; и пособи Богъ Новгородцемъ ... и придоша сторови вси» (с.148–149). Замечание А.И.Попова кратко: «*Сторови*» *Ср. берест. грам. № 424* (Там же). На с. 151 вновь при тексте «и придоша сторови вси Новгороду» на поле замечание: «*сторови*» *ср. берестян. грам. А.В. Арциховского № 424: «сторови» (XII в.).* На с. 210, где под 1219 г. снова употреблено «и придоша сторови», А.И. делает попытку проследить хронологию употребления данной словоформы; ей посвящен также отдельный лист, на который выписаны сведения о вариантах слова *сторовъ* – *сѣдравъ* – *здравъ*. В итоге наблюдения-выписки А.И. выглядят следующим образом: «*сторови*» (*первый разъ 1130 г.*), 1169 г., 1173 г., 1180, 1186, 1191, 1200, 1219 г.; *сторови Новг. I 1219 (!).* *Берест. грам. А.В. Арциховского № 424: «сторови» (XII в.)* (с. 210). Далее выделены те словоформы, которые имеют несколько иной фонетический облик: 1204 – *сѣдрава*; 1212, 1214 – *сѣрави*; 1223 – *сѣдрави*; 1234 – *сѣрави*; 1236 – *здрави*; 1265 – *здорови*; 1267 – *здорови*; 1268 – *здорови*.

Обратимся к новгородской берестяной грамоте № 424, опираясь на публикацию и комментарии к ее тексту в книге

А.А.Зализняка «Древненовгородский диалект». Основной текст грамоты от Гюргия к отцу и матери таков: «продавъше дворъ идите же съмо смольнску ли киевою ли: дешевети хлебе: али не идете а присъте ми грамотичу сторови ли есте» [1, 248]. Перевод текста грамоты: «Продавши двор, идите сюда – в Смоленск или в Киев: дешев [здесь] хлеб. Если же не пойдете, то пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы» [Там же]. Др.-новг. *сторовъ*, возникшее из *съдоровъ* 'жив-здоров', 'цел', 'благополучен (как в физическом, так и в социальном отношении)' после падения редуцированных отражает редкое явление, характерное для древненовгородского диалекта, – прогрессивную ассимиляцию согласных. А.А. Зализняк приводит немногочисленные факты такого же рода: *кте*, *стоумаша*. [1, 68-69]. Заметим, что А.И. выделил примеры, подтверждающие это явление не позднее начала 50-х гг. (в его замечаниях прослеживается, по меньшей мере, время чтения ранее 1954 г.).

А.И. делает замечания в связи с заменой букв в словах, например, отрывок из текста под 1130 г. «а из дони придоша сторови» имеет краткий комментарий: *изъ дони (Даніи)* (с. 125); аналогично в тексте под 1130 г. «въ Дони» – помета А.И.: *въ Даніи* (с. 127).

Остановимся на других замечаниях А.И., связанных с фонетическим обликом слов.

1. А.И. обращает внимание на полногласное *оболость*, представленное в тексте под 1191 г. «иде Ярославъ съ Новъ-городъци и съ Пльсковци и съ оболостью своею на Чюдъ». Подчеркивая это слово, А.И. на поле пишет: *оболость* = *область* = *об(в)ласть* [как *об(в)лако*], [*об(в)ладать*] (с. 164). При чтении текста под 1189 г. «пришли бо бяху въ 7 шнекъ, и оболочилися около порога въ озеро» делается помета: *обво-лочились (у Нарвского порога)* (с. 163).

2. Особо выделяется «цоканье» в имени собственном Якуна Моисѣвиця (с. 228). На с. 17 просто подчеркнута буква *ц* в словах, отражающих цоканье: «Вятици», «Вятицемъ». Обращается внимание на мену *ц* и *ч*, например, в отрывке «а на Търожку все чело бысть», описывающем голод 1215 г., на

поле рядом помета: *цѣло* (с. 198); в тексте «а отъ 12 гривну емчю 70 кунъ» 1016 г. — на поле читаем: *ср. Емца [отъ «емець»]* (с. 88); в тексте 1445 г. выделено «Югрици», а на поле помечено: *Югричи* после восклицательного знака (с. 426). В тексте 1199 г. «Повоть взяша Литва и до Налюца» — на полях: *Налюча (на Полѣ)* (с. 177).

3. При тексте 1228 г. «Пльсковіци же тъгда бяху подъвели Нѣмьци и Чюдъ, Лотыголу и Либь» на поле справа написано: *-з-! зам.! -гли!*, выделено и обведено красным карандашом *-гли!*, а на верхнем поле особо выделено, уже коричневым цветом: *подъвели!* (*Пск.-Новг.*) 1228 (с. 227).

4. При тексте 1228 г. «и въздре угъ вѣтръ» на поле выносятся *угъ*, то есть обращается внимание на восточнославянское начальное *у-*, соответствующее церковно-славянскому *ю-* (с. 229). При упоминании в летописи названия реки Югра под 1445 г. А.И. замечает: *Ср., между прочим, р. Угру и Югорск. вол. Орл. г.* (с. 426). Начальное древнерусское *я-* отмечается в личном имени в тексте под 1193г. «съ воеводою Яндреемъ», на поле вынесено: *Ан-!* (с. 166). Подобное наблюдение сделано в отношении имени «Добрына Ядрѣйковиць» в тексте под 1211 г.: *Ср. Ядрей, Ан-; ср. 1193 (Ядрей)* (с. 194).

5. Выделяется слово с сочетанием *-жз-* в соответствии с современным *-жд-* в тексте под 1147 г. «Бысть дѣжгъ съ градомъ», на поле помета: *-зъ = -дь* (с. 137).

Имеются и замечания, относящиеся к области словообразования, морфологических особенностей памятника, хотя и немногочисленные. Например, при отрывке «иди ямо же хощеши» текста под 969 г. по поводу наречия сделано замечание: *Ср. какой, якой* (с. 20). В тексте под 1230 г. «а добытъкъ Сменовъ и Водовиковъ по стомъ розделиша» А.И. выделяет и выносит на поле форму числительного: *по стомъ*, не комментируя (с. 236). Текст 1270 г. содержит выражение «у насъ князя нетуть, но Богъ і правда и святая Софья»; обращая внимание на сам факт отказа новгородцев от князя и, видимо, выделяя форму *нетуть*, А.И. пишет: *князя нетуть для данного случая* (с. 294).

Больше всего, судя по замечаниям, внимание А.И. привлекала лексика и терминология, антропонимия и топонимия памятника.

Довольно часто А.И. на полях дает толкование слова, например, при тексте под 1224 г. «а прокъ ихъ въбѣже съ воеводою своимъ Гемябѣгомъ въ курганъ Половчѣскый» имеется замечание: *курганъ = крѣпость (укрѣплѣніе)* (с. 218). К слову *коць* в отрывке «Тогда Михаилъ снемъ коць свой» дается примечание: *Коць - княж. плащъ; ср. коцавейка* (с. 268). В тексте под 1228 г. «и пояша у нихъ 40 мужъ въ талбу» подчеркнуто въ *талбу*, что сопровождается записью на поле: *отъ «тали», «таль»* (с. 226). В тексте под 1445 г. «указати вамъ станы и острова, уречища» особо подчеркнута словоформа *уречища*, а на поле сделана помета: *урочище = урѣчище (отъ «рѣка»)* (с. 426). По поводу словоформ *павосковъ* и *повоскы*, употребленных в отрывке «товара ... сорокъ павосковъ свезе в Тверь, а иныя повоскы потопиша в рѣцѣ с товаромъ», А.И. на поле замечает: *паузки позже* (с. 427). Ср. в говорах по р. Унже, уральских, сибирских и др. говорах *паузки* в значении 'грузовые речные суда (барки, лодки и т.п.) с малой осадкой, используемые обычно на мелководных, а в период паводков и на несудоходных участках рек' (СРНГ, 25, 281). При тексте под 1420 г. «они же наѣхавше местера на Наровѣ, и взяша вѣчный миръ по старинѣ» по поводу подчеркнутого *наѣхавше* сделана помета: *Как «найти»* (с. 410). Для понимания отрывка текста под 1068 г. «игрища утолочена и людѣи множество на нихъ» на поле выносится известное слово: *Ср. толока* (с. 100). Относительно слова *гобийно* в тексте под 1071 г. «ти держать обилѣе, да аще истрѣбивѣи и избѣваемъ сихъ, и будетъ гобийно» на поле выносится для сопоставления: *губина (Обл. Волог.)* (с. 106). Глагол *прияти* толкуется как 'задержать' при чтении текста под 1141 г. «И разгнѣвася Всеволодъ, и прия слы вся и епископа и гостя», на поле вынесено: *т.е. задержаль* (с. 133). Таким же образом толкуется глагол *полупити* в тексте под 1156 г. «полупивъ святу ю Софию пошлъ Царюграду»: *т.е. ограбивъ Соф. казну* (с. 141). Сложное слово в отрывке «а оныхъ половиць

Ивана Душильцевиця» толкуется пометой: *т.е., съ той стороны* (с. 208). Ряд современных родственных слов приводит на поле А.И. в связи с толкованием значения причастия, употребленного в тексте под 1174 г. «князю же очютивше, попадъ мечь и ста и двърий», а именно: *ощутить, ср. очухать, чутье и пр.* (с. 152). Слово *кощей* в отрывке «и бяше с нимъ одинъ кощей малъ» сопровождается пометой: *Кощей = турецк.: кошчи; кощей, ср. въ тур. и татар. яз.* (с. 152).

Помета *сочите = ищите* сопровождается сопоставлением с данными современных говоров: *(нынѣ употр. въ Псков. г. – Великол. у., Торж. у.); ср. Псков. Судн. гр.* (с. 231). Комментируемый текст относится к 1229 г. По поводу глагола *тировати*, употребленном в тексте под 1194 г. «по вся дни загараšа невидимо и б мѣсть и боле; и не съмяху людье тировати въ домѣхъ, нѣ по полю живяхуть», А.И. замечает: *тировати = торговать, промышлять (кировать - областн. ВЛуцк. у. Псков. губ.)* (с. 169). Слово *гълка* в тексте «И бысть заутра, пусти князь Матѣя, учювъ гълку и мятежь въ городѣ» 1218 г., сопровождается записью нескольких слов на полях: *галдѣть, галчѣть (голка), гуль* (с. 208). К отрывку «Тѣмже послѣдѣ не обрѣтоша тѣла его въ трупѣ» в тексте под 1015 г. А.И. ограничивается кратким пояснением: *т.е. покрывало* (с. 78).

В отношении двух слов из текста под 1204 г. «И замыслиша яко и прѣже, на кораблехъ раями на шыглахъ, и на иныхъ же кораблехъ» делаются довольно пространные замечания: *Щѣгла, шагла, шегла, шелга - высокий столбъ, шесть для флага и т.п.; мачта; лѣстница в одно бревно...* (А. Преображенский), см. также «Терм. слов.» (материалы); *рая, райна – часть мачты на шнякѣ, къ которой прикрѣпляется вершина прямого паруса [рея] (Арх. – Подв.: Кольск)* (с. 184).

В тексте «Русской Правды» среди прочих видов штрафов упоминаются такие, как «за корову 40 рѣзань; а третьякъ 15 кунъ; а за лоньщину полѣгривнѣ ... за яря ногата». На поле отмечается: *Лони – въ прошл. году (2 года), ярь – нынѣшн., однолѣтокъ (1 годъ), третьякъ (3 года)* (с. 87).

Краткие лексические пояснения сделаны и к тексту 1068 г. «яже поя[до]ша пружи и хрустове и гусеница»: *прусиць* (*саранча*), *хрущи* (*майский жук и т.п.*), *гусеница* (с. 99). При заключении мира Владимира с болгарами в 985 г. «рѣша Болгаре: толи на будеть мира между нами, елико камень начнеть плавати, а хмель грязнути». Последнее слово толкуется на поле: *т.е. тонуть* (с. 33). Однокорневое слово подчеркнуто в тексте под 986 г.: «и потопаи я, и погрязоша» (с. 36). Отрывок текста под 1201 г. «а на осень придоша Варязи горою на миръ» имеет замечание: *горою* (*сух. путемъ*) (с. 179). В тексте под 1204 г. описывается поджог: «святое Софие притворъ погорѣ ... и подрумье и до моря»; А.И. соединяет рамкой *и подрумье* и на поле замечает: *ипподрумъ* (с. 182), вероятно, имея в виду, что *ипподрумье* – фонетическая переделка иноязычного слова.

Текст 1342 г. содержит слово *збой*: «Лука Валфромъевъ ... скопивъ съ собою холоповъ збоевъ, и поѣха за волокъ на Двину». А.И. на поле пишет: *холопы збои – черные люди – за Луку! Збой = удалецъ, храбрецъ* (ср. *коми*) (с. 343). При упоминании плуга в тексте под 981 г. «и возложи на нихъ дань отъ плуга» делается помета: *Ср. Pflug* (*скорѣе славян. происх.*) (с. 31). В 1128 г. во время голода было «смородѣмъ нелга вылести», на поле отмечается: *Нелга, ср. бѣлорус., ср. нельзя!* (с. 124). Глагольная словоформа *наворопи* в тексте под 1225 г. выносится на поле, при этом делается помета: *ср. Воропаевъ, -ай; varp* – последнее слово обведено кружком (с. 223). Есть замечания в виде подчеркивания отдельных слов или словосочетаний, например: «*дождь прапрудень*» (с. 411), «*коробейщину*» (с. 410).

Довольно много помет, связанных с иноязычными словами. В тексте под 1071 г. «Богъ мывъся в мовницѣ, и въспотѣвъ отресе вехтемъ» словоформа *вехтемъ* подчеркнута, а на поле сделана запись: *финноугор. (морд, черем.)* (с. 107).

Отдельные пометы касаются поправок текста летописи изд. 1888 г. В послании немцев в Новгород пишется: «мы васъ не воюемъ, а воюеть васъ князь Григорий изъ заморья

Клевьскый про своего проводника Итолка Руговидца». На поле помета, относящаяся к подчеркнутому Итолка: *финнъ – проводникъ и толкъ (переводч.) (эст. или изъ Води)* (с. 423). Ср. у Срезн. *тълкъ* 'переводчик, толмач', иллюстрируется рядом памятников, в том числе Псков. I л. (Срезн., III, ч. 2, стб. 1046), но данные по Новгородской летописи отсутствуют (по вполне понятным причинам).

Только подчеркиванием выделяются важные для понимания фонетических процессов слова, особенно названия городов: *Полтескъ, Смоленско, Полоческъ, Витепъскъ* (с. 419), *Нарову и Норову* (с. 424), *Григорій Кириловичъ и Григорій Кюриловиць, казниша Ржевиць и по Ръжевѣ* (с. 416); *въ рду и из орды* (с. 414). В тексте под 1092 г. подчеркнута форма слова *истьба* 'изба': «да аще кто изыстьбы вылезеть, напрасно убыенъ бываше невидимо» (с. 118).

Остановимся на замечаниях А.И. Попова по поводу антропонимии.

В тексте под 1262 г. «а Богъ его вѣсть, своимъ ли іли Борисовымъ Гавшинича» подчеркнут антропоним, на верхнем же поле выписаны в столбец соответствующие уменьшительные и полные имена: *Гавша – Гавріиль, Миша – Михаилъ, Павша – Павелъ, Ратьша – Ратиславъ или Ратиборъ* (с. 282). В тексте под 1268 г. А.И. подчеркивает целый ряд имен (как, впрочем, и в других местах): «І ту створися зло велико: убиша посадника Михайла, і Твердислава Чермного, Никифора Радятинича, Твердислава Моисиевича, Михайла Кривцевича, Івача, Бориса Ілдятинича, брата его Лазоря, Ратшю, Василя Воіборзовича, Осипа, Жирослава Дорогомиловича, Поромана подвоіскаго, Полюда, і много добрыхъ бояръ, а иныхъ черныхъ людий бецисла; а иныхъ безъ вѣсти не бысть: тысячскаго Кондрата, Ратислава Болдыжевича, Данила Мозотинича». На полях слева и справа А.И. пишет: *Смерть (1268) Ратши (1240) (Ратишка 1255). Сынъ его – Самойло Ратшиничъ – убитъ 1290 г. [Ратша, Миша, Павша, Гавша – уменьш.]. Ср. Грикша въ берестян. документахъ А.В. Арциховскаго. Ср. «Ратшину тяжу» въ договорѣ Ал-дра Невскаго съ нѣмц. (Пам. ист. Вел. Новг., стр. 64) [с. 288]. На с. 294*

на верхнем поле выписан ряд имен с пометой: *Воротиславъ, Творимиръ, Даньславъ* – любопытные имена; на правом поле: *Замъч.!* (имя!); б. м., просто «творя миръ» (с. 294). В списке имен новгородских посадников в тексте под 989 г. четырехугольной обводкой выделено трижды употребленное имя *Завидъ*, относящееся к разным лицам, а также имена *Федоръ, Ахмыль* и *Матфѣй, Коска*, расположенные в тексте рядом и разделенные запятыми; А.И., помещая эти пары в один четырехугольник, зачеркивает запятую, тем самым давая понять, что это имена не четырех человек, а всего лишь двух: *Федоръ Ахмыль* и *Матфѣй Коска*; вторая часть представляет собой, возможно, прозвание или указывает на отношение к отцу; ср. также замечание А.И. по поводу подчеркнутого имени *Микита: Матфѣевичъ (сынъ Коски)* (с. 70). При упоминании имени *Офнось Грузъ* в этом же тексте делается помета: *Ср. Грузино Новг.? (с. 71)*.

Текст под 1015 г. содержит ряд имен законопреступников: *Путьша, Талець, Ляшко, Оловиць*; относительно последнего, обведенного кругом, есть помета: *Оловиць отъ «Оловъ» (Олафъ), ср. Олафо Св. и др. (с. 79)*. Любопытны многие личные имена в тексте Новгородской летописи, однако некоторые особо выделяются читателем-ученым, например, в 1200 г. *литва* убила 15 новгородцев: «*Рагуилу Прокопииница съ братомъ Ольсою, Гюргя Сбышкинича, Ратьмира Нъжати-нича, Страшка серебреника вѣсця, Вънезда Ягиница, Луку Мирошкинъ отрокъ, Микиту Лазоревица, Жирошку Огасовица, Осипа подвойскаго, Романа Пѣкта, инѣхъ 4 мужъ*» (с. 178). Обычно имена в таких списках подчеркиваются ярко и дается помета типа *ср. выше*, как это сделано и на с. 178.

В тексте под 1197 г. сначала названо имя *Мирошка*, а затем речь идет о том, что «въ то же лѣто постави манастирь святыя Еуфимия въ Плѣтъникахъ Полюжая Городьшиница Жирошкина дѣци». На правом поле вынесены имена: *Жирошка, Мирошка, Жирославъ*; на левом поле помета относительно притяжательного прилагательного *Полюжая: т.е. жена Полюда* (с. 174). Прилагательное, образованное от имени собственного с помощью суффикса *-j-*, иногда требует пояс-

нения, особенно в связи с тем, что многие личные имена принадлежат истории, их нет в современном именнике. Примером, наряду с *Полюжая* (жена), может служить толкование отрывка из текста под 1199 г. «игуменію поставиша Завижюю посадника», а именно: *т.е. жену посадника Завида (вдову)* (с. 177).

При приложении XIX «А се уставъ Ярослава князя о мостѣхъ» А.И. приводит на поле целый ряд имен: *Твердыта – Твердиславъ, Вышата – Вышеславъ, Гордыта, Ходота, ср. Ходобужка, Климята – Климъ, Будята – Будимиръ, Нѣжата – Нѣго(славъ), Гюрята – Юрій, Гродята, Лазута, Рядята, Петрята – Петръ, Милята – Милославъ, Милонѣгъ, Лугота, Путята* (с. 488). На с. 348 помета: *Дука, Валить, Козка, Синецъ и проч. прозвища*; на с. 153 на поле вынесено имя *Жирославъ*. В 1055 г. пострадал епископ Лука «оть своего холопа Дудикы»; имя последнего подчеркнуто, а на поле вынесено: *Ср. фамилию Дудиковъ* (с. 92).

Замечание *Ср. Новгородцевъ – горшечниковъ и нынѣ* относится к отрывку из текста под 989 г.: «И иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горѣнци везти в городъ» (с. 65).

В 984 г. был у князя Владимира воевода по имени *Волчий Хвостъ*, с которым связано присловье: «И посла предъ собою Володимиръ Волчій Хвоста, и срѣте Радимичи на рѣцѣ Пищани, и побѣди Влчій Хвостъ Радимичѣ; тѣмъже и Русь корять Радимичѣ, глаголюще: Пищаньци волчїа хвоста бѣгали». По этому поводу А.И. делает два замечания: 1. *Ср. другіе прибаутки этого рода*, 2. *Песчаной, ср. нынѣ въ Псков. губ.: Пи(е)щанка, Пещевицы и пр.* (с. 33). Ср. замечания А.И. по поводу имени *Волчий Хвостъ* в тексте под 1016 г. «Воевода Святополчъ, именемъ Волчій Хвостъ»: *Какая-то путаница: Будый – Блудъ – Волчій Хвостъ; Болеславъ – (Бурислейфъ) – Ярославъ – Святополкъ и т.п.* (с. 83).

В тексте под 980 г. обращается внимание на имена *Рогнѣдъ* и *Предѣслава*, (видимо) реконструированное из имени селища *Передѣславино*: *Рогнѣдъ, Предѣслава - всѣ женщины* (с. 30). Восклицательным знаком выделяется личное имя *Ратиборъ Клуковичъ* в тексте под 1269 г. (с. 291).

Вынесены на поле имена: *Романъ Болдыжевичъ – братъ Ратислава Б-ча 1268 г.* – при тексте 1270 г. (с. 292).

А.И. обнаруживает в тексте летописи и неправдоподобные именованья, в частности в ряду имен божеств «и Хорьса и Дажьбожа и Стрибога, Сеимарекла, Мокошь» выделено *Сеимарекла* и сделана помета: *Се-имя-рекль (приспособление)* (с. 29).

Любопытны замечания А.И., касающиеся топонимии Новгородской летописи. Так, при тексте 1411 г. «Пришедъ Свѣя войною, и взяша пригородъ Новгородскый Тиверьскый» делается запись: *(Не Терский берегъ) Тизерьскый, ср. Тихвери (Tihveri) – Карелія; ср. vieri, ср. Тьхверь; Тиврола (около Кексгольма)* (с. 398). В связи с топонимной формой къ *Пертуеву* – в тексте под 1219 г. – на поле для сравнения выносятся: *pirtti, pertti и т. д.* (с. 210). При описании событий 1240 г. упоминается «мужъ старѣйшина в земли Ижерьской, именемъ Пелгусій», в связи с чем А.И. дает сопоставление с современным топонимом: *(Пелгуй) Пелгусій (ср. Пелгусово) ср. Пелгози* (с. 255). Во время похода Ярослава с новгородцами на «немцев» под *Гюргевъ* (на поле: *Юрьевъ – Тарту*) «быша на рѣче Омовыжи Нѣмьци» в 1234 г. Интересное название реки сопровождается пометами: *Ena-vesi. Собств., ливское (j)ena-veiz = мать-вода, Mater aquarum Генриха Латыша. [Матерая] рѣка новгор. актовъ* (с. 243). Попутно заметим, что, вероятно, название *Омовыжа* имеет восточнославянскую начальную огласовку. Название озера *Ильмерь* в тексте под 1282 г. отмечается данными приб.-финск. языков: *ilma-jarvi, ilm-jarv* (с. 298). В тексте под 1419 г. А.И. выделяет ряд топонимов: «Конечный погостъ, Яковлю кюрю, Ондръяновъ берегъ, Кигъ островъ, Кяръ островъ ... Чиглонимъ, Хечинима», при этом на поле выносятся *Ондръяновъ берегъ* и *-нимъ = niemi* (с. 409). В 1196 г. описываемые события происходили «по всему Върху и Мъсте, и за Волокомъ», и в связи с названием реки А.И. делает помету: *musta-joki* (с. 173). В тексте 1238 г. А.И. привлекло выражение «до Игнача креста», на

поле вынесено замечание: до «Игнатцова кста», писц. кн. XV в. (возле Яжелбиц) (с. 251).

В 1214 г. «иде князь Мьстиславъ съ Новгородьци на Чюдь на Ереву...и ста... подъ городомъ Воробииномъ»; замечания А.И.: *Jervia, Jerwen (Вейсенштейнскій уѣздъ) и Varbob[е]* (с. 195). При описании событий 1310 г. используется ряд онимов: «идоша в рѣку Узьерву», «постави церковь камену на Коломцахъ», «раба божия Олония мниха (нарицаемого Шкила)». На полях имеются такие пометы: -ьерву – *jarvi (Uusi jarvi)*, «*kalma*», *Щиль (Шкиль)* (с. 311). В тексте под 1311 г. сочетания «Черную реку» и «к городу Ваная» сопровождаются пометами: *Musta-joki* и *He vanha = старый, а vanaja* (с. 312). Гидроним в сочетании «на Овлѣ на рѣцѣ» имеет помету: *Oulu! -рѣцѣ (Uleo)* (с. 365).

В тексте под 1348 г. выделяются формы топонимов «в Ориховець» и «в Березовомъ островѣ» и на поле делается помета: *Орѣшекъ, Noteburg; pähkinä – saari*. Ср. также шведск. назв. *Bjorko, koivu – soiar* (с. 347). По поводу подчеркнутой в тексте 1401 г. формы «на Колмогорахъ» на поле выносятся: *Kalma-vaara* (с. 392); в тексте 1417 г. при форме «на Колмовѣ» сделана помета: (фин. *kolme* = 3) *случаи[но]*, фин. *kalma могила* (с. 404). Текст 1410 г. содержит указания места событий: «межи города Дубравны и Острода» и «стояша подѣ Марьинымъ городомъ ... взяша Марьяна 2 города», напротив которых на поле А.И. пишет: *Tannenberg – grunwald и Marienburg* (с. 397). При топоформе «на Видогощи» в тексте 1415 г. дается краткое сравнение: Ср. *Видимиръ, Людо-* (с. 401) [*Людогоща* - Л.М.]. Обращая внимание на «Кобыличкую Корилу» в тексте под 1338 г., А.И. замечает: *Кобылицкая Корѣла – въ районе Келтушского погоста (Колтуши) [– Павлово] (ср. переп. кн. 1500 г.)* (с. 335). При отрывке «градъ, рекомый Вруцѣй» в тексте под 977 г. имеется помета: *Овручъ* (с. 25). Под 980 г. текст содержит интересное для А.И. название города: *Родня «на усть Росѣ»* (с. 28). В отношении отрывка из «Русской Правды», где говорится, что «отъ 12 гривну емьчю 70 кунъ» полагается, А.И. замечает: Ср. *Емца [отъ*

"емець"] (с. 88). В тексте 1219 г. есть топоним *Тоймокары*, сопровождающийся замечанием А.И.: *Тоймокары, р. Тойма (коми)* (с. 209). Название города *Олоньсь* в тексте под 1228 г. сопровождается записью на поле: *Aunus, Олонець* (с. 224).

Некоторые пометы ясно указывают на происхождение топонима из апеллатива. Примером может служить комментарий к отрывку «на Чюдьскомъ озерѢ, на Узмени» из текста под 1242 г.: (*въ Тепл... озерѢ*) *узмень = узкое мѣсто* (ср. на *озерахъ Жижицкомъ и ЖектѢ, въ протокѢ*), ср. также *Усвятскія озера и пр.* Ср. п. кн. XVI в. (с. 260). Ср. помету к форме «подъ Зижьчемъ» в тексте под 1245 г.: *т.е., у Жизца, на Жижицкихъ озерахъ* (с. 271).

А.И. Попов дает комментарии к тексту, где речь идет о знании того или иного языка. Так, при отрывке под 968 г. «Бѣ бо умѣя велми Печенѣжьскимъ языкомъ; онѣ же мнѣвше его своимъ» замечается: *Слѣд., печенѣж. языкъ давно былъ извѣстенъ* (с. 18).

В поле зрения ученого находятся и народные приметы, поверья, обычаи. По поводу дня памяти Сорока святых, упоминаемого в тексте под 1137 г. «мѣсяца марта, въ 9 день, на 40 Святыхъ, бысть громъ велий, яко слышахомъ чисто въ истѣбѣ съдяще» делается такая помета: *Сорокъ сороковъ (когда прилѣтъ жаворонковъ)* (с. 131). Отрывок из текста под 1245 г. «Обычай же имяше Батый кановъ: аще кто приидеть поклонится ему, не повеле предъ ся вести, нѣ приказано бѣше волхвомъ вести я сквозѣ огонь и поклонитися кусту и огневи» А.И. комментирует кратко: *Кустъ и огонь (Неопалимая купина)* (с. 264).

Проведенный анализ замечаний А.И. Попова, сделанных им при чтении текста Новгородской первой летописи, свидетельствует о внимании читателя-ученого к фактам самого разного характера. Мысли, высказанные А.И. Поповым, могут быть полезны для историка, топонимиста, лексиколога русского и прибалтийско-финских языков.

Литература

1. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
2. Попов А.И. Названия народов СССР: Введение в этнонимику. Л., 1973.

Сокращения

Срезн. – И.И. Срезневский. Словарь древнерусского языка. Т. I–III. М., 1989.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965 и сл. (по выпускам).

Границы в топонимии Заонежья*

Заонежье или Заонежский полуостров, расположенный на северном побережье Онежского озера – уникальная в смысле историко-культурного наследия территория. Именно здесь была открыта в XIX веке русская былинная поэзия. Заонежье знаменито шедеврами деревянной архитектуры, среди которых всемирно известный Кижский ансамбль. В Заонежье были открыты уникальные археологические комплексы, свидетельствующие о богатой древней культуре региона.

Менее известно, что культура Заонежья возникла на стыке двух культурных традиций – прибалтийско-финской и русской и явилась результатом их взаимодействия, взаимопроникновения, сплава. Русское освоение Заонежья происходило несколькими удаленными друг от друга по времени волнами в течение первой половины II тыс. н. э. и, с одной стороны, накладывалось, с другой, сопровождалось прибалтийско-финским (вепсским и карельским) освоением. На протяжении столетий в Заонежье происходили активные этноязыковые процессы, отразившиеся в топонимии, которая, будучи русской по употреблению, буквально пронизана названиями прибалтийско-финского происхождения. Последние характерны не только для устойчивой во времени гидронимии, но и для относительно подвижной микротопонимии.

Проблема маркировки границы в топонимии Заонежского полуострова возникла в связи с созданием географической информационно-аналитической системы «Топонимия Заонежья», нацеленной на привязку базы данных топонимов Заонежья к объектам электронной карты. На карте размещено около 10 тыс. названий крупных и мелких географических

* Статья подготовлена в рамках проекта Финляндской Академии наук, № SA 208153.

объектов Заонежского полуострова, собранных в полевых экспедициях на протяжении последних 30 лет. В ходе работы выявилось наложение определенных топонимных моделей на границы погостов, волостей, районов и других административных подразделений разного времени, а также на границы, отделявшие государственные земли (леса) от сельскохозяйственных владений крестьянских обществ, а позднее колхозных земель. Присутствие некоторых из моделей, к примеру, топонимов, в основе которых присутствует лексема *межа* (*Межевой ручей*, урочища *Межевуха*, *Межевая Сельга*, дер. *Межники*), или *угол* (угодья под названием *Угол*, *Угольская Нива*, *Каменный Угол*, *Угольный бор*, *Кирилкин Угол* рядом с урочищем *Межевой Колодец*) было вполне ожидаемо. Другие же оказались не столь прозрачны. Ниже будут представлены некоторые из моделей, так или иначе связанные с мифологизацией пространства. Добавим к этому, что картографический материал и описания границ, привлеченных для исследования, достаточно разнообразен – от описания границ Шунгского погоста XVI в. до колхозных карт. Ценным источником оказались хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве карты крестьянских земель и лесов по Заонежскому полуострову [РГИА, ф.380, оп.17, № 496, 498, 529, 530, 533, 534] второй половины XIX в.

Издревле пограничными знаками, как известно, были камни. В описании границ Шунгского погоста XVI в. они упоминаются в этой функции неоднократно: “А с верхнево Палозера середним бором водоволоком да к камню”, “да на той горы ... положено камень” “да Пигмозером на виликой камен” и др. [Витов 1962: 176]. Особый интерес вызывают упомянутые в этом же документе два пограничных *Синих камня*: один в Святухе “в страдных островах меж островами камен синь выше воды”, другой на восточном берегу Космозера, где “синей камен на берегу ... стоит выше воды” [Витов 1962:176]. Второй из этих *Синих камней*, расположенный у бывшей деревни Ганжак Космозерской волости, зафиксирован и в наших полевых материалах, первый же обнаружить не удалось, если только он не выступает сейчас под названием *Острад-*

ная луда. Кроме этих двух камней в нашей картотеке по заонежской топонимии есть упоминания еще о пяти *Синих камнях*, два из которых, привязанные к старым границам, могут квалифицироваться как пограничные. Они маркируют традиционную границу Великогубской и Яндомозерской волостей, один на южном, другой на северном участке границы. Три других *Синих камня* не имеют такой откровенной пограничной привязки, хотя, с другой стороны, *Синий камень*, известный в дер. Усть-Река Великогубской волости, располагается на поле с названием *Обод*, в котором заключена идея границы. Картографирование заонежских *Ободов* показало, что в подавляющем большинстве случаев они находились либо на границе деревенских полей и отделяли их от леса и лесных полян, либо отграничивали от леса или угодий соседней деревни свои владения. Устрецкий *Обод* с *Синим камнем* служили южной границей устрецких земель и отделяли их от владений старого Вегорукского погоста. В свою очередь, поляна *Синий Камень*, расположенная у северо-западной оконечности Виговской губы, привязана к границе, отделявшей государственный лес от сельскохозяйственных владений крестьянского общества Вигово.

Синие камни становились уже объектом топонимического исследования. А.К. Матвеев обращает внимание на сакральный характер объектов с названием *Синий камень* на Ярославщине и считает их возможным мерянским наследием [Матвеев 1996:16], следы их сакральности обнаружены также в зоне Верховажья в Вологодской области [Березович 2000:437–438]. Определенный отголосок мифологических представлений связан и по крайней мере с одним из заонежских *Синих камней*, около которого “чудилось”.

В контексте заонежских объектов с названием *Синий камень* особый интерес представляет замечание (сделанное, правда, вскользь) о том, что для многих синих камней Ярославского края свойственна функция “обозначения какой-либо границы” [Алквист 1996:247].

Каково семантическое наполнение топонима *Синий Камень* и его этнокультурная интерпретация с учетом возмож-

ной привязки его к границам? Почему именно *Синий камень* часто маркирует границу? Известно, что синий камень – устойчивый образ мифологического пространства. Он неоднократно фиксируется на Севере, к примеру, в заговорной традиции, и не только в устойчивой формуле “на синем море синий камень” [напр., Курец 2000:74], но и в других ситуациях. “Синий камень тебе в рот” – говорят человеку, если хотят, чтобы он перестал ругаться [из полевых записей К.К. Логинова, Научный архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп.6, дело 627, л.91, 2002]. Для нейтрализации яда при укусе змеи предлагается запрыгнуть на синий камень [устное сообщение К.К. Логинова]. Синие камни являются локусом-эмблемой водяного, что позволяет видеть за ними “первые островки земли, вырастающие из первобытного хаоса” [Криничная 2001:509]. Не несут ли и пограничные *Синие Камни* такой идеи упорядочения пространства, выделения своей, освоенной территории и отделения ее от чужой, непознанной?

Еще одна загадка заонежской топонимной модели *Синий Камень* заключается в ее ареальной характеристике. Все отмеченные топонимы зафиксированы в юго-восточном углу Заонежского полуострова, в окрестностях старинного села Великая Губа и его округе, и неизвестны по данным топонимической картотеки Института ЯЛИ КарНЦ РАН в остальном Заонежье. Что стоит за этим локальным ареалом и как он согласуется с традиционными представлениями о возможных мерянских истоках модели, пока не вполне ясно.

Описание границ Шугского погоста XVI в. приводит еще одну топонимную модель, которая может интерпретироваться как “пограничная”. Описание межи начинается с *Крестового Мха*, где “на крестах земля сошлась четырех погостов углом” [Витов 1962:175]. Топонимы с основой *крест* часты в наименованиях расположенных при дорогах и, прежде всего, перекрестках дорог, мест. Однако картографирование указывает и на частотность их в названиях приграничных объектов, расположенных, как правило, в местах, где границу пересекала дорога. Пахотная поляна У *Креста* располагалась по дороге из дер. Мягкая Сельга в дер. Марковщина, причем была по-

следней из принадлежавших дер. Мягкая Сельга в этом направлении. Стоит упомянуть в этой связи, что деревни относились к разным волостям Великогубского погоста. Деревня *Кресты* находилась на границе трех волостей южного Занежья – Космозерской, Великонивской и Яндомозерской. Урочище *Кресты* или *У Креста*, располагавшееся на северо-западном берегу Яндомозера, маркировало границу Великогубской и Яндомозерской волостей. Характерно, что оно примыкало к урочищу *Зимник*, помечавшему начало зимнего пути через озеро. Местность под названием *Половинный Крест* находилась на полпути между последней деревней Великонивской волости Юлмаки и первой деревней Толвуйской волости Царево. Этот ряд примеров может быть продолжен, и интерпретация его должна, видимо, учитывать то обстоятельство, что крест обозначал и в севернорусской, и в прибалтийско-финской традиции сакрально отмеченное место. Он маркировал, по мнению исследователей традиционной культуры севера, границы освоенного мира, и в этом контексте “крестовые” топонимы логичны именно на границах. При этом не исключено, что часть из них могла возникнуть в результате освящения “страшных” мест, как попытка нейтрализовать нечистую силу. Такой мотив строительства крестов и часовен хорошо известен на севере [См., например, Щепанская 1995:160–165, Культурный ландшафт... 1998:93]. Показательно в связи с этим безусловное пограничное расположение некоторых топонимов, в которых отразились лексемы, связанные с обозначением нечистой силы. Таков *Бесовец* – отдаленная сенокосная поляна с. Вырозера. Планы землеустройства колхозов середины XX в. свидетельствуют о том, что она располагалась в северо-западном углу владений Вырозера, на границей Вырозерской и Толвуйской волостей. По тем же планам принадлежавшее Великой Губе урочище *Бесовщина* примыкало к границе Великогубской и Яндомозерской волостей. Ручей *Бесовка* разделял земли двух микрогнезд поселений – Щельи и Большой и Малой Нив, расположенных в южном конце Кузарандской волости. Деревенька *Бесово* до разрастания гнезда поселений Юлмаки, в состав

которого она входила, была крайней, последней на северной границе Великонивской волости. Сакрализацию пространства и его границ отражают, по-видимому, и топонимы с основой *бука* – ‘черт, нечистая сила, домовой, мифологическое существо, служащее для устрашения детей’ [Черепанова 1983:45–46], также привязанные к локальным границам. Болото *Букин Мох* маркирует границу землевладения деревень Типиницы и Корытово. Ручей под названием *Букин Порог* расположен на восточной границе Космозерской волости. При этом картографирование объектов, указанных в качестве пограничных в упомянутом уже выше описании Шугской межи XVI в., позволяет утверждать, что именно он фигурирует там под названием пограничного Шидроручья. Традиция пограничного объекта была, таким образом, присуща ручью на протяжении столетий. О том, что в народных представлениях Букин Порог действительно был сакральным объектом, свидетельствует связанное с ним предание, зафиксированное Е.В. Барсовым: “По дороге из Космозера через гору в Фоймогубу есть ручей, донине называемый Букин порог. От древности выходили отсюда удельницы и показывались на росстанях: волосы у них длинные, распущенные, все равно как у нынешних барышен, а сами черные” [Цит. по: Криничная 2001:462]. В этом же контексте уместно упомянуть и тот самый *Чертов ручей* за дер. Палтега, из которого, по записанным Е.В. Барсовым преданиям, “в прежнее время выходило ... большое чудовище” [Криничная 2001:462]. Пространственная характеристика Чертового ручья, текущего по западной границе палтегских земель, подтверждает идею маркировки границ сакральной топонимией. Возвращаясь к Букину Порогу, отмечу еще один топонимный факт, выступающий доказательством пограничного и одновременно сакрального характера объекта. Ручей течет через озеро *Дристозеро* (на картах XIX в. *Тристозеро*) с нехарактерным для топонимов-полукалек, восходящих к прибалтийско-финским оригиналам, сочетанием согласных в начале слова. Есть основание полагать, что здесь произошло известное топонимии Заонежья наращение взрывного звука перед сонорным (*Лепозеро* – *Клепозеро*, *Клапино болото* из

Лапино болото, Росковщина – Дросковщина), так что первоначально топоним имел вид **Ристозеро* и в нем закрепилось прибалт.-фин. *rist, risti* ‘крест’, связанное, как уже выяснилось выше, с обозначением сакрально отмеченных мест, привязанных нередко к границам.

Последний сюжет выводит на субстратную прибалтийско-финскую топонимию Заонежья, в которой также нашла отражение идея сакрализации пространства и его границ. Наиболее показательны гидронимы с основой *ryhä* ‘святой’ (*Ryhäjärvi* ‘Святое озеро’, *Ryhäjoki* ‘Святая река’). Современное религиозно-магическое значение выросло из первоначальной семантики ‘изгородь, ограда, граница’ [Хакулинен 1955:87], которая и выступает в ряде “святых” гидронимов. В литературе обсуждается две этимологические версии прибалтийско-финского слова, при этом обе реконструируют приведенную выше схему семантического развития. Согласно одной версии слово является древним германским заимствованием, которое бытовало в прибалтийско-финских языках задолго до распространения христианства и означало границу, отделяющую свою землю от чужой (или находящейся в общем пользовании) [Anttonen1994:27]. Для лексемы существует и своя, исконная этимология, исходящая из лабиализации *i* первого слога в *y* (*piha* → *ryhä*) и семантического развития ‘двор’ → ‘обособленная территория’ → ‘святой’ [SSA]. Кроме того, SKES приводит финские диалектные и сторописьменные примеры производных от основы *ryhä-*, в которых сохранилось древнее значение ‘огородить, разделить, выделить’ [SKES].

Географическая характеристика водных объектов, в названиях которых выступает основа *ryhä-*, свидетельствует о реальном существовании этой реконструируемой семантики у прибалтийско-финской лексемы. Такие названия встречаются у водных объектов, которые являются последними, замыкающими в цепи озер, ручьев и рек определенной водной системы или ее участка и примыкают к пограничной зоне, отделяющей один водный бассейн от другого. Можно добавить, что на берегах “святых” озер и рек часто отсутствует, а

судя по историческим материалам, и прежде отсутствовали поселения. Подобные “святые” гидронимы отмечены к тому же обычно в стороне от важных водно-волоковых путей.

Возможность именно такой интерпретации гидронимной основы *руһä*- в эстонской топонимии не отрицал в свое время Лаури Кеттунен [Kettunen 1955 : 249], а финский историк Сеппо Суванто заметил, что на территории Финляндии и Эстонии гидронимы с основой *руһä*- привязаны к древним, восходящим еще к железному веку, родовым границам [Suvanto 1972 : 54]. Анализ “святых” гидронимов на вепсской территории показал, что сходная ситуация была и на Российском Северо-Западе. И здесь “святые” гидронимы могли помечать древние границы местного населения и служить своеобразными пограничными знаками [Муллонен 2002 : 145–155].

Помимо географического положения “святых” озер и рек древняя семантика (‘граница’) прибалтийско-финского слова *руһä* подтверждается и привязкой части из них к границам средневековых погостов, которые, как правило, восходят к более ранним территориальным подразделениям местного прибалтийско-финского населения, проживавшего здесь до распространения новгородского господства [Кочуркина 1973:74].

В Заонежье границы средневекового Шунгского пороста помечены двумя “святыми” гидронимами : озеро *Пигмозеро* и залив Онежского озера *Святуха*. Оба топонима требуют определенных пояснений.

Пигмозеро восходит к наименованию вытекающей из озера реки *Пигма*, которая, в свою очередь, входит в ряд заонежских речных наименований с конечным -ма: *Судма*, *Падма* (*Падьма*), *Кажма*, **Вожма*. Для анализа этой группы названий должен, прежде всего, быть решен вопрос о природе -ма: является ли он формантом или входит в производящую основу. В принципе устойчивость его в потамонимах Заонежья дает основание предполагать в нем суффиксальный элемент, (хотя топонимия Заонежья содержит и примеры обратные, когда -ма входит в корень слова: *Салма*, *Лижма*). На суффиксальную природу указывает и выявляющаяся в

Заонежье закономерность в функционировании -ма в составе топонимов. Дело в том, что наряду с примерами, в которых -ма является вторым слогом (*Пигма* и др., см. выше), выявляется группа топонимов с -ма в третьем слоге: *Яндомы, Шайдомы, Пегрема, Линдомы*. Сопоставление звуковой структуры двух групп топонимов указывает на то, что в первой, скорее всего, произошло выпадение гласной из второго слога (*Пигма* < **Пигама*), которому во втором случае препятствовало сочетание согласных на стыке первого и второго слога. Иначе говоря, ситуация определялась открытостью или закрытостью первого слога. В каком языке истоки этого явления? Из прибалтийско-финских языков, бытовавших в прошлом в Заонежье, явление редукции гласных известно вепсскому, однако оно происходило там в ситуации, прямо противоположной той, которая выявляется в Заонежье, а именно после закрытого первого слога [Tunkelo 1946]. Поэтому явление имеет, скорее, русские корни и связано с адаптацией прибалтийско-финских топонимов с ударным первым слогом. Добавим, что гидронимы с -ма во втором слоге группируются в той зоне Заонежья, которая относительно рано испытала русское языковое воздействие.

Есть и другие обстоятельства, позволяющие предполагать присутствие в *Пигма, Судма* и прочих речных наименованиях Заонежского полуострова “речного” форманта -ма. В истоках реки Судмы расположена губа (залив озера Космозера) под названием *Суда* или *Судочья*, в котором основа закрепилась без названного форманта. Не менее показательна и этимологическая интерпретация: вычленив конечный элемент -ма, можно предложить достаточно убедительную этимологию для большинства перечисленных названий, в то время как комплексы, включающие в свой состав -ма, практически не поддаются этимологизации. Так, название реки *Кажма*, представляющей собой короткую протоку между обширной губой Онежского озера Святухой и озером Космозером, заманчиво возводить к прибалт.-фин. *kasa* (вепс. *kaza*, карел. *kasa*) ‘угол, край, бок’. Такая интерпретация находит поддержку в географической характеристике: озеро Космозе-

ро, из которого вытекает река Кажма, является угловым, боковым по отношению к Святухе^{*}. Берега река Падмы известны как основной сенокосный массив центрального Заонежья, что дает основание предлагать для этимологии приб.-фин. *pata, patoi, patama* (в котором *-ma* – словообразовательный суффикс) ‘обширная безлесая низина, в которой весной и осенью (иногда и на протяжении всего лета) стоит вода’ [KMS]. Впрочем, для гидронима существует и более традиционная этимология, связывающая его с приб.-фин. *pato, rado* ‘запруда на реке’.

Название расположенной в окрестностях Кижей реки **Вожма* реконструируется на основе современной, явно вторичной формы *Вожмариха*, в которой выделяются русский суффикс *-иха*, и прибалтийско-финский элемент *-ар* < *-аг*, представляющий собой усеченный вариант прибалтийско-финского (вепсского) детерминанта *-jārv* ‘озеро’. Иначе говоря, современное название реки восходит к приб.-фин. (возможно, вепсскому) наименованию озера *Vožmař* (**Važmař*)^{**} < *Vožmajärv* (**Važmajärv*), рус. *Вожмозеро*, из которого река вытекает. Кстати, в материалах XIX в. название отразилось именно в реконструированном выше облике *Вожмарь* – на-

* Космозеро и Кажма, безусловно, имеют общие истоки, разница же в их современном фонетическом облике вызвана тем, что разные концы озера Космозера, протянувшегося с юга на север практически через все центральное Заонежье, в ходе освоения территории испытали разное этноязыковое воздействие. В названии реки Кажмы, расположенной в северном конце озера, отразилось, видимо, карельское освоение, в то время как в лимониме Космозеро могло отразиться относительно раннее русское воздействие, которое испытало южное Заонежье. Истоки же названия заманчиво видеть в вепсском языке, в пользу чего говорит использование лексемы *kaza* в вепсской топонимии [Муллонен 2002], а также подтвержденное археологически присутствие вепсов в Заонежье на рубеже тысячелетий [АК].

^{**} О возможности первоначального варианта с *a* в основе см. ниже.

звание сенокосного угодья вдоль ручья [РГИА, ф. 380, оп.17, № 533, планшет 70]. В свою очередь, лимноним периода первоначального образования мог восходить к речному наименованию *Vožm(a) или *Važm(a) с конечным -ма, выделяющимся и в других потапонимах Заонежья. В пользу такого многоступенчатого образования, а, главное, возможности выделения в составе топоосновы конечного элемента -ма свидетельствует этимология названия. В его основе можно восстановить саамское vuoč'š'o 'болото, в которое с окрестных более высоких мест стекает вода, вытекающая из болота через ручей', vuáčši 'длинное узкое болото или залив' [SKES] или прибалтийско-финское (видимо, вепсское) *važ 'болото', которое реконструируется на основе данных вепсской топонимии и родственных языков [Муллонен 2002:287–288]. В последнем случае вепсский топоним попал в сферу относительно раннего русского освоения, маркировавшегося передачей прибалтийско-финского *a* как *o*. Предложенная этимология, уже обсуждавшаяся в топонимических исследованиях [Агапитов 2003:283] убедительно подтверждается ландшафтно-географической характеристикой местности, представляющей собой болотистое побережье Онежского озера.

В этом контексте и в названии реки *Пигма*, вытекающей из обширного озера Пигмозеро в Уницкую губу Онежского озера, допустимо выделение двух структурных элементов: топоосновы пиг- и форманта -ма. При этом топооснову допустимо возводить к приб.-фин. *ruhä* в его изначальном значении 'ограда, граница', подтверждением чему служит не только привязка озера и реки к границе Шунгского погоста XVI в. [Витов 1962:176], но и то, что озеро Пигмозеро является водораздельным. Последнее обстоятельство высвечивается названием расположенного южнее Пигмозера на расстоянии 1 км, но по другую сторону водораздела, названием озера *Ладмозеро*, восходящего к карел.-люд. *ladm* (ср. карел. *latva*, *ladva*, *ladv*) 'исток, вершина реки'.

Второй "святой" гидроним Заонежья, также маркирующий границы Шунгского погоста, – это *Святуха*, название узкого длинного залива Онежского озера, прорезающего территорию

полуострова с севера на юг. Анализ гидронимов с основой свят- в районе южного Обонежья и примыкающего к нему Присвирья, где сосуществуют вепсская и русская топонимическая система и для большинства вепсских гидронимов обнаруживаются русские варианты, свидетельствует о том, что целый ряд маркированных русской основой свят- названий рек и озер являются переводами вепсских оригиналов с основой *ruhä-*, т.е. вепс. *Ryhäjärv* по-русски звучит как *Святозеро*, а *Ryhäd'ogi* как река *Святуха* [СГС]. Русские соответствия отразили тот момент в семантическом развитии прибалтийско-финского *ruhä*, когда первоначальное значение 'ограда, граница' было уже не актуальным, а возобладала семантика 'святой'. Именно она отражена во многочисленных переводах *Святозерах*, *Святых озерах*, *Святухах* и т.д.

Название губы Святуха в Заонежье по ряду косвенных (косвенных, поскольку не удастся обнаружить предполагаемый прибалтийско-финский оригинал) свидетельств также может быть переводом древнего вепсского гидронима. Во-первых, практически все относительно крупные водные объекты Заонежского полуострова имеют прибалтийско-финские или саамские названия. Далее, по своей ландшафтно-географической характеристике Святуха является настоящим водораздельным озером, южная оконечность которого отделяется от озер южного Заонежья перешейком. Путь с южного побережья Онежского озера во внутреннее Заонежье через этот перешеек был явно менее удобен (в силу ландшафтных особенностей) и более длителен, чем продвижение через соседний водораздел между Великой губой Онежского озера и южной оконечностью Космозера. Длина последнего не превышает двух с половиной километров, при этом в ландшафтном отношении перешеек удобен для движения. О том, что он действительно использовался для этой цели, свидетельствует сохранившееся здесь название урочища *Тайбола*, восходящее к карельскому *taipale*, *taibale* 'путь, расстояние; переход (напр., из деревни в другую по глухой лесистой местности)' [SSA]. Кроме того, уже самые ранние письменные источники по территории Заонежья фиксируют на Космозере посе-

ления, входящие в состав одного погоста с деревнями, примыкающими к побережью Великой губы Онежского озера, что также подтверждает существование в древности волоковой дороги от Онежского озера до южной оконечности Космозера. Берега же Святухи же на всем ее протяжении, кроме северного побережья, осваивавшегося с севера, оставались в течение столетий незаселенными.

Святуха, таким образом, оставалась в стороне от дороги и воспринималась прибалтийско-финскими насельниками края, продвигавшимися с юга, как крайнее, пограничное, т.е. “святое” озеро.

В заключение несколько слов в пояснение предполагаемых вепских истоков “святых” гидронимов в Заонежье. Этот русский район северного побережья Онежского озера наряду с вепскими характеризуется и многочисленными карельскими чертами в культуре и языке, в том числе и в топонимии. Однако ареальный анализ гидронимов с основой *ruhä-* убедительно свидетельствует об отсутствии данной модели на путях карельской экспансии из северного Приладожья в Обонежье, в то время как она хорошо представлена на предполагаемых маршрутах вепского продвижения на север. Мне приходилось уже писать [Муллонен 2002:153–155] о том, что ко времени карельского проникновения на территорию современной Карелии и в Обонежье модель “святых” гидронимов уже, очевидно, утратила продуктивность в прибалтийско-финской гидронимии, поскольку к этому времени (XII–XIII) произошла смена значения слова *ruhä* (‘граница’ → ‘святой’), и новая семантика не была свойственна прибалтийско-финской гидронимии. И ареальная, и хронологическая (вепсы по данным археологии проникли в Обонежье несколько раньше карельской, а также новгородской волны) характеристика говорят, таким образом, в пользу вепских истоков модели в Заонежье.

Результаты анализа “пограничных” топонимных моделей Заонежья свидетельствуют, таким образом, о сакральном статусе пространства и его границ в представлениях создателей заонежской топонимии. Названия указывают также на

значительную устойчивость границ во времени, что важно учитывать при анализе возникновения и функционирования локальных общностей.

Сокращения

Агапитов 2003 – Агапитов В.А. Топонимия и археологические памятники Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Материалы IV Международной научной конференции “Рябининские чтения–2003”. Петрозаводск, 2003.

Алквист 1996 – Алквист А. Загадочные камни Ярославского края // Congressus Octavus Internationalis Fenno–Ugristarum Jyväskylä 10.–15.8.1995. Pars VII. Litteratura. Archaeologia. Anthropologia. Jyväskylä; 1996.

Березович 2000:437–438 – Верезович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Витов 1962– Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962.

Кочуркина 1973 – Кочуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X – XIII вв. Л., 1973.

Криничная 2001 – Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Том первый: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-“хозяевах”. СПб., 2001.

Культурный ландшафт 1998 – Калущков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионова Е.А. Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье, Поморье. М., 1998.

Курец 2000 – Русские заговоры Карелии. Составитель Курец Т.В. Петрозаводск, 2000.

Матвеев 1996 – Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1.

Муллонен 2002 – Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

СГС – Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). Под редакцией А.С. Герда. СПб., 1997.

Хакулинен 1955 – Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. 2. М., 1955.

Черепанова 1983 – Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Щепанская 1995 – Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.

Anttonen 1994 – Anttonen V. Erä- ja metsäluonnon pyhyys // Metsä ja metsänvilja. Kalevalaseuran vuosikirja 73. Pieksamäki, 1994.

Kettunen 1955 – Kettunen L. Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen. Helsinki, 1955.

KMS – Nirvi R.E. Kiihtelysvaaran murteen sanakirja VI. Lappeenranta, 6/r

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. I – VII. LSFU, XII. Helsinki, 1955 – 1981.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1 – 3. SKST 556. Helsinki 1992 – 2000.

Suvanto 1972 – Suvanto S. Satakunnan ja Hämeen keskiaikainen rajalaitos. Tampere, 1972.

Tunkelo 1946 – Tunkelo E.A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.

Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья как система*

Известно, что в узком смысле под термином «русская топонимия» понимаются только те географические наименования, которые являются русскими по происхождению. Данные топонимы могут содержать в своём составе элементы иных языков (субстратные и заимствованные).

В широком смысле под термином «русская топонимия» имеются в виду все топонимы, которые, во-первых, употребляются русским населением, во-вторых, обозначают объекты на территории русского заселения. Подобное широкое понимание русской топонимии находим в работах А.П. Дульзона, А.К. Матвеева, И.А. Воробьевой, Г.В. Глинских и др.

В топонимическом отношении территория современной Карелии делится на две крупные части – западную и восточную, очень условной границей между которыми можно признать автомобильную дорогу «Мурманск – Санкт-Петербург».

К западу от границы распространена прибалтийско-финская топонимия и топонимия, наименее адаптированная русским языком. Большинство топонимов этой части Карелии на русской географической карте – это транслитерированные

* В тексте работы приняты следующие сокращения наименований поселений: *Вирма (Вм), Колежма (Км), Лапино (Л), Нюхча (Н), Сумский Посад (Сп), Шуерецкое (Шр).* - Беломорский район; *Великая Губа (Вг), Вырозеро (Выр), Кажма (Кжм), Карасозеро (Кр), Кижси (Кж), Кузаранда (Куз), Толвуя (Толв), Фоймогуба (Ф)* - Медвежьегорский район; *Ладва (Лд), Лососинное (Лс)* - Прионежский район; *Варишпельда (Вп), Гольницы (Гц), Гумарнаволок (Гн), Загорье (З), Куганаволок (К), Канзанаволок (Кн), Кевасалма (Кс), Колгостров (Кв), Пога (Пг), Пильмасозеро (Пм), Чуюла (Ч) (Водлозеро), Каршевская (Кш), Кривцы (Кц), Отовозеро (От), Песчаное (Пч), Рындозеро (Рын)* - Пудожский район.

прибалтийско-финские наименования. Реже здесь отмечают названия-полупереводы. Соответственно на западе представлены прибалтийско-финские географические названия с топоосновами –*вара* /*варака*/ (г. Кяткивара, Паловара, Куйк-кавара, Маткавара, Петсевара, Шариварака)**; –*селькка* /*селькя*, *сельга*/ (Койтонселькя, Леппяселькя, Нинисельга, Тенгусельга), –*лампи* /*ламби*/ (оз. Мусталампи, Юролампи, Валгилампи, Габалампи, Агвенлампи, Кохталамби), –*мяки* /*мяги*/ (г. Котвамяки, Лехтомяки, Парконмяки, Хювенмяки, Тиримяки), –*ниemi* (м. Перттиниеми, Ориниеми, Понанниеми) –*сари* /*суари*, *шари*, *шуари*/ (с. Кормушсари, Тороссари, Пурнусуари, Нильмашари, Киярмисшуари), –*шуо* /*суо*/ (бол. Кепашуо, Кохтусуо, Сурисуо), –*ярви* (оз. Ладваярви, Шуоярви, Кивиярви, Силькаярви) [1].

На большей части восточной территории Карелии распространена русская топонимия. Топонимы этой территории обозначают объекты в местах русского заселения и употребляются русскими. Иноязычные наименования данной части Карелии являются таковыми лишь по своему происхождению, так как усвоены русскими в местах их проживания и входят в русскую топонимическую систему.

В данной работе мы попытаемся определить показатели системности русской топонимии Карельского Поморья и Обонежья и выяснить специфику изучаемой системы наименований (при сопоставлении с топонимией других территорий).

В отечественной и зарубежной лингвистике подчеркивается особое положение собственных имен в языковой системе (А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, Е. Курилович и др.). Многие собственные имена созданы на базе нарицательных и вторичны по отношению к ним. Некоторые из них непосредственно не связаны с понятием и закреплены, как правило, только за одним объектом. Эти слова имеют свою специфику в словоизменении и словообразовании.

** А.К. Матвеев приводит аналогичные географические названия Карелии на карельском языке [2, с. 303].

Исследователи топонимии не раз задавали вопрос о том, является ли совокупность географических наименований системой в собственном смысле слова? Некоторые считают, что топонимия – это малоинтегрированная система, система низшего уровня [3, с.158]. Другие утверждают, что топонимия определённой территории «представляет собой стройную систему, где противопоставляются не только разные классы названий, но и однотипные наименования одного и того же класса» [4]. Так или иначе, но системность топонимии признаётся всеми исследователями, и географические названия составляют особую подсистему в лексической системе языка [5, с. 3].

Понятие топонимической системы можно считать достаточно сложившимся в отечественной ономастике, несмотря на отдельные незначительные расхождения. Различные определения топонимической системы фактически дополняют друг друга. Как отмечает Э.М. Мурзаев, «под топонимической системой следует понимать совокупность специфических особенностей или признаков, закономерно повторяющихся в процессе формирования географических названий и в их современной стабильности» [6, с. 14; 7, с. 24]. Н.В. Подольская считает, что топонимическая система – это «определённым образом организованная совокупность топонимов данного этноса для данного времени на данной территории» [8, с. 146]. А.В. Суперанская подчеркивает территориальную организованность набора элементов топонимической системы, правил и способов их соединения друг с другом, специфику восприятия определённых топонимических образований [9, с. 108]. Для Н.К. Фролова «это территориальная система географических названий с групповыми и бинарными противопоставлениями отдельных топонимов или разрядов топонимов, объединённых в однородные ряды, классы на основе смежности или совпадения семантико-словообразовательных и прочих признаков» [10, с. 23].

В этой связи современная отечественная наука о географических наименованиях рассматривает именно конкретные

территориальные топонимические системы и связи внутри данных систем.

Границы топонимической системы, по мнению исследователей, выделяются на основе общности исторических, географических и лингвистических данных [4; 11]. В пределах этих границ, как правило, заключается одноязычная территория.

Величина территории, на которой функционирует одна топонимическая система, у разных исследователей неодинакова. По мнению Ю.А. Карпенко, единая топонимическая система охватывает всю территорию распространения одного языка или даже группы близкородственных языков. Так, территорию распространения русского, украинского и белорусского языков он называет одной системой [11, с. 56]. И.А. Воробьева включает в единую западносибирскую топонимическую систему территории трех областей – Кемеровской, Новосибирской и Томской [4, с. 224]. Чаще всего территория топонимической системы ограничивается исследователями одной областью. Так, В.Д. Бондалетов рассматривает топонимическую систему Пензенской области [12], Ю.А. Карпенко – Одесской области [13].

Наиболее минимальная единица территориальной топонимической системы – топонимическая микросистема. Топонимическая микросистема – это система микропонимов одного поселения [8, с. 146]. Если единая топонимическая система может охватывать различную по величине территорию (от нескольких государств до районов и групп поселений), то топонимическая микросистема является очень четко локализованной.

Топонимическая система Карельского Поморья и Обонежья выделяется нами на основе нескольких принципов: лингвистического, исторического, географического. Данная топонимическая система охватывает восточную территорию Карелии, на которой распространена русская топонимия [14, с. 17]. Эта территория издавна заселена русскими и этнически однородна [15, с. 46; 16, с. 70]. Расселение носителей русского языка на этой территории привело к возникновению рус-

ской топонимической системы, в которой сочетаются различные по происхождению элементы.

В этой части Карелии распространены русские говоры, которые по традиционной классификации входили в Олонецкую (от южной части Онежского озера до Повенца; нынешние Прионежский, Кондопожский, Пудожский, Медвежьегорский, Сегежский районы) и в Поморскую (от Повенца на север, включая часть нынешнего Беломорского и прибрежную полосу Кемского районов) группы говоров северновеликорусского наречия. По новой классификации выделяется только Онежская группа межзональных говоров северного наречия [17–22].

С конца XV века большая часть территории Карельского Поморья и Обонежья входила в состав Обонежской пятины Новгородской земли и охватывала Выгозерский, Толвуйский, Шуньгский, Кижский, Челмужский, Водлозерский, Шальский, Пудожский, Остречинский погосты. Кроме того, часть территории Карельского Поморья – Кемская и Шуерецкая волости входили в состав Кольского уезда [23, с. 32].

В настоящее время русская топонимическая система Карельского Поморья и Обонежья включает Лоухский, Кемский, Беломорский, Сегежский, Медвежьегорский, Кондопожский, Прионежский (частично) и Пудожский районы. Границы единой топонимической системы Карельского Поморья и Обонежья проходят на западе по линии контакта русского населения с карелами [24, с. 62; 15, с. 46], на юго-западе – с вепсами [25, с. 25; 26, с. 5]. На востоке и юго-востоке Карельское Поморье и Обонежье граничит с территориями Архангельской и Вологодской областей.

Эта топонимическая система отличается от русских региональных топонимических систем Центральной России, так как она содержит в своем составе значительное количество географических наименований прибалтийско-финского происхождения. В центральной части России иноязычная топонимия подверглась значительно более ранней адаптации, чем на территории Карелии, где до сих пор продолжают жить контакты русского и прибалтийско-финского населения. Сближа-

ет топонимию Центральной России и Карелии преобладание наименований русского происхождения с элементами, характерными для всех русских топонимических систем.

Достаточно много типологических схождений у топонимии Карельского Поморья и Обонежья с топонимическими системами северных областей России – Мурманской, Архангельской, Вологодской, Ленинградской. Однако эти совпадения не препятствуют выделению топонимической системы Карельского Поморья и Обонежья.

Показателями системного характера топонимии являются своеобразная семантика, определенный набор словообразовательных и лексических средств, участвующих в образовании географических названий, а также их структурные типы. Все это в совокупности реализуется в парадигматических отношениях.

Очень важным для понимания топонимической системы языка, её отличий от системы нарицательных имён является вопрос о структуре значения имени собственного. На этот счёт существуют разные мнения.

Одни исследователи считают, что имя собственное не нуждается в понятийном содержании и не обладает сигнификативным значением [27, с. 190–191; 28, с. 23].

Другие выделяют в семантике имён собственных, как и нарицательных, три составных элемента: структурное, сигнификативное и денотативное значение. Под структурным значением имён собственных понимается общее ономастическое значение (т.е. отношение имён собственных к другим знакам), выступающее в форме микросистемного топонимического значения топонимов и противопоставленное зоонимному в зоонимах, антропонимному в антропонимах и т.д. [29, с. 260].

Денотативное значение имён собственных – это отношение имён собственных как знаков, которые указывают на соответствующие предметы (топонимы – на географические объекты, антропонимы – на людей и т.д.) [29, с. 260–261]. Отдельные исследователи говорят об особом энциклопедическом значении имени собственного, под которым понима-

ется сумма конкретной информации о денотате имени [30, с. 333].

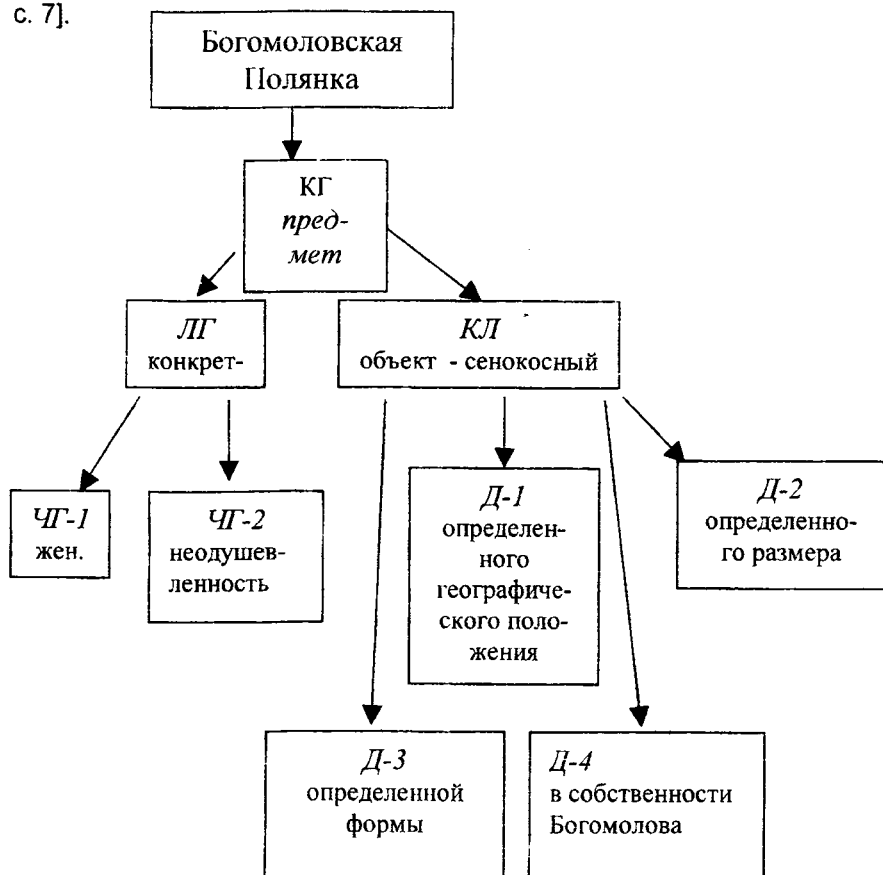
Эти исследователи признают наличие у собственных имён и сигнификативной стороны значения, так как имена собственные подводят единичный объект под некоторый класс объектов [31; 32].

Метод компонентного анализа получил довольно широкое распространение в последние десятилетия. Анализ лексической системы языка, её внутренней организации с помощью данного метода воплощён в работах З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.Г. Гака, А.М. Кузнецова, Д.Н. Шмелева, Л.М. Васильева и др.

Парадигматические связи слов базируются на том, что в значениях различных слов присутствуют одни и те же компоненты. Сема – элементарный компонент значения слова. Семная структура любого слова иерархична, а сами семы неравноправны. В ней выделяются самые общие семы – категориально-грамматические (сема `действие` в глаголах, сема `признак` в прилагательных, сема `предмет` в существительных), которые конкретизируются лексико-грамматическими семами (сема `качественность` прил. *высокий*, сема `относительность` прил. *деревянный*). Последние уточняются с помощью частно-грамматических сем. Менее общими являются собственно лексические семы, подразделяемые на главные и зависимые. Первые называют категориально-лексическими семами, или «архисемами» (по терминологии В.Г. Гака). Такую роль играет сема `жидкость` в значениях слов *молоко*, *квас*, *вода* и пр., сема `перемещение` в значениях глаголов *летать*, *ходить*, *гнать*. Этим категориально-лексическим семам подчинены все остальные, которые принято называть дифференциальными. В значениях некоторых слов могут содержаться «интегральные семантические признаки», уникальные, «несопоставимые остатки», а также признаки, имеющие характер «потенциальных сем» [33, с. 33–34].

Метод компонентного анализа значений географических наименований применен некоторыми учеными. В частности,

Д.Н. Голев определяет семную структуру конкретного топонима, выделяя такие компоненты, как объект, определенное географическое положение, размер, форма и т.п. [32, с. 91]. К.М. Ирисханова считает, что любой топоним включает три типа сем: архисему единичности, дифференцирующие семы неодушевленности и локальности, потенциальные семы [34, с. 7].

На отдельные семы можно разложить значение любого географического названия – ойконима, гидронима и даже микропонима, известного узкому кругу людей. Причем понятность микропонима позволяет с большей точностью и

конкретностью выявить его семную структуру. Семную структуру топонима *Богомóловская Полянка* – сенокосный участок (с. Ладва, Прионежский район) представили в виде схемы.

Сравнение семантической структуры данного микропонима со значением апеллятива *полянка* 'пашня (вдали от селения, за полями)' сев. (СРНГ, XXIX, 190) показывает, что общими являются все грамматические семы, а собственно топонимическими – лексические, причем как категориальные, так и дифференциальные.

Каждый регион характеризуется наличием наиболее продуктивных топонимических словообразовательных типов [35, с. 120; 36, с. 12]. В топонимии восточной Карелии выделяются те же способы словообразования, что и на исконно русских территориях: простая онимизация, трансонимизация, аффиксация, составной беспредложный, сложный, эллиптический (усеченные формы), локативный и генитивный способы.

В.А. Никонов указывал, что аффиксация является главным славянским топонимическим типом [37, с. 17]. Один из универсальных способов образования географических наименований – суффиксация. В исконно русской топонимии суффиксальные образования получили очень широкое распространение. Так, из русских названий населённых пунктов суффиксальными являются более 90 % [38]. В Польше, Болгарии, Югославии, Тульской, Владимирской, Московской, Кировской, Калужской, Пензенской областях большая часть топонимов образована сцффиксальным способом [37; 39–42]. Ср. данные другой языковой зоны: в Восточной Германии явно господствует словосложение – 82 % , а на долю аффиксации приходится в среднем лишь 14 % [37].

Структурные типы в топонимии различных регионов

Регионы	Польша	Болгария	Югославия	Владимирская обл.	Тульская обл.	Тамбовская обл.	Калужская обл.	Германия	Карельское Поморье и Обонежье
Аффиксация	73%	76%	54%	85%	84%	33,9%	53%	14%	10%
Словосложение	3%	1%	1%	1%	1%	—	—	82%	25%
Составной	20%	13%	40%	10%	12%	—	—	2%	35%

Аффиксальные наименования в топонимии Карельского Поморья и Обонежья представлены в меньшей степени (около 10 %), а главными топонимическими типами являются словосложение (25 %) и составной способ (35% названий).

Словосложение – это образование топонимов путем объединения в одно целое двух или более основ. Господство словосложения в топонимии Карельского Поморья и Обонежья обусловлено значительным количеством наименований прибалтийско-финского происхождения: *Ви́чкозеро* Л. < кар. *vičikkö* `кустарник, заросли кустов` (СКЯ 1990: 426), *Га́бозеро* Сп. < кар. *huabu* `осина` (СКЯ 1990: 73), *Ку́зестров* Вм. < кар. *kuizi*, вепс. *kuž*, саам. *kūss* `ель` [43, с. 48], *Мягостров* Км. < кар. *mägi* `гора`, вепс. `гора, холм, возвышенность` [43, с. 61], *Пёртестров* Шр. < кар. *per't'i* `изба` (СКЯ 1990: 261), *Ра́йдостров* Вм. < кар. *raidu* `широколистная рослая ива` (СКЯ 1990: 297) – Карельское Поморье, *Ажепнаволоок* Толв., *Кудостров* Вг., *Лигостров* Кж. < кар. *ligo*, вепс. *ligo* `место, где замачивали лен` [44, с. 26], *Падмозеро*, *Путкозеро* – Заонежье, *Ку́когора* К. < кар. *kukkula*, *kukkuri* `крутая гора, холм`, вепс. *kukkaz* `холм, горка` [43, с. 45], *Пёрхнаволоок* Гн. < вепс.

* В таблице приводятся данные из работ В.А. Никонова [37], М.Н. Морозовой [39], Н.А. Кузнецовой [40].

peřeh `семья` (СВЯ 1972: 408), *Рáйостров* К. < кар. *raja* `граница, край, конец` [43, с. 77] – Пудожский р-н. Лишь отдельные наименования-словосложения Карельского Поморья и Обонежья являются собственно русскими: оз. *Вёрхозеро* Л., оз. *Щукозеро* Км., пор. *Лиспорог* Лд. Из числа названий со словом *остров* сложные составляют 80 % в топонимии Водлозерья, 66% – в топонимии Карельского Поморья, 55 % – в топонимии Заонежья.

Составной беспредложный способ – это наиболее продуктивный способ образования географических названий Карельского Поморья и Обонежья. Составные беспредложные топонимы включают в свой состав два и более слов и образуются двумя путями. Во-первых, эти названия возникают из сочетаний нарицательных существительных с именами прилагательными или числительными: бол. *Дёдов Мох* Км., руч. *Мозучий ручей* Сп.; поле *Мешаловский Тёреб* Сп.; *Нюхотский вóлок* Км. – Карельское Поморье; уч. *Вегорукские Пожни* Вг., ур. *Зяблые Нивы* Вг., *Высо́кая горá* Толв., *Велíкое болóто* Куз. – Заонежье; о. *Берёзовый остров* Пс., поле *Коробовская Нива* Кш., *Наволоцкое Среднее поле* Рын., *Поповское поле* От., *Мельничная горá* К. – Пудожский р-н; *Большой остров – Маленький остров* Лс.; ур. *Восьмóй Квартáл* Лд., *Плóский ручей* Лд., пок. *Пáйрецкие Пóжни* Лд. – Прионежье. Во-вторых, топонимы этого типа образуются путем присоединения к собственно топонимам имен прилагательных или числительных: *Вёрхний Мáльгуручей* Км. < ср. кар. *maldo* `место с замедленным течением в реке, плес` [43, с. 58], *Вёрхняя Óхтома* К. – *Нíжняя Óхтома* К. – реки; пок. *А́льковская Сáраселька* – *Ки́рьяновская Сáраселька* – *Ко́млевская Сáраселька* Лд.

Простая онимизация – способ образования топонима, при котором нарицательное имя переходит в собственное без осложнения топонимическими аффиксами. С помощью про-

^{**} О господстве словосложения в севернорусской топонимии Архангельской области свидетельствует Э.И. Косова [45, с. 61].

стой онимизации образованы более 9 % названий Карельского Поморья и Обонежья: поле *Броды* Л., пок. *Горúшечки* Шр., поле *Нáволок* Л., пок. *О́стров* Вм., пор. *Мёльница* Вм. – Карельское Поморье; бол. *Болóто* Лд., пок. *Глáди* Лд., пок. *Кanáва* Лд., пок. *Обод* Лд. – Прионежье; поле *Зíмник* Гн., пок. *Колéно* Пг., поле *Пúстоша* Ч. – Пудожский район*.

Трансонимизация – способ топонимического словообразования, при котором происходит «переход онима одного разряда в другой» [8, с. 152]. На долю данного типа в топонимии Карельского Поморья и Обонежья приходится 8 % названий: мыс Гостынаволок > д. *Гóстьनावолок*, зал. Маткалахта (< вепс. *matk* `путь, расстояние` (СВЯ 1972: 322)) > д. *Мáткалахта*, о. Великостров > д. *Велíкостров* (Пудожский район) и т.д.

Локативный способ** – это способ образования, при котором топонимом становится предложно-именное словосочетание, указывающее местоположение объекта: пож. *В Кíнгасгубе* Н., поле *У Болóта* Вм., пож. *У Дыбунá* Вм., пок. *У порóга* Км. – Карельское Поморье; поле *В Крежú* Пг., поле *За Лужкóм* Вп., ур. *У Большóго Кáмня* К., ур. *За Мишей Медведы́м* Кш. – Пудожский район; поле *У Глáди* Выр., ур. *У плóтины* Выр., ур. *У Кондезера* Ф., ур. *У Грязного ручь́я* Куз. – Заонежье. В современной топонимии Карельского Поморья и Обонежья представлено 6 % локативных названий. Причем подобные наименования характерны в целом для восточнославянской микротопонимии***.

* В топонимии Шабалинского района Архангельской обл. с помощью простой онимизации образовано 30% названий [46, с. 53].

** Локативные конструкции исследователи часто называют названиями-ориентирами [47-50]. Однако к топонимам-ориентирам нередко относят и беспредложные словосочетания: Межная грива; Первое, Второе, Заднее Бёрдо [48, с. 8, 10; 51; 52, с. 39].

*** На обилие локативных конструкций в микротопонимии указывают многие исследователи [53, с. 7; 49, с. 21; 50, с. 42]. Так, в микротопонимии Случчины (Белоруссия) зафиксировано ок. 8,5% подобных названий [47, с. 66], в топонимии бассейна верхней Устьи (Архангельская область) – 27% названий [54, с. 27].

Генитивный способ – способ образования, при котором происходит переход слова, представленного в родительном падеже без предлога, в географическое наименование. Падежной формой названия обозначается принадлежность объекта определенному хозяину. Чаще всего генитивные конструкции распространены в наименованиях сельскохозяйственных угодий: пок. *Ба́хиревских* Л., поле *Ко́лесовых* Л., поле *Васи́лия Андре́евича* Л., поле *Вахроме́евских* Км. – Карельское Поморье; луга *Ере́миных* Кн., поле *Ку́васовых* К., ур. *Ми́ткиных* К. – Пудожский р-н; ур. *Крылова* Кр., ур. *Федоско-вых* Кр. – Заонежье. В топонимии Карельского Поморья и Обонежья зафиксировано 3 % названий этого типа.

Эллиптирование – способ, при котором топонимы образуются из составных наименований в результате опущения одного из слов: пок. *Гнило́е* Л., уч. *Зи́мний* Км., пор. *Ме́льничный* Шр., пор. *Столбово́й* Вм. – Карельское Поморье; о. *Зверу́ное* К., о. *Ильи́нский* К., поле *Габозерская* От. – Пудожский р-н, о. *Становой* Кж., о. *Высокий* Кж., о. *Верхний* Вг., ур. *Кажемское* Кжм., ур. *Пашинская* Кжм – Заонежье. В топонимии Карельского Поморья и Обонежья насчитывается 4% географических названий – эллипсов**.

* На обилие локативных конструкций в микротопонимии указывают многие исследователи [53, с. 7; 49, с. 21; 50, с. 42]. Так, в микротопонимии *Случчины* (Белоруссия) зафиксировано ок. 8,5% подобных названий [47, с. 66], в топонимии бассейна верхней *Устьи* (Архангельская область) – 27% названий [54, с. 27].

* На обилие локативных конструкций в микротопонимии указывают многие исследователи [53, с. 7; 49, с. 21; 50, с. 42]. Так, в микротопонимии *Случчины* (Белоруссия) зафиксировано ок. 8,5% подобных названий [47, с. 66], в топонимии бассейна верхней *Устьи* (Архангельская область) – 27% названий [54, с. 27].

** Эллиптические образования преимущественно распространены в наименованиях крупных объектов. Следует учитывать и то, что на картах и в словарях географический термин обычно выносится за пределы топонима [55, с. 35; 56, с. 113].

Аффиксация, как указывалось выше, в топонимии восточной Карелии составляет 10 %: отмечены форманты –ово /-ево, -ино, -ск(ая)/-ск(ое), -ец, -щина, -иха, -уха, -ка, -је, за-, под-. Количество аффиксов, участвующих в образовании географических названий, достаточно ограничено. В связи с этим повторяемость словообразовательных формантов возможна даже в рамках одной микросистемы: *Крестовуха, Боровуха, Свинуха, Кривуха, Красуха; Дедовица, Котельница, Чуроватица* – пахотные угодья у д. Первые Межники Выр. – Заонежье.

По общим словообразовательным элементам географические наименования объединяются в парадигматические ряды. Так, выделяются названия островов с суффиксом –ец, названия населенных пунктов с суффиксами –ово/-ево и –ино, названия сельскохозяйственных угодий с формантом –щина.

Для отдельных групп названий существуют наиболее употребляемые аффиксы. Так, в современных названиях населенных пунктов Обонежья русского происхождения преобладают форманты -ово, -ино, реже используются аффиксы –ск(ая; ое), –щина и –је. Географические названия как бы подстраиваются под продуктивную топонимическую модель*, ср. в Пудожском районе антропоним + -ов(о): д. *Бочилово – Семеново – Авдеево – Алексеево – Бураково – Каршево – Колово – Кошуково – Ножево*; антропоним + -ская: *Рогозинская – Тереховская – Дубовская – Стешевская – Щаниковская – Кубовская – Афанасьевская – Филимоновская – Харловская* [57, с. 56–58]. В связи с этим на близкой территории «ойконимы составляют как бы гнезда одноструктурных имен, совпадающих и по принципу номинации» [4, с. 217; 5, с. 7]. Так, в Сенногубском с/с находим д. *Боярщина, Носоновщина,*

* *Топонимическая модель – это схема построения однотипных топонимов, которые характеризуются семантической и грамматической общностью топоосновы, общностью топоформанта, общностью грамматических характеристик* [35, с. 120].

Патаневщина; Васильево, Голиково, Еглово, Ерсенево, Телятниково и др.; в Шуньгском – Деригузово, Екимово, Коробейниково, Коровниково, Лахново, Сигово, Тимохово, Федотово; Батова, Медведева, Мустова, Онтова, Перхина; Горская, Подгорская, Фоминская и др. – Заонежье.

Нередки случаи, когда два разных населенных пункта имеют одинаковые названия: д. Колово – п. Колово (Пудожский р-н); с. Колежма – ст. Колежма, с. Вирма – ст. Вирма (Беломорский р-н)**.

Для разграничения одинаковых названий близких объектов создаются парные противопоставления: д. Большая Нива – д. Малая Нива (Кузаранда) [57]. Подобных противопоставлений в современной ойконимии зафиксировано очень немного. Это обусловлено тем, что многие ойконимы исчезли, и произошел распад таких парадигм. Так, еще в начале 70-х годов существовали два противопоставленные друг другу названия деревень *Первые Гарницы* и *Вторые Гарницы* Сенногубского с/с. С исчезновением деревни *Вторые Гарницы* в 1974 году бинарная оппозиция распалась.

При исчезновении одного из элементов бинарной оппозиции можно легко предсказать или гипотетически реконструировать его [59, с. 18].

С функциональной точки зрения все географические названия делятся на собственно топонимы и микротопонимы.

Собственно топонимы – это географические наименования, которые известны широкому кругу людей и функционируют в широком синтагматическом контексте [5, с. 5].

Эти две группы имён находятся в иерархических отношениях, так как высший ярус составляют собственно топонимы, а низший – микротопонимы. Между ними и внутри каждого существуют определённые парадигматические отношения – групповые и бинарные оппозиции [5].

** Г.М. Керт подчеркивает, что подобные топонимы – омонимы создают существенные помехи и неудобства в информационном пространстве, «если они обозначают географические объекты, расположенные недалеко друг от друга» [58, с. 51].

Микротопоним – это «собственное имя (чаще) природного физико-географического объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта, в т.ч. микрогидроним, микроойконим, микроороним, микрохороним, названия урочищ, хозяйственных угодий, микросооружений (колодцев, мостов, будок, вышек, зимовий, кордонов, охотничьих домиков и т.п.)» [8, с. 86].

У топонимистов нет единства в определении микротопонимии. Так, по мнению Р.И. Блинохватовой, микротопонимия включает названия лугов, сенокосов, полей и лесов, лесных дач, полян, иногда отдельных деревьев, значительных камней, горок и тому подобных мелких объектов [60, с. 222]. Такое понимание микротопонимии является довольно узким.

Широкое понимание микротопонимии находим в работах А.К. Матвеева, считающего, что к микротопонимам следует относить не только названия мелких объектов. На Русском Севере в эту группу он включает все названия возвышенностей, а также субстратные названия населенных пунктов, которые восходят к наименованиям микрообъектов [61, с. 83]*.

В микротопонимической системе восточной Карелии выявляются парадигматические отношения, свойственные и другим топонимическим и микротопонимическим системам и обусловленные влиянием историко-культурных процессов. Здесь преобладают незакрытые неантонимичные многочленные и бинарные оппозиции, различающиеся какой-либо частью наименования: *Кубасовское пóле – Кубасовская Поляна – Кубасовская пóжня Кв., Анто́нова Нíва – Бéлкина Нíва – Ерóхова Нíва – Софрóнова Нíва Кс. – Пудожский район, Кирьяновская мéльница – Кирьяновские Наволóчки – Кирья-*

* Аналогичная трактовка термина «микротопонимия» представлена в работе А.К. Матвеева «Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования» [62, с. 79].

новский Обод – Кирьяновская Сараселька Лд. – Прионежье, Рахманинские горбы – Рахманинские Теребá Сп., Голубинские Теребá – Голубинский Мох – Голубинский порог – Голубинский ручей Км. – Карельское Поморье. Значительное число микропонимов связано отношениями производности с собственно топонимами, в частности, с ойконимами и гидронимами: Антоновская Сомбома – Белкинская Сомбома – Софрониовская Сомбома – сенокосы Кс., Кевасалмская Лáхта – Кевасалмская мельница – Кевасалмское поле Кс. – Пудожский р-н, Пáйрецкая дорóга – Пáйрецкая Полянка – Пáйрецкие Пóжни – Пáйрецкое болóто – Пáйрецкое Устье Лд. – Прионежский р-н, Колежómский вóлок – Колежómское клáдбище Км., Сúmский Мох – Сúmский вóлок – Сúmская Губá Сп. – Карельское Поморье. Исчезновение производящего ойконима в результате экстралингвистических процессов приводит к распаду подобной парадигмы.

Меньшую роль в микропонимии, в отличие от собственно топонимии, играют антонимичные бинарные оппозиции: Вéрхняя Кáменка – Нíжняя Кáменка – поля К. – Пудожский р-н, Блíжняя Пúстошь – Дáльная Пúстошь – поля Лд. – Прионежье, Большóй Мох – Мáлый Мох – болота Вм., Большóй Жемчúжный – Мáлый Жемчúжный – покосы на Мягострове Км. – Карельское Поморье*.

Отдельные микропонимы находятся в отношениях производности друг к другу: Ану́хина Нíва – Подану́хина Нíва Гц. – Пудожский р-н, Зáлуз (пок.) – Залугóвский Мох (бол.) – Залугóвский Пудáс (зал.) – У Зáлугá (развилка реки) Км. – Карельское Поморье. О возникновении микропонимов в парадигматическом ряду свидетельствуют и их словообразовательные связи: Ананьёвщина – Васикóвщина – Захарьёвщина – Кóноновщина – Красюкóвщина – Тарáсовщина – поля З. – Пудожский район, Баклашóвщина – Грíшевщина – Ершóвщина – Ипáтовщина – Кабанóвщина – Касикóвщина –

* Одни исследователи считают, что антонимы среди топонимов имеются; другие – отвергают наличие антонимов – географических имен [63].

Ки́рьяновщина – Краско́вщина – Макучо́вщина – Ми́роновщина – Пономаре́вщина – Тито́вщина – Фила́товщина – Фомичёвщина Лд. – Прионежье.

Микротопонимические названия в рамках одной микро-системы могут быть легко предсказуемыми. Так, многие из них образованы от фамилий владельцев угодий. Микротопонимы могут свидетельствовать о местоположении объекта, о его величине.

В микротопонимии довольно распространенным типом наименования является локативный. Названия этого типа указывают на местоположение географического объекта. Из 30 микротопонимов деревни Бесов Нос Каршевского с/с Пудожского района 5 являются предположно-падежными конструкциями: *За Бочагой поляна – с/х угодье Кш.*; *За Лушей поле – пахотное угодье Кш.*; *За Зародниками поляна – пахотное угодье Кш.*; *На Загарской дороге – пахотное угодье Кш.*; *За Колодцем – пахотное угодье Кш.*

О местоположении объекта свидетельствуют также составные названия: *Ближняя Станозая*; *Средняя Становая*; *Дальняя Становая* – пахотные угодья д. Бесов Нос Кш. Некоторые названия указывают на величину объекта: *Большая поляна*; *Малый Ручей*; *Меньшой Завод*; на принадлежность угодий определенному хозяину: *Антоновых Нива*; *Сорокиных Завод*; *Мишиных Нива*; *Золотовщина*; *Коробовская Нива* – пахотные угодья д. Бесов Нос Кш. Однотипные с этими микротопонимы встречаются по всей территории Карельского Поморья и Обонежья, ср. названия у д. Карасозеро в Заонежье: *У Мельницы*; *За Кальозером*; *Большая пожня*; *Ивановская пожня*; *Кирилкин Угол*; *Шигаевщина*; *Мягкие Нивы Дмитриева*; *Ульяновщина*; *Савиновский Ручей*; *Елесовщина*; *Фадейковщина* – пахотные угодья Кр.

В д. Остров – Заречье Кривецкого с/с Пудожского района распространены пахотные угодья, которые делились по хозяевам. В связи с этим несколько названий производны от одного общего, ср.: *Каменуха > Алексахиных Каменуха*; *Агеевых Каменуха*; *Круглуха > Ивашковых Круглуха*; *Агеевых Круглуха*; *Березник > Березник Пахомовых*; *Березник Фило-*

бовых; Березник Тереховых; Березник Кондратьевых; Березник Васькиных; Палатекса > Палатекса Пахомовых; Палатекса Терехова Михаила Осиповича; Палатекса Терехова Егора Константиновича; Глипаши > Глипаши Агеевых; Глипаши Терехиных; Глипаши Алексахиных; Насоновщина > Насоновщина Пахомова Дмитрия Петровича; Насоновщина Егорковых Кц. Подобные примеры встречаются и в микросистемах других деревень Пудожского района и всего Обонежья: Сырница > Сырница Кабановская; Сырница Мышевская; Сырница Кузнецовская; Сырница Панкратовская – пахотные угодья Пч. – Пудожский район.

Названия прибалтийско-финского и неясного происхождения также подвергаются воздействию топонимической системы, которая включает их в разнообразные парадигматические отношения: д. Калакунда (вепс. *kala* `рыба`, *kund* `племя, родня` – СВЯ 1972: 119; 172) – Калакундинский порог К. – Заонежье; Ела́й – Андрияновский Ела́й; Га́чинский Ела́й; Кузнецо́вский Ела́й; Ту́линский Ела́й; Шкипинский Ела́й – покосы Лд. – Прионежье; д. Юрлуча – Юрлучское поле; Елинская Чупа (от кар. *širri*, вепс. *šir* `угол, тупик` [43, с. 90]); Бахтынская Чупа; Фоминская Чупа; Плоская Чупа; Медведева Чупа; Чупа за Родиным; Большая Чупа Родина; Большая Чупа; Исаевская Чупа; Чупа Исаева Алеши – пахотные угодья у д. Чернова Кш.; Танинская Руданга; Алешинская Руданга (ср. *guadia* `осваивать новые земли, вырубать лес под пашню` – СКЯ) – пахотные угодья От. – Пудожский район.

Синтагматические отношения топонимов – это отношение одного названия к другим на этой же территории [64, с. 58]. Чем дальше объекты друг от друга, тем меньше возможностей вступать в синтагматические отношения их названиям. Каждый ярус имеет свои синтагматические отношения. Так, микротопонимы возникают и употребляются в узком синтагматическом контексте. Они известны лишь в рамках одного населенного пункта. Собственно топонимы имеют более широкие синтагматические отношения. Ойконимы не должны повторяться в пределах сельсовета или даже района, названия городов – на территории области или страны [64]. Топо-

нимическая система может восприниматься как определенный текст.

Таким образом, совокупность географических наименований Карельского Поморья и Обонежья характеризуется относительно четкой системной организацией, способной выполнять номинативно-дифференцирующую функцию. В территориальной топонимической системе проявляется взаимная связь названий, вступающих в иерархические, парадигматические и синтагматические отношения. Значение географического наименования имеет определённую семную структуру. Для системы топонимов характерны групповые и бинарные оппозиции, отношения производности, многочленные оппозиции.

Исследуемая территориальная топонимическая система включает ряд топонимических микросистем, которые объединяют географические названия микрообъектов, известных в одном населенном пункте. Эти названия также характеризуются четкой системной организацией. Своеобразие топонимических микросистем Карельского Поморья и Обонежья проявляется в фиксации наименований русского происхождения, созданных на базе иноязычных наименований или включающих элементы прибалтийско-финского происхождения.

Русская топонимическая система Карельского Поморья и Обонежья, охватывающая восточную часть Карелии, выделяется на основе следующих принципов: исторического, географического, лингвистического. В топонимии данной территории сочетаются русские и прибалтийско-финские по происхождению элементы. Расселение носителей русского языка в Карельском Поморье и Обонежье привело к возникновению русской топонимической системы.

Рассматриваемая топонимия отличается от региональных топонимических систем Центральной России, так как содержит в своем составе значительное количество элементов прибалтийско-финского происхождения. В ней представлено значительно меньше аффиксальных наименований и распространены топонимы-словосложения, что составляет ее структурное своеобразие. Основой топонимической системы Карельского

Поморья и Обонежья являются исконно русские географические наименования.

Литература

1. Республика Карелия: Топографическая карта. Масштаб 1:200000. Москва, 1997.
2. Матвеев А.К. Топонимические этимологии I // Советское финно-угроведение, 1969, №4. С. 299–304.
3. Старостин Б.А. Несколько слов о топонимике Армянской ССР // Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965. С. 156–158.
4. Воробьева И.А. Русская топонимия в средней части Оби. Томск, 1973.
5. Воробьева И.А. Системные связи топонимов средней части бассейна реки Оби // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976. Вып. 2. С.3–10.
6. Мурзаев Э.М. Топонимика и география // Вестник МГУ. Серия V. География. 1963. №3. С. 11–16.
7. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974.
8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
9. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М., 1985.
10. Фролов Н.К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья. Тюмень, 1996.
11. Карпенко Ю. А. О синхронической топонимике // Принципы топонимики. М., 1964. С. 45–57.
12. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.
13. Карпенко Ю.А. Признаки молодости топонимической системы // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 48–57.
14. Керт Г.М., Мамонтова Н.Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1982.
15. Клементьев Е.И. Карелы: Этнографический очерк. Петрозаводск, 1991.
16. Покровская И.П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978.
17. Кузнецов П.С. Русская диалектология. М., 1954.

18. Мещерский Н.А. К изучению русских народных говоров на территории КАСССР // Уч. зап. Карельского пед. ин-та. Петрозаводск, 1962. Т.13. С. 112–130.
19. Русская диалектология / Под ред. проф. Н.А. Мещерского. М., 1972.
20. Русская диалектология / Под ред. проф. Л.Л. Касаткина. М., 1989.
21. Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. М., 1990.
22. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
23. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.
24. Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья 16–17 вв.: Из истории сельских поселений. М., 1962.
25. Богданов Н.И. К истории вепсов по материалам топонимики // Известия Карело-Финского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1951, №2. С. 24–31.
26. Пименов В.В. Вепсы. М., Л., 1965.
27. Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация (Общие вопросы) / Отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. М., 1977. С. 188–206.
28. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1983.
29. Ковалик И.И. Смысловая структура собственных имен // Ономастика Поволжья. Материалы I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск, 1969. С. 258–261.
30. Болотов В.И. К вопросу о значении имён собственных // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 333–345.
31. Гак В.Г. Лексическое значение слова // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 261–263.
32. Голев Д.Н. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. Вып. 8–9. Свердловск, 1974. С. 88–97.
33. Кузнецова Е.В. Лексикология русского языка. М., 1989.
34. Ирисханова К.М. Функционирование топонимов в художественной литературе. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1978.

35. *Шеулина Г.Л.* О структурно-словообразовательном подходе к анализу топонимического материала // Проблемы русской ономастики: Межв. сб. науч. тр. Вологда, 1985. С. 116–122.

36. *Карпенко Ю.А.* Становление восточнославянской топонимии [Закономерности словообразования] // Изучение географических названий. М., 1966.

37. *Никонов В.А.* Славянский топонимический тип // Географические названия. М., 1962. С. 17–33.

38. *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1965.

39. *Морозова М. Н.* Сопоставительное изучение топонимии Калужской и Тамбовской областей // Изучение географических названий. М., 1966. С. 72–75.

40. *Кузнецова Н.А.* Словообразование топонимов Пензенской области // Ономастика Поволжья. 4. Саранск, 1976. С. 255–258.

41. *Бондарук Г.П.* Топонимия Московской области // Топонимика. Вып. 1. М., 1967. С. 16–17.

42. *Лопаткин В. М.* Словообразовательный анализ русской топонимии Курской области // Топонимика. Вып. 3. М., 1969. С. 16–17.

43. *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

44. *Агапитов В.А.* Путешествие в древние Кижы: Топонимический очерк. Петрозаводск, 2000.

45. *Косова Э.И.* Об одном севернорусском словообразовательном топонимическом типе // Изучение географических названий. М., 1966. С. 60–61.

46. *Барышникова Э.Д.* Основные структурные типы названий населённых пунктов Шабалинского района Кировской области // Вопросы топонимистики. Свердловск, 1967. Вып. 3. С. 48–53.

47. *Адамович Е.М.* Варианты названий и названия-ориентиры в микротопонимии Случчины // Микротопонимия. М., 1967. С. 63–70.

48. *Никитин А.В.* Названия рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей (Опыт анализа топонимов-ориентиров). Автореф... канд. филол. наук. М., 1967.
49. *Карпенко Ю.А.* Свойства и источники микротопонимии // Микротопонимия. М., 1967. С. 15–23.
50. *Подольская Н.В.* Микротопонимы в древнерусских памятниках письменности // Микротопонимия. М., 1967. С. 39–53.
51. *Никитин А.В.* Топонимические прилагательные теплицкий – североцкий и верхний – нижний (По материалам названий рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской обл.) // Топонимика. Вып. 4. М., 1970. С. 15–17.
52. *Фролов Н.К.* Морфолого-словообразовательная структура русской топонимии Тюменской области // Русский язык в условиях говоров Тюменской области. Науч. тр. Тюменского ГУ. Сб. 39. Тюмень, 1976. С. 30–43.
53. *Никонов В.А.* Научное значение микротопонимии // Микротопонимия. М., 1967. С. 5–14.
54. *Рудных Е.И.* Предложные конструкции в русской топонимике бассейна Верхней Устьи // Вопросы топонимистики. Вып. 2. Свердловск, 1965.
55. *Просвирнина И.С.* Особенности семантики русских составных топонимов // Известия Уральского ГУ. Гуманитарные науки. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. № 20. С. 35–48.
56. *Селезнёва Л.Б.* Структура «географический термин – топоним» в русском языке // Вопросы ономастики. №8–9. Свердловск, 1974. С. 28–38.
57. Республика Карелия. Административно-территориальное устройство. Петрозаводск, 1996.
58. *Керт Г.М.* Топонимия в современном мире // Известия Уральского ГУ. Гуманитарные науки. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. № 20. С. 48–54.
59. *Топоров В.Н.* Некоторые соображения в связи с построением теоретической топонимистики // Принципы топонимики. М., 1964. С. 3–22.
60. *Блинохватова Р.И.* Микротопонимия с. Хоперское // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969.

61. *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2001. Т. 1.

62. *Матвеев А. К.* Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // ВЯ. 1989. №1. С. 77–85.

63. *Бушенёв Н.Т.* Антонимы среди топонимов (К вопросу о соотношении имён собственных и нарицательных) // Проблемы русской ономастики: Межв. сб. науч. тр. Вологда, 1985. С. 122–133.

64. *Воробьева И.А.* Ономастика в школе. Барнаул, 1987.

Сокращения

СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

СКЯ – Словарь карельского языка: Ливвиковский диалект. Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып.1–34. Л./Спб., 1965–.

Гидронимия Вологодского уезда

В состав Вологодского уезда в XVII веке входили районы Верхней Сухоны (с левыми и правыми притоками), Верхней Согожи, притока Шексны, земли, прилегающие к Кубенскому озеру и рекам, связанным с озером.

Всего на территории исследуемого региона зарегистрировано около 1300 гидронимов. В статье рассматриваются славынские названия рек, ручьёв озёр Вологодского уезда. Учитывая известную стабильность и устойчивость гидронимии во времени, считаем возможным использовать не только материалы деловой письменности XVI–XVII вв., но и более поздние источники (XIX–XX вв.).

Значителен удельный вес названий, отражающих особенности самих водных источников (52% от общего числа гидронимов), – качественных гидронимов. Большая группа таких наименований восходит к апеллятивам, характеризующим цвет воды:

чёрный: р. *Чёрная* (18 фиксаций), руч. *Чёрный* (5), оз. *Чёрное*, р. *Чернуха* (2), р. *Чернавка* (5), р. *Чернилиха* – п. Масляной (бас. Сухоны);

красный: оз. *Красное* (бас. Сухоны), р. *Рудинка* (Уточ. вол., ПОВу 1630, 15), ср. *рудый* – ‘кроваво-красный’ [Ф, III, 513]; руч. *Ржавец* (вол. Угла, КПВу 1589, 77 об.), ср. *ржавый* – ‘красно-бурый’;

синий: возможно, р. *Синица* (2), р. *Синичка* – п. Нурмы (бас. Костромы);

белый: руч. *Белый* – п. Красноселки (бас. Сухоны);

золотой: р. *Золотовка* – л.п. Кубены, р. *Золотуха* – п. Вологды (бас. Сухоны);

зелёный: оз. *Зелёное* (Троиц. тр., ПОВу 1630, 264), р. *Зеленица* – п. Лебяжней.

В гидронимии исследуемого региона топооснова *чёрн-* относится к числу наиболее продуктивных. Гидронимы, образованные от апеллятива *чёрный*, широко распространены на

Русском Севере, в средней полосе России [Мурзаевы: 1959, 250; Суперанская: 1970, 121; Березович: 1997, 100]. Так, например, в бассейне р. Юг регистрируется 16 употреблений гидронимов *Черная*, *Чернушка*, *Чернуха* [Матвеев: 1969, 195], в Белозерье отмечены оз. *Черное* (6 фиксаций), р. *Черная* (10), руч. *Черный* (5), оз. *Черновка*, р. *Черновка*, р. *Черниха*, р. *Чернуха* [Кашина: 1985, 35].

Термин *черная речка* известен в значениях: 1) 'речка по болоту, собирающая болотные воды, чёрные из-за наличия большого количества органических веществ'; 2) 'глухая стоячая речка'; 3) 'старица'; 4) 'открытая, незамерзающая речка'; 5) 'родниковые воды, ручьи, реки, начинающиеся из источников' [Мурзаевы: 1959, 250]. В некоторых случаях рассматриваемые гидронимы могут обладать мотивировкой 'текущий по чёрной земле – территории, где живут податные крестьяне'.

Белая вода – это вода во время цветения; мутная весенняя вода; вода, вспенившаяся после продолжительной бури [Мурзаевы: 1959, 38]; ср. также *белый* – 'освобождённый от государственных повинностей, нетяглый' [СлРЯ XI–XVIII, II, 323].

Лексема *красный* реализует в гидронимии не только цветные, но и оценочные значения: 'красивый, прекрасный', 'лучший'.

Гидронимы, восходящие к апелляциям *золотой*, *серебряный*, указывают на прозрачность и чистоту воды, на её цвет, сверкание, красоту места [Агеева: 1985, 32]. Кроме того, *золотой* – 1) 'жёлтого цвета, песчаный', 2) 'рыбный, богатый', 3) 'трудно осваиваемый, требующий больших затрат' [Овчар: 1991, 69–70]; *золотой ручей* – 'ключ, родник, не замерзающий зимой' арх. [СРНГ, 11, 333]. У В.И. Даля отмечены значения слова *золото* – 'навоз, назем, удобрение' [Д, I, 691]; возможно, *золотой* называли ещё и тёмную воду, насыщенную органическими кислотами, идущую в реки из болот [Кузнецов: 2001, 81].

Чаще всего рассматриваемые топонимы имеют цветные значения, причём "значения чрезвычайно ёмкие, конденса-

рующие огромное количество различных оттенков: чёрные и красные топонимы могут обозначать практически весь спектр тёмных тонов, а белые – «светлых» (красный сближается с чёрным на основе признака ‘мутный, ржавый’) [Березович: 1997, 100].

Признак ‘тёмная, мутная, загрязнённая вода’ реализуется в следующих названиях водных источников: р. *Кутица* – п. Индошки (бас. Уфтьюги), ср. в вологодских говорах *кутиться* – ‘становиться мутной, непрозрачной (о воде)’ [СВГ, 4, 25]; р. *Масляная* (2), р. *Масловка* – п. Юга (бас. Шексны) – ср.: *маслина, масленица, маслявина* ‘топкое место, болото’ череповец. [Ф, II, 578]; р. *Кастышка* (СНМРИ, 101) – возможно, от *касть* ‘нечистое, сор, дрянь’ [Д, II, 95], в вологодских говорах *кастить* – ‘пачкать, грязнить’ В.-У., Сямж., К.-Г. [СВГ, 3, 43].

Помимо цвета, при названии гидрообъектов учитывались вкус, запах воды: оз. *Соляное* (Уточ. вол., ПОВу 1630, 17); р. *Олоская* (Петр. вол., ПОВу 1630, 179) < *олось* ‘соль’ костром. [СРНГ, 23, 191]; р. *Сусла* – п. Порозовицы < *сусло* ‘сладковатый навар на муке и солоде’ [Д, IV, 364]; р. *Киселовка* – л.п. Сухоны < *киселый* ‘кислый, острый на вкус’ [СлРЯ XI–XVII, VII, 137], *кисель* – ‘кислота, кислина’ арх., пск. [СРНГ, 13, 228]; р. *Гнилуха* (бас. Шексны) < *гнилой* ‘сгнивший или гниющий; прелый, сильно затхлый, испорченный’ [Д, I, 361]; возможно, от *гнила* ‘глина’ новг., псков., твер., арх. [Д, I, 361], олон. [Куликовский, 15].

Многочисленны названия, мотивированные признаком ‘характер течения’:

а) ‘быстрое течение’: р. *Быстрец* – п. Пучкаса (бас. Сухоны), р. *Быстрица* (Замош. вол., ПОВу 1630, 272); р., руч. *Ерза* (2) – ср. *ерза* – ‘непоседа’ [Ф, II, 24]; р. *Жаровка* – п. Ельника (бас. Костромы) < *жар* ‘наиболее быстрое течение во время прилива, отлива или половодья’ [Мурзаев: 1984, 206]; руч. *Крутой* (6), р. *Крутая* (3), р. *Крутица* (3), руч. *Крутец* (2), р. *Крутиха* – л.п. Сухоны, < *крутой* ‘быстрый, стремительный (о реке, ручье)’ [СлРЯ XI–XVII, VIII, 89]; апеллятив *крутец* известен также в значении ‘крутой, обрывистый берег’ [СлРЯ XI–XVII, VIII, 88; Мурзаевы: 1959, 121]; р. *Пряденка* – п. Сизь-

мы [Сотн. Вол. у. 1544, 92] – ср. *прыдать* – ‘прыгать, скакать, сигать’ [Д, III, 531]; р. *Сулой* (СНМРИ, 103) < *сулой* ‘сильное проливо-отливное течение, выходящее из узкого места или из-за мыса в виде веера, образует пенистые полосы, в которых движение частиц подобно движению на поверхности кипящей воды’ [Мурзаев: 1984, 453]; р. *Турковка* – п. Делеевиды < *туркий, туровый* ‘скорый, быстрый’ волог., новг.; ср. *туровить* – ‘сгонять, шугать, пугать и прогонять’ волог., вят., перм., пск. [Д, IV, 444].

б) ‘тихое, спокойное течение’: руч. *Тиша* – п. Ерзы, рч. *Тишевка* (СНМРИ, 110) < *тиша* ‘спокойный плес реки после порогов’ [Мурзаев: 1984, 553]; р. *Сонная* – п.п. Лухтомги (бас. Кубены); р. *Меледка* – п. Юга (бас. Шексны) < *меледа* ‘медленность, мешковатость, канитель’ [СлРЯ XI–XVII, IX, 78].

Фиксируются гидронимы, отражающие особенности почвы, грунта гидрообъекта:

а) ‘устойчивое, песчаное или каменистое дно’: р. *Песошенка* (СНМРИ, 10), р. *Песчанка* (СНМРИ, 163); оз. *Дрестоватое* (Катр. вол., ПОВу 1630, 153), р. *Дресвянка* – п. Березника (бас. Кубены) < *дресва (дрества)* – 1) ‘крупный песок, гравий, образующийся при разрушении некоторых горных пород’ [Д, I, 492; СлРЯ XI–XVII, IV, 355], ‘песчаная почва’ [СВГ, 2, 56], 2) ‘песчаная береговая отмель’ [СлРЯ XI–XVII, IV, 355]; р. *Каменка* (6), руч. *Каменник* – п. Согожи < *каменик, каменка* ‘речка или ручей с каменистым ложем’ [Мурзаевы: 1959, 96], *Камешка* (Рожд. вол., КПВу 1589, 119), р. *Каменица* – п. Сити (бас. Кубены) < *каменица* ‘груда камней, каменная гряда’ [СлРЯ XI–XVII, VII, 42];

б) ‘неустойчивое, топкое, вязкое, зыбкое дно (грунт – глина, ил)’: р. *Глинница* (Сямж. вол., ПОВу 1630, 38), р. *Глинка* (СНМРИ, 17); р. *Тиновка* (2), р. *Тиновица* – п. Симы (бас. Кубены) < *тина*, также в значении ‘водяной мох’ [Ф, IV, 59], р. *Грязивица* (Катр. вол., КПВу 1584, 151) < *грязивый* ‘топкий’, ср. *грядкий* – ‘илистый, топкий’ [СлРЯ XI–XVII, IV, 144]; р. *Мокровка* – п.п. Кубены < *мокрый* ‘болотистый, топкий’ [СлРЯ XI–XVII, IX, 239], *мокра, мокро* ‘сырость, грязь’ Волог [СВГ, 4, 88]; р. *Кочевик* – л.п. Сухоны, ср. *кочеватый* – ‘покрытый коч-

ками, кочковатый' костром., арх. [СРНГ, XV, 123], р. Вязовка – п. Великой (бас. Сухоны) < вяз – 'болото' пск. [СРНГ, 6, 72], *вязать, вязнуть* 'угодить в топь, в грязь' [Д, I, 338] и др.

Топонимы реализуют признак 'шум, производимый водой':

а) 'производящий шум': р. *Говрець* (СНМРИ, 18) < *говрить* 'говорить' арх., новг., перм., моск. [СРНГ, 6, 261], р. *Гремячая* – п.п. Кубены, р. *Гремица* – л.п. Кубены < *гремячий* 'гремящий' [СлРЯ XI–XVII, IV, 129], *гремять* 'громко звучать, раскатываться гулом, звучным стукотком, разливаться резкою дробью, звоном, стуком, бряком, шумом' [Д, I, 392], *гремяч* – 'народное название ключа' [СРНГ, 7, 133]; р. *Звенячая* – л.п. Кубены, р. *Звонкая* – п. Тавеньги; р. *Солятка* [Рамен. вол., КПВу 1589, 110 об.]; р. *Плакуша* – п. Сенги (бас. Сухоны), оз. *Плаксивое* (Троиц. тр., ПОВу 1630, 264); р. *Перхунка* – п. Тимиревки – ср. *перхать* 'кашлять' [Д, III, 103];

б) 'не издающий звуков': р. *Молчанка* – п. Обноры (бас. Костромы), р. *Молчаница* (Катр. вол., КПВу 1589, 227 об.).

В названиях содержится характеристика русла реки:

а) извилистое русло: р. *Змейка* – п. Вологды (бас. Сухоны) < *змеяка* 'имеющая сходство с ползущей змеей' [СлРЯ XI–XVII, VI, 37], р. *Криула* (Кривула) (Уточ. вол., ПОВу 1630, 133) < *криула (кривула)* 'колени, изгиб, крутая извилинка реки' [Д, II, 194], 'излучина реки' волж. [СРНГ, 15, 248]; р. *Косиха* (2) < 1) *косой* 'имеющий изогнутость', 'непрямой' [СлРЯ XI–XVII, VII, 365; Д, II, 174]; 2) *косой*, ср. *косая вода* – 'невысокая, неравномерно спадающая полая вода' [СлРЯ XI–XVII, VII, 365];

б) прямолинейное русло: р. *Простинка* – л.п. Лежи (бас. Сухоны) < *прость* 'прямой путь' [Д, III, 513], р. *Стрелица* – п. Вологды (бас. Сухоны).

Фиксируются гидронимы, отражающие наличие мелей, перекатов, плесов, омутов, порогов, островов: р. *Котёл* – п. Сегжи (бас. Шексны) < *котёл* 'небольшая яма на дне залива или озера' арх. [СРНГ, 15, 101]; р. *Порожница* – п. Малой Кубеницы (бас. Кубены) < *порожный* 'имеющий пороги' [СлРЯ XI–XVII, XVII, 122], р. *Прудница* – п. Бохтюги (бас. Сухоны) < *прудный*, ср.: *прудное место в реке* – 'запруженное наносом, мелями' [Д, III, 529], оз. *Омутье* (бас. Сухоны), р. *Седловка* –

п. Большой Ельмы < *седло (седловина)* 'вал из наносов, соединяющий косы' [Чайкина: 1983, 94], р. *Островок* – п. Вологды (бас. Сухоны) и др.

Реже качественные названия основываются на следующих признаках:

– 'температура воды, режим замерзания' ('холодная вода' – 'тёплая вода'): р.ч. *Студенец* (бас. Костромы) < *студёный* 'холодный' [Д, IV, 346], *студенец* – 'родник, подающий холодную воду' [Мурзаевы: 1959, 212]; р. *Талица* (3) < *талица* 'незамерзающая, но покрываемая льдом река' [Мурзаевы: 1959, 220];

– 'величина гидрообъекта' ('большой' – 'незначительный по размерам'): р. *Большая* (2), оз. *Большое* (бас. Кубены); р. *Великая* – п.п. Лежи (бас. Сухоны); р. *Долговка* – п.п. Лежи (бас. Сухоны) < *долгий* 'длинный, большой по размеру' [СлРЯ XI–XVII, IV, 296]; р. *Малая* – п. Пойки (бас. Кубены), оз. *Малое* (СНМРИ, 8); р. *Измальник* – п. Масляной (бас. Сухоны) – ср. *измалывать, измалить* – 'умалывать, уменьшать, крошить, меньшевать' [Д, II, 25];

– 'глубина' ('большая глубина' – 'небольшая глубина'): оз. *Глубокое* (Троиц. тр., ПОВУ 1630, 263); р. *Плоская* – п. Ембы (бас. Кубены) < *плоский* 'неуглублённый' [Д, III, 127];

– 'водный режим' ('немноговодный, пересыхающий' – 'разливающийся'): р. *Суховская* – п. Кихти (бас. Кубены), р. *Сухтица* – л.п. Сямжены (бас. Кубены); р. *Весниха* (вол. Ег. Зад., ПОВУ 1630) < *весна* 'весенний разлив' арх., костр. [СРНГ, 4, 184];

– 'время и способ образования': р. *Глушица* – л.п. Сухоны < *глушица* 'глухой, непроточный рукав реки'; 'старица' [СлРЯ XI–XVII, IV, 39], оз. *Глухое* (2) < *глухой* 'непроточный (о водоёме)' Урал., Свердл., Вят. [СРНГ, 6, 216]; оз. *Заливское* (СНМРИ, 132) < *заливский; заливская вода* – 'вода, прибывшая о время разлива рек' арх. [Подвысоцкий, 15; СРНГ, 10, 208];

– 'участок реки по течению': р. Устье (СНМРИ, 159), р. *Верхотина* (Катр. вол., ПОВУ 1630, 57) < *верхотина* 'верховье, место у истока реки' [СлРЯ XI–XVII, II, 105];

– ‘тип гидрообъекта’: руч. *Вытек* (СНМРИ, 163) < *вытек* ‘источник, родник, исток озера, ручей из болота’ [Мурзаев: 1984, 90]; р. *Поточина* – п. Почки < *поточина* ‘ручей’ [СлРЯ XI–XVII, XVIII, 7]; р. *Ручей* (Лещ. вол., КПВу 1589, 90), р. *Ключ* – л.п. Кубены; по свидетельству В.А. Никонова, топонимы *Ручей* закреплялись на маршрутах и рубежах новгородской колонизации, названия *Ключ* – на пути переселенцев из московских земель [Никонов: 1961, 183–185].

Отмечены эмоционально-оценочные названия: р. *Бесскорбная* – п. Монзы (бас. Костромы), р. *Красавка* (СНМРИ, 112) – возможно, от *красава* ‘красавица’ Хар. [СВГ, 3, 118], р. *Искренняя* – п. Каменки (бас. Сухоны), р. *Вшивка* – п. Лухтомги (бас. Кубены) и др.

В гидронимии Вологодского уезда нашли широкое отражение мотивы номинации, связанные с объектами флоры и фауны. Названия могут быть мотивированы как свойствами самих водных реалий (р. *Сить*, оз. *Щучье*, оз. *Лебяжье*), так и признаками окружающего ландшафта (р. *Березовка*, р. *Ельник*).

В составе имён, указывающих на характерные особенности водной и прибрежной растительности, выделяется несколько подгрупп:

а) ‘травы’: р. *Борщовка* – п. Шомбы (бас. Сухоны); р. *Диглица* – л.п. Кубены < *дигель* ‘высокое травянистое растение с пустым стеблем’ вят.; ‘стебель травы’ волог. [СРНГ, 8, 52–53]; р. *Сить* (2) < *сить* ‘осока’ [Ф, III, 628]; р. *Хмелевица* – п. Суслы (бас. Порозовицы);

б) ‘кустарники’: р. *Вересовка* (СНМРИ, 167) < *верес* ‘хвойное кустарниковое и древесное растение; можжевельник’ [СлРЯ XI–XVII, II, 85]; р. *Ивняшка* – п. Нурмы (бас. Костромы), р. *Лозовка* – п. Ючки (бас. Кубены) < *лоза* ‘ивовый кустарник’ [СлРЯ XI–XVII, , 276];

в) ‘деревья’: р. *Березовка* (10), р. *Березовик* – п. Ухтомы, р. *Березовица* (Лещ. вол., КПВу 1589, 163), руч. *Березовский* (СНМРИ, 99); р. *Еловик* – п. Ухтомы (бас. Шексны), р. *Еловка* – п.п. Уфтюги, р. *Ельник* – п. Обноры (бас. Костромы), р. *Елховка* – п. Вохтожки (бас. Сухоны) < *елоха*, *елха* ‘ольха’ Гряз.

[СВГ, 2, 73]; р. *Ильмовка* (СНМРИ, 95) < *ильма, ильм, илем* 'вяз' [СлРЯ XI–XVII, VI, 224; Куликовский, 31]; р. *Липовец* (2); р. *Ольховка* (2), р. *Осиновка* (3) и др. Названия *Березовка* (*Березовик, Березовица, Березовский*) относятся к числу частотных.

Обширна группа гидронимов, указывающих на обитателей водоёмов и побережий (рыб, птиц, зверей): р. *Лещовка* (2); р. *Меник* – п. Тошни (бас. Сухоны) < *мень, меник* 'налим' [Д, II, 318]; р. *Сига* – п. Майменги (бас. Кубены), оз. *Гагарье* (бас. Сухоны); р. *Казаровка* – п. Делеевицы (бас. Кубенского озера); оз. *Бельчиха* (бас. Сухоны), р. *Бобровская* – п.п. Уфтюги, р. *Вепровка* – п.п. Сямжены (бас. Кубены), р. *Медвежья* – п. Вотчи (бас. Кубены), оз. *Мездрик* < *мездра* 'белка' волог. [СРНГ, 18, 93] и др.

В локативных названиях фиксируются характерные признаки рельефа, например: р. *Высоковка* – п.п. Кубены, р. *Хребтица* – п.п. Сямжены (бас. Кубены) и др.

Локативные гидронимы могут быть связаны с обозначением хозяйственных угодий, расположенных в долине реки и на придолинных склонах: руч. *Выруб* (вол. Угла, КПВу 1589, 72 об) < 'вырубленный лес', 'место, где рубят лес' [Д, I, 311], р. *Горелица* (вол. Ив. Сл., КПВу 1589, 238) < *горель* 'выжженный лес' [Д, I, 384], р. *Дороватка* – л.п. Кубены, р. *Новленка* – п. Кубенского оз.; р. *Пострадная* – л.п. Кубены – *пострадь* 'росчисть' [СлРЯ XI–XVII, XVII, 254; Д, III, 346] и др.

Гидронимы, образованные от апеллятивов с общим значением 'домашние животные', отражают особенности хозяйственной деятельности человека: р. *Коневка* – п. Сити (бас. Кубены), оз. *Коровье* (бас. Сухоны), р. *Овечка* – п.п. Кубены, оз. *Телячье* (бас. Сухоны) и др. При этом может выражаться идея близости объектов к дому. По наблюдениям Е.Л. Березович, символами дома в языковой картине мира русского крестьянина являются образы курицы, петуха. Дополнительная мотивировка "куриных" названий – 'очень мелкая речка' (предельная степень признака) [Березович: 2000, 86]. В наших материалах фиксируются названия речек *Кокош* (Троиц. тр., ПОВу 1630, 263) < *кокош* 'курица, курица-наседка' [СлРЯ

XI–XVII, VII, 230]; руч. *Курочка* – п. Двиницы (бас. Сухоны); р. *Куровица* – п. Мойменги (бас. Кубены) – возможно, от *куров*, прил. к *кур* ‘петух’ [СлРЯ XI–XVII, VIII, 190].

Среди объектов, давших своё имя рекам, озёрам, могли быть монастыри и церкви: р. *Пустынка* – л.п. Уфтюги, оз. *Никольское* (*Комельское*) – монастырь Николо-Озерский.

Отмечены гидронимы, возникшие по сотнесённости со смежными селениями: р. *Орловка* – п. Каи (бас. Кубенского оз.) – д. *Орловка*, р. *Сенинская* – д. *Сенинская* (вол. Бог. Заб., ПОВу 1630, 19), р. *Кобылина* – сц. *Кобылино* (Двиниц. вол., ПОВу 1630, 259).

В основе целого ряда названий рек, озёр лежат общепро-странственные ориентиры, которыми руководствовались перво-поселенцы, определяя местоположение водотока:

1) ‘находящийся между объектами’: р. *Средняя* – п. Сон-ной (бас. Кубены);

2) ‘находящийся к северу’: р. *Ночница* (2);

3) ‘находящийся в стороне от дороги, населённого пункта’: р. *Боковица* – л.п. Кубены, р. *Особница* – л.п. Кубены < *особ-ный* ‘особенный, отдельный от других’, ‘свой, собственный, личный, частный’ [СлРЯ XI–XVII, XIII, 126], пучкас *Особица* (бас. Сухоны);

4) ‘находящийся на границе освоенной территории’: р. *Рубежница* (2), р. *Меженка* – п. Глушицы (бас. Сухоны), р. *Ме-женица* – л.п. Кубены;

5) ‘положение относительно другого линейного объекта (реки, дороги)’: р. *Перешница* – п. Леденьги (бас. Кубены) < *перешный* ‘поперечный’ [СлРЯ XI–XVII, XIV, 305];

6) ‘находящийся за другим объектом’: р. *Задворница* – п.п. Нижней Печеньги (бас. Кубены) < *задворный* ‘находящийся позади изб,’ ‘за двором, позади двора’ [Д, I, 573; СВГ, 2, 113],

7) условная локализация (порядок по счёту относительно ориентира): оз. *Красное* – 2-е (бас. Сухоны), оз. *Гагарье* – 2-е (бас. Сухоны).

В редких случаях гидронимы содержат два мотивировоч-ных признака: р. *Малая Березовка* – п. Вёксы (бас. Сухоны) (‘флора’ и ‘величина объекта’);

р. *Малая Чернавка* – п. Сенги (бас. Сухоны) ('цвет воды' и 'величина объекта'); р. *Кустоватый Ручей* – п.п. Кубены ('тип гидрообъекта' и 'растительность'); р. *Окольная Сухона* – п.п. Сухоны ('водный режим' и 'локализация в пространстве') и др.

В качестве дифференциаторов используются определения *большой – малый, верхний – нижний*: р. *Большая Ломовица* – р. *Малая Ломовица* – п. Сухоны (различительный признак – величина объекта); р. *Верхняя Кропивница* – р. *Нижняя Кропивница* – п.п. Кубены, оз. *Верхнее Свято* – оз. *Нижнее Свято* (бас. Сухоны) (различительный признак – локализация по течению реки).

Итак, выявленные в ходе анализа продуктивные семантические модели свидетельствуют о характерной тенденции отражения в названиях естественных объектов прежде всего физико-географических свойств реалий.

Наиболее активными способами топонимообразования в славянской гидронимии Вологодского уезда являются семантическая деривация и аффиксация.

Продуктивная разновидность лексико-семантического способа образования гидронимов – субстантивация прилагательных: оз. *Долгое* (бас. Сухоны), оз. *Красное* (бас. Сухоны), руч. *Крутой* (6 фиксаций), р. *Сонная* – п.п. Лухтомги (бас. Кубены), р. *Черная* (18 фиксаций) и др.

Семантическая деривация может быть основана на метонимических переносах: руч. *Выруб* (вол. Угла, КПВу 1589, 72 об.), р. *Котел* – п. Сегжи (бас. Шексны), р. *Островок* – п. Вологды (бас. Сухоны). Очень часто название даётся по отношению к деревне, где протекает река: р. *Анисимовка* – п.п. Лежи (бас. Вологды), р. *Афонасьевка* – п. Кубенского оз., р. *Карповка* – п. Кубенского оз., р. *Лобановка* – л.п. Лежи, р. *Петровка* – п.п. Кубены, р. *Ивановская* – п.п. Кубены, р. *Обрамиха* – п.п. Кубены, р. *Сенкина* – л.п. Уфтюги и др. Все наименования принадлежат малым гидрообъектам. В микрогидронимии контактный перенос собственных имён со смежных объектов является продуктивной словообразовательной моделью [Трубачёв: 1968, 87; Чайкина: 1983, 90].

Довольно широко представлена аффиксальная деривация. Производные названия в данном случае возникают суффиксальным способом. Наиболее активны форманты -иц(а), -к(а), -овк(а), -евк(а).

Формант -иц(а) справедливо считается древним. Он исключительно продуктивен на восточнославянской территории, в том числе в Правобережной Украине, Верхнем Поднепровье, на Новгородской земле [Трубачёв: 1968, 171; Муллонен: 2002, 74]. Ареалы гидронимов на -иц(а), по мнению ряда учёных, маркируют места относительно раннего русского освоения [Матвеев: 1987, 67; Муллонен: 2002, 74]. А.К. Матвеев приводит убедительные примеры: на Урале, заселяемом русскими в XV–XVI вв., названия на -иц(а) ещё изредка встречаются (гидронимы *Волосница*, *Сылвица* и др.), но они почти не отмечены в Сибири, где массовая русская топонимия появляется только в XVII в. [Там же].

Примеры гидронимов с суффиксом -иц(а) многочисленны на территории исследуемого региона: р. *Боровица* – л.п. Кубены, р. *Княжица* – п. Кубенского оз., р. *Крутица* – п. Индошки (бас.Уфтьюги), р. *Михалица* – л.п. Кубены, р. *Хребтица* – п.п. Сямжены (бас. Кубены) и др.

Под влиянием продуктивной словообразовательной модели происходят структурные изменения ряда гидронимов: р. *Окуловица* – п.п. Кубены < р. *Окуловка* (Троиц. тр., ПОВу 1630, 264), р. *Жаровица* – л.п. Кубены < р. *Жаровка* (Лещ. вол., КПВу 1589, 150 об.) и др.

Продуктивен в гидронимии формант -к(а). В ряде случаев он присоединяется к осложнённой другими суффиксами основе: р. *Паточинка* – п. Сухоны, р. *Песошенка* – п. Кубенского оз. и др. По словам И. Муллонен, изначально деминутивное значение для форманта чаще всего не актуально. Суффикс выступает в качестве знака топонима, отличающего имя от апеллятива [Муллонен: 2002, 78].

С помощью топоформанта -овк(а) образуются названия водных объектов, отражающие природные свойства реки, особенности окружающего ландшафта: р. *Бродовка* – л.п. Лежи (бас.Сухоны), р. *Золотовка* – л.п. Кубены, р. *Мокровка* –

п.п. Кубены, р. Седловка – п. Бол. Ельмы (бас. Кубенского оз.), р. Тиновка – л.п. Уфтюги, р. Язовка – л.п. Сухоны и др.

Число составных наименований, образованных в результате синтаксической деривации, сравнительно невелико. Как правило, составные названия содержат дополнительный признак – указание на величину водотока, на местоположение одного гидрообъекта относительно другого: р. *Большой Пунгул* – р. *Малый Пунгул* (бас. Кубены), оз. *Большое Яхренгское* – оз. *Малое Яхренгское* (бас. Уфтюги), р. *Верхняя Печеньга* – р. *Нижняя Печеньга* (бас. Кубены), р. *Верхняя Кропивница* – р. *Нижняя Кропивница* (бас. Кубены) и др.

Итак, в гидронимии Вологодского уезда нашли отражение природные условия региона, особенности его заселения.

Литература

1. Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. – М.: Наука, 1985.

2. Березович Е.Л. О специфике топонимической версии этнокультурной информации // Известия Уральского государственного университета. – Вып. 7. – С.90–105.

3. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург, 2000.

4. Кашина Н.П. Гидронимия Белозерья // Проблемы русской ономастики. – Вологда, 1985. – С. 29–38.

5. Матвеев А.К. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология. 1967. – М.: Наука, 1973. – С.192 – 200.

6. Матвеев А.К. Архаическая русская топонимия на северо-востоке Европейской части СССР // Вопросы языкознания. – 1987. – №2. –С.66–76.

7. Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. – Петрозаводск, 2002.

8. Никонов В.А. Ручей – Ключ – Колодезь – Криница – Родник // Материалы и исследования по русской диалектологии. – Вып. 2. – М., 1961.– С. 180–198.

9. Овчар Н.В. Опыт идеографического описания озерных гидронимов Русского Севера // Номинация в ономастике / Под ред. М.Э.Рут. – Свердловск, 1991. – С.60 – 74.

10. Суперанская А.В. Терминологичны ли цветные названия рек? // Местные географические термины. – М.: Мысль, 1970. – С.120–127.

11. Трубочев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. – М.: Наука, 1968.

12. Чайкина Ю.И. К интерпретации микрогидронимии Сухоны // Методы топонимических исследований. – Свердловск, 1983. – С.89 – 97.

Сокращения

Словари

Д – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. I – IV. – М., 1989 – 1999.

Кузнецов – Кузнецов А.В. Русские названия рек, ручьев и озер Тотемского района: Топонимический словарь // Тотма: Краеведческий альманах. – Вып. 3. – Вологда, 2001. – С.62–129.

Куликовский – Куликовский Г.И. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1898.

Мурзаев – Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. - М.: Мысль, 1984.

Мурзаевы – Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. - М.: Географиз, 1959.

Подвысоцкий – Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885.

СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вып. 1 – 9. – Вологда, 1983–2002.

СлРЯ XI – XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв. – Вып. I – XXVI. – М.: Наука, 1965–2002.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. – Вып. 1 – 27. –М.–Л.– СПб.: Наука, 1965 – 1992.

Ф – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Т. I – IV. – М., 1964– 1973.

Источники

ПКВу 1589 – Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг. (Подготовлена к печати Н.И. Федышиным) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы. – Вып. II. – Вологда, 1972.

ПОВу 1630 – Писцовое описание Вологодского уезда 1630 года // Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. – Вып. II. – Петроград, 1918.

СНМРИ – Списки населенных мест Российской империи. Вологодская губерния: По сведениям 1859 г. – Т. 7. – СПб., 1866.

Сотн. Вол. у. 1544 – Сотная с писцовых книг Т.А. Карамышева на земли Кирилло–Белозерского монастыря в Вологодском уезде (Подготовлена к печати Л.С. Прокофьевой) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). – Вологда, 1981.

Географические названия

Бог. Заб. – волость села Богословское Заболотье.

Двиниц. вол. – Двиницкая волость.

Ег. Зад. – волость села Егорьевское Заднее.

Замош. вол. – Замошская волость.

Ив. Сл. – волость Иванова Слобода.

Катр. вол. – Катромская волость.

Лещ. вол. – Лещовская волость.

Рам. вол. – Раменская волость.

Рожд. вол. – Рождественская волость.

Сямж. вол. – Сямженская волость.

Троиц. тр. – Троицкая треть.

Уточ. вол. – Уточенская волость.

Личные имена в названиях сельскохозяйственных угодий Белозерского края конца XIV–начала XV вв.

Проблемам реконструкции антропонимов на материале топонимии посвящены работы ряда современных исследователей. В статье Я. Саарикиви «Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения» предпринята попытка реконструировать финно-угорские личные имена на базе субстратной топонимии Архангельской области [7]. Личные имена, отраженные в псковских и новгородских гидронимах, зафиксированных в памятниках письменности XVI – XIX вв., рассматриваются Р.А. Агеевой в статье «Антропонимические основы в восточнославянской гидронимии Псковских и Новгородских земель» [1].

В данной статье личные имена, лежащие в основе названий сельскохозяйственных угодий (пожен, пашен, пустошей, полей, деревень) Белозерского края, исследуются по документам конца XIV – начала XV вв. Отмеченный период – это конечный этап развития языка древнерусской народности, от которого дошло незначительное количество письменных памятников, поэтому анализ ономастического материала, отмеченного в деловой письменности Кирилло-Белозерского монастыря, представляется особенно значимым.

Включение названий деревень в состав исследуемой группы топонимов применительно к концу XIV – началу XV вв. исторически обосновано. Как отмечает С.Б. Веселовский, в XIV–XV вв. «слово *деревня* означало не само селение, не постройки, а участок земли, и не просто участок, а комплекс угодий: пашенной земли, покосов, леса и т.п.» [4]. По словам В.Я. Дерягина, «значение 'многодворное крестьянское поселение' у слова *деревня* на Севере могло появиться не ранее XVIII в., так как только с этого времени возникают здесь многодворные крестьянские поселения» [5, 122]. В условиях од-

нодворной деревни XIV–XV вв. номинация по первопоселенцу или владельцу приобретает особую актуальность. Исследование нашего материала подтверждает это положение: в топонимии Белозерья отантропонимические образования составляют около 70%.

В основах исследуемых топонимов широко представлены календарные личные имена: *Иван* (село *Ивановское* АСВР №100, *пустошь Ивановская* АСВР №170, *Ивановы пожни* АСВР №134) *Никон* (*Никоновская пожня* АСВР №115), *Василий* (*Васильев наволоок* АСВР №30), *Логин* (*полоса Логинова* АСВР №184), *Роман* (*Романовская пустошь* АСВР №153), *Арист* (*деревня Аристовская* АСВР №75, *пустошь Аристовская* АСВР №52), *Трофим* (*земля Трофимовская* АСВР №50), *Кондрат* (*Кондратова пустошь* АСВР №120). В живой народной речи личные имена греческого происхождения трансформировались, приобретали русифицированные формы и в этих формах закреплялись в названиях населенных пунктов. Анализ топонимического материала позволяет выявить механизмы адаптации календарных личных имен в русских народных говорах. В основах отантропонимических топонимов отразились преобразования, возникшие в результате действия фонетических норм русского языка и севернорусских говоров той эпохи: 1) оканье: *Ондрон* ← *Андрон* (*Ондророва земля* АСВР №16), *Оверкий* ← *Аверкий* (*Оверкеева межа* АСВР №60); 2) чередование [o] – [y]: *Кузьма* ← *Козьма* (*Кузьминские пустоши* АСВР №290); переход [y] в [v], произошедший под влиянием изменения губно-губного [w] в губно-зубной [v]: *Овдей* ← *Аудий* (*Овдеевы две земли* АСВР №192); 3) зияние гласных: *Остафий* ← *Еустафий* (*Остафьев огород* АСВР №28); 4) сокращение инициальных слогов: *Еремей* ← *Иеремия* (*Еремеева пустошь* АСВР №153), *Сидор* ← *Исидор* (*Сидоровская пустошь* АСВР №61); 5) межслоговая ассимиляция гласных и согласных: *Фарафон* ← *Ферапонт* (*Фарафонов двор* АСВР №184), *Нестер* ← *Нестор* (*Нестеров огород* АСВР №6); 6) утрата конечного согласного основы: *Харлам* ← *Харламп* (*Харламовская деревня* АСВР №17), *Фарафон* ← *Ферапонт* (*Фарафонов двор* АСВР №184);

7) развитие протетических звуков: *Увар* ← *Уар* (*Уварова пустошь* АСВР №153), *Константин* ← *Костантин* (*Константинова земля* АСВР №52); 8) замена греческого [ф] на [п]: *Есип* ← *Осиф* (*Есиповская земля* АСВР №265); 9) замена начального [н] на [м]: *Микифор* ← *Никифор* (*Микифоровы пожни* АСВР №168), *Микита* ← *Никита* (*Микитские деревни* АСВР №143). По данным Г.Я. Симиной, замена начального [н] на [м] свойственна древненовгородскому говору [8, 45]. Таким образом, исследование топонимии Белозерья конца XIV – начала XV вв. позволяет сделать вывод о том, что к концу XIV века основные процессы адаптации календарных имен в русском языке были завершены.

Ряд топонимов восходит к именам-модификатам, образованным усечением основы исходного личного имени: *Тим* ← *Тимофей* (*Тимовское селище* АСВР №307), *Ондрон* ← *Андроник* (*Ондророва земля* АСВР №16). Усечению могли подвергаться конечные *-ий*, *-ей*: *Григор* ← *Григорий* (*деревня Григорово* АСВР №184), *Зинов* ← *Зиновий* (*Зиновова пустошь* АСВР №321), *Влас* ← *Власий* (*полоса Власова* АСВР №184). В некоторых случаях усечение *-ий*, *-ей* сопровождалось изменением конечного гласного основы: *Мелех* ← *Мелентий* (*Мелеховская пустошь* АСВР №324). По мнению Ю.В. Алабугиной, появление вариантов полных личных имен, образованных путем отсечения конечных *-ий*, *-ей*, объясняется типологическими особенностями севернорусских говоров [2, 93].

Присоединение к основам или их частям суффиксов названий лиц также являлось способом адаптации календарных имен в русском языке. В топонимии Белозерского края представлены модификаты личных имен, образованные от усеченных основ при помощи суффиксов *-юн*, *-яй*, *-ша*, *-дя*: *Матюня* ← *Матя*, *Матвей* (*пустошь Матюнинская* АСВР №47), *Васюня* ← *Вася*, *Василий* (*пожня Васюнинская* АСВР №168), *Митяй* ← *Дмитрий* (*поженки Митяевские* АСВР №4), *Осташ* ← *Еустафий* (*Осташевская пустошь* АСВР №324), *Перша* ← *Порфирий* (*пустошь Першинская* АСВР №67), *Евша* ← *Евсей* (*земля Евшинская* АСВР №168), *Ивша* ← *Иван*

(Ившино селище АСВР №307), Гриша ← Григорий (Гришинская пустошь АСВР №120), Гридя ← Григорий (Гридинская пустошь АСВР №321). Как отмечает Г.Я. Сими́на, бытовые варианты личных имен с суффиксами -дя, -ша характерны и для древненовгородского диалекта [8, 45].

Большую группу составляют топонимы, в основе которых лежат формы личных имен, образованные от полных и усеченных основ при помощи суффиксов -к(а), -ец, которые, по мнению А. И. Толкачева [10], имели в древнерусской антропонимии XI – XV вв. значение субъективной оценки: П^анька ← П^аня, П^антелеймон (П^аньковская земля АСВР №49), У^альянка ← У^альян, Ю^алиан (У^альянкова полоса АСВР №11), Д^авы́дка ← Д^авы́д (Д^авы́дкова пустошь АСВР №321), Г^ав^арилка ← Г^ав^арил (деревня Г^ав^арилкова АСВР №51), М^атька ← М^атя, Д^ами^атрий (пожня М^аит^акинская АСВР №168); Г^алебец ← Г^алеб (пустошь Г^алебе́ва АСВР №24), И^аванец ← И^аван (пустошь Ч^аю^аравских И^аванцевская АСВР №66), И^алеец ← И^алья (деревня И^алей^ацино АСВР №114). Особого комментария требует словообразование личного имени И^алеец. Квалитативы с суффиксом -ец образуются путем присоединения форманта к полной основе, поэтому в данном случае следовало бы ожидать форму И^альец, а не И^алеец. По мнению А.И. Толкачева [10], форма И^алеец возникла по аналогии с квалитативами типа Д^ами^атреец (← Д^ами^атрей). Причиной, повлиявшей на выбор в качестве образца именно этой формы, вероятно, послужил тот факт, что основа с гласным [э] И^алей- выступает в качестве производящей в квалитативном образовании И^алейка (ср. И^алейка М^аих^алев АСВР №290).

В конце XIV – начале XV вв. группа топонимов, образованных от некалендарных личных имен, является достаточно многочисленной. Однако с XIV века активность древнерусских антропонимов в официальных наименованиях начинает постепенно уменьшаться, поэтому некалендарные личные имена представлены в географических названиях пропорционально меньше, чем календарные личные имена. По мнению Е.Н. Варниковой, продуктивность топонимов, имеющих в основе календарные личные имена, объясняется экстралин-

гвистическими причинами [3]. Активность церковных имен в Белозерье, с точки зрения исследователя, связана с наличием крупных монастырей в этом крае, «кроме того, – отмечает Е.Н. Варникова, – сыграла свою роль и близость Белозерья к центральному району Русского государства» [3, 69].

Незначительное число топонимов отантропонимического происхождения соотносится с некалендарными внутрисемейными и так называемыми «охранными» личными именами: *Шестак* (деревня *Шестаково* АСВР №184), *Брык* (*Брыкова пустошь* АСВР №153), *Ушак* (*Ушакова деревня* АСВР №287), *Кощей* (*Кощеевская пустошь* АСВР №153), *Бесстуж* (пожни *Безстужовские* АСВР №40), *Негодяй* (землица *Негодяевская* АСВР №58), *Неволя* (наволоки *Неволин* АСВР №83). Вероятно, в древнерусский период в Белозерье антропонимы данной группы были менее продуктивны, чем календарные личные имена или некалендарные имена-прозвища. Последние представлены в топонимии Белозерья в большом количестве и отличаются семантическим разнообразием.

Древнерусские имена-прозвища, лежащие в основе названий сельскохозяйственных угодий, могут характеризовать внешний вид именуемого (*Мигачевская деревня* АСВР №9 – *Мигач*, *Кнышовская пустошь* АСВР №321 – *Кныш* 'о человеке маленького роста' Твер., Орл., Тул., Волог. [СРНГ, 13, 347]; *Пархачевская земля* АСВР №264 – *Пархач* ← *парх* 'шелуди, золотушная сыпь на голове' [СД, 3, 20]; *Хаиминские пожни* АФЗХ №307 – *Хайма* 'нечистота, грязь' твр. [СД, 4, 541]), черты характера (*полоса Путьгина* АСВР №184 – *Путьга* ← *путь* 'тот, кто часто путается, медлительный, бестолковый человек' Костр., Влад., Свердл. [СРНГ, 33, 155]; *деревня Лаптево* АСВР №184 – *Лапоть* 'о грубом и нерасторопном человеке' Орл., 'о тихом и неповоротливом человеке' Петерб. [СРНГ, 16, 266]; *Корневская пустошь* АСВР №5 – *Корень* 'упрямый, суровый человек' [СРНГ, 14, 323]), особенности поведения (*пустошь Шавницина* АСВР №267 – *Шавница* ← *шава* 'шутник, балагур, вун, лясник' [СД, 4, 618]), умственное

и физическое состояние человека (*земля Дурбеневское* АСВР №263 – *Дурбень*, *Нетягово селище* АФЗХ №310 – *Нетяга* 'недостаток сил, слабость' Твер., Яросл. [СРНГ, 20, 183]). Ряд топонимов имеет в основе личные имена, характеризующие человека по этнической или профессиональной принадлежности (*Проскурницинская пожня* АСВР №290, *полоса Кузнецова* АСВР №184, *Поповская земля* АСВР №264, *Перминовская земля* АСВР №264).

Топонимию Белозерского края отличает наличие в основе большого числа некалендарных личных имен, связанных с названиями частей человеческого тела: *пожни Рукинские* АСВР №91 – *Рука*, *деревня Губкина* АСВР №168 – *Губка*, *Брюхова слобода* АСВР №170 – *Брюхо*, *земля Носищево* АСВР №263 – *Носище*, *Брожикова пустошь* АСВР №153 – *Брожик* ← *брожье* 'лицо' [СРНГ, 3, 193], *Вижькшинский наволоок* АСВР №5 – *Вижькша* ← *вижи* 'глаза' Брян. [СРНГ, 4, 277], *пожня Щелипинская* АСВР №168 – *Щелепень* 'челюсть, нижняя скула' [СД, 4, 653], *Кутникова пустошь* АСВР №323 – *Кутник* 'задний коренной зуб' Москв., Тул., Брян., Иркут., Пск. [СРНГ, 16, 35], *пустошь Кочевиньская* АСВР №59 – *Кочева* 'голова' Костр., Влад., Твер., Калуж. [СРНГ, 15, 123].

Необходимо отметить, что подавляющее большинство некалендарных личных имен, представленных в географических названиях конца XIV – начала XV вв., соотносятся с новгородскими антропонимами, зафиксированными в Новгородских писцовых книгах: *Перебатинская земля* АСВР №264 – *Перебатый Кузьма* [НПК, 965], *деревня Щуклино* АСВР №290 – *Щукля* [НПК, 405], *пустошь Чуравских Колышкино* АСВР №66 – *Колышкин Еска* [НПК, 37], *Кустовская сторона* АСВР №87 – *Куст Василий* [НПК, 44], *Бренкова пустошь* АСВР №120 – *Брен Иван* [НПК, 9], *пожня Щелипиньская* АСВР №168 – *Щелепин Петр* [НПК, 96], *Копыловский огород* АСВР №94 – *Копыл* [НПК, 38], *Мигачевская деревня* АСВР №9 – *Мигач* [НПК, 52], *Пархачевская земля* АСВР №264 – *Пархачев Якуш* [НПК, 64], *Саверасовские пустоши* АСВР №167 – *Сав-*

рас [НПК, 74], Ворсовское перевесье АСВР №223 – Ворса Иван [НПК, 15], пустошь Судокская АСВР №64 – Судок [НПК, 507], деревня Тупиловская АСВР №51 – Тупик Василий [НПК, 86], пустошь Шуклинская АСВР №80 – Шукля Евстафий [НПК, 442], Чуриново селище АСВР №307 – Чурин Борис [НПК, 93].

Особый интерес представляют отраженные в географических названиях формы имен-композиата с характерным для новгородской антропонимии суффиксом *-ят(а)*: *Вышата* ← *Вышеслав* (*Вышатинская пустошь* АСВР №120), *Журята* ← *Жирослав* (*деревня Журятино* АСВР №86). Появление в корне топонима *Журятино* гласного [y] объясняется особенностями древненовгородского говора: как отмечает Г.Я. Сими́на, для новгородского диалекта характерно произнесение звука [y] вместо [и] (*Пумин, Перфурий, Огруфения*) [8, 7].

Формально-грамматический анализ материала показал, что исследуемые географические названия возникли в результате топонимизации поссесивной конструкции, состоящей из притяжательного прилагательного и существительного – географического термина. Образование притяжательных прилагательных происходило путем присоединения к основе антропонима суффиксов *-ов/-ев/-ин* или их вариантов *-овск/-евск/-инск*. По мнению исследователей, суффикс *-ск* присоединялся к притяжательному прилагательному в тех случаях, когда географический объект именовался по бывшему владельцу [9]. Исследователи отмечают, что притяжательные прилагательные с суффиксом *-ск* «не выражают значения собственно принадлежности (обладания), они указывают на относительность, условность поссесивных отношений» [11, 112]. Однако случаи взаимозамены вариантов на *-ов/-овск* в текстах монастырских актов позволяют говорить о семантической близости суффиксов *-ов* и *-ск*, об отсутствии в XIV–XV вв. четких разграничений в их значениях.

В топонимии XIV–XV вв. наряду с двучленными также представлены трехчленные атрибутивные конструкции. Ис-

следуемые аналитические формы строятся по нескольким моделям: а) географический термин + личное имя в форме род. пад. + патроним в форме род. пад. (*Еремея Горяинова земля* АСВР №264, *пожня Давыда Клементьева* АСВР №135, *Гриди Черного пустошь* АСВР №321); б) притяжательное прилагательное на –овск/-евск/-инск в форме им. пад. + географический термин + патроним в форме род. пад. (*пустошь Якушинская Исакова* АСВР №267, *деревня Михалевская Горкаваго* АСВР №90, *деревня Ивашовская Мишина* АСВР №16, *Гридина деревня Доринская* АСВР №165); в) притяжательное прилагательное на –ов/-ев/-ин в форме род. пад. + географический термин + патроним в форме род. пад. (*Ондрейкова пустошь Горлова* АСВР №111, *Остафьева земля Скрипина* АСВР №264, *Васильевы села Безносовы* АСВР №154, *деревня Дорофеева Безбородова* АСВР №51). Как отмечает Р. Мароевич, последняя модель является достаточно древней и сохраняет свою связь с системой посессивных категорий праславянского языка [6].

В результате исследования языка памятников письменности конца XIV – начала XV вв. в топонимии Белозерья удалось обнаружить черты древненовгородского диалекта. Многие личные имена и их формы, реконструируемые на основе топонимов Белозерского края, вероятно, восходят к эпохе заселения района Белого озера новгородскими словенами. Формально-грамматический анализ географических названий показал, что отдельные модели, по которым строятся аналитические формы посессивных топонимов, известны еще праславянскому языку. Таким образом, изучение посессивных топонимов по данным монастырских актов конца XIV – начала XV вв., наиболее древних памятников письменности Белозерья, позволяет описать особенности функционирования личных имен в древнерусском языке, выявить архаические черты в антропонимической системе Белозерского края.

Литература

1. Агеева Р.А. Антропонимические основы в восточнославянской гидронимии Псковских и Новгородских земель // Историческая ономастика. – М., 1977.
2. Алабугина Ю.В. Календарное имя в севернорусских говорах // Ономастика и диалектная лексика. – Екатеринбург, 1996.
3. Варникова Е.Н. Антропонимы Среднего Посухонья // Русская региональная лексикология и лексикография. – Вологда, 1999.
4. Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV – XVI вв. – М.–Л., 1936.
5. Дерягин В.Я. К истории слов *село* и *деревня* в русском языке // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – М.: Наука, 1971.
6. Мароевич Р. Методологические вопросы реконструкции древнеславянских топонимов // ВЯ. – 1997. – №3.
7. Саарикиви Я. Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения // Русская диалектная этимология. – Екатеринбург, 2002.
8. Сими́на Г.Я. Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья). – Л.: Наука, 1980.
9. Смольников С.Н. Категория посессивности в старорусском языке и проблемы исторической ономастики // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. – Вологда, 2002.
10. Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI – XV вв. // Историческая ономастика. – М., 1977.
11. Чайкина Ю.И. Способы выражения посессивности в дозорной книге г. Белоозеро 1617–1618 гг. // Русское слово в тексте и словаре. – Вологда, 2003.

Сокращения

АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Т. 2. – М., 1958.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. – Т. 1. – М., 1951.

НПК – Новгородские писцовые книги. Указатель. – Петроград, 1915.

СД – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. – М., 1955.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–27. – М.–Л.–СПб., 1956–1992.

Издательская лицензия ИД №06123 от 23.10.01

Подписано в печать 06.12.04

Бумага писчая. Формат 60x84 1/16

Условных печатных листов 11,9

Учетно-издательских печатных листов 9,9

Тираж 120 экз. Заказ № 2441

*Отпечатано в полном соответствии
с предоставленными материалами*

Издательство ГУ Вологодский ЦНТИ

160000, г. Вологда, ул. Зосимовская, 3 (2 этаж)

Отпечатано отделом оперативной полиграфии
ГУ Вологодский ЦНТИ, тел. (8172) 723-722, 721-746